

**АЛЕКСАНДР
СТРУЧЕВ**

Ц **РСТВО**

1951-1954

Александр Струев
Царство. 1951–1954

«Алгоритм»

2015

УДК 327.8
ББК 66.2

Струев А. Л.

Царство. 1951–1954 / А. Л. Струев — «Алгоритм», 2015

Роман «Царство» рассказывает о времени правления Н.С. Хрущева. Умирает Сталин, начинается умопомрачительная, не знающая передышки, борьба за власть. Одним за другим сбрасывает с Олимпа хитрый и расчетливый Никита Сергеевич Хрущев. Сначала низвергнут и лишен жизни Лаврентий Берия, потом потеснен Георгий Маленков, через два года разоблачена «антипартийная группа» во главе с Молотовым. Лишился постов и званий героический маршал Жуков, отстранен от работы премьер Булганин. Что же будет дальше, кому достанется трон? Ему, Хрущеву. Теперь он будет вести Армию Социализма вперед, теперь Хрущев ответственен за счастье будущих поколений. А страна живет обычной размеренной жизнью – школьники учатся, девушки модничают, золотая молодежь веселится, влюбляется, рождаются дети, старики ворчат, но по всюду кипит работа – ничто не стоит на месте: строятся дома, заводы, электростанции, дороги, добываются в недрах земли полезные ископаемые, ракеты стартуют к звездам, время спешит вперед, да так, что не замечаешь, как меняются времена года за окном. Страшно жить? И да, и нет, но так интересно жить, и, главное – весело! На дворе стояли 1951–1954 годы...

УДК 327.8
ББК 66.2

© Струев А. Л., 2015
© Алгоритм, 2015

Содержание

8 июля 1951 года, понедельник	6
21 августа 1952 года, четверг	9
20 февраля 1953 года, пятница	10
28 февраля 1953 года, суббота	11
1 марта 1953 года, воскресенье	25
2 марта, понедельник	29
3 марта, вторник	32
4 марта, среда	36
5 марта, четверг	44
6 марта, пятница	46
7 марта, суббота	51
8 марта, воскресенье	53
9 марта, понедельник	55
10 марта, вторник	58
11 марта, среда	60
14 марта, суббота	65
20 марта, пятница	66
24 марта, вторник	68
14 апреля, вторник	70
15 апреля, среда	73
23 апреля, четверг	74
14 апреля, пятница	83
25 апреля, суббота	84
27 апреля, понедельник	85
1 мая, пятница	88
5 мая, вторник	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Александр Леонидович Струев

Царство. 1951 – 1954

© Струев А.Л., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

8 июля 1951 года, понедельник

Из кабинета заместителя председателя Совета министров они вышли в коридор, потом спустились на первый этаж и оказались на улице.

Обращаясь к Саркисову, Берия распорядился:

– Гони машины к пушке, туда идем!

– К Царь-пушке, понял! – козырнул начальник бериевской охраны.

Солнце стояло над головой, яростный свет резал глаза, глядеть вокруг было трудно. Жарко, нестерпимо жарко для лета, просто несносно! Воздух в Москве раскален, асфальт на дорогах почти плавился, испаряя мутные смолы, хорошо, кремлевские дороги сделаны из гранитной брусчатки, не коробились под солнцем, к тому же вдоль дорог росли могучие деревья, в тени которых жар ослабевал.

– Дышать нечем! – обтирая носовым платком пот, проговорил Маленков. Полные люди совсем плохо переносят жару. – Пошли! – Он махнул рукой, и троица двинулась дальше.

– Абакумову крышка! – проговорил Берия.

– Да. Ничего нельзя сделать, разгневал Хозяина. И Вознесенского с Кузнецовым на эшафот! – затряс головой Георгий Максимович. – Теперь тебе, Никита, за органами надзирать, он тебя назвал.

– Я органы не потяну, я с их работой плохо знаком, – буркнул Хрущев.

– Тут сложного нет, быстро освоишься, – глядя на товарища, изрек Лаврентий Павлович. – А вот вместо Абакумова кого – думать надо.

– Промахнуться нельзя, должность ключевая, – заметил Георгий Максимович и поправил на голове белый картуз. – Главное – товарища Сталина к правильной кандидатуре подготовить.

– Хрущев его заговорит! – усмехнулся Берия. – Он как начнет гундеть, кого хошь с ума сведет!

– Зачем говоришь! – обидно скривил губы Никита Сергеевич.

– Самого Сталина задуришь!

– Причем тут задуришь, я свое доказываю!

– Угломонитесь, ребята! – прикрикнул на спорщиков Маленков. – Хорошо, что Хрущева в кураторы, а то б двинул кого со стороны, и что? От Хозяина сейчас всякого можно ожидать.

– Стал непредсказуем! – бросил Берия.

– Никите Сталин верит.

– Никита лепит что ни попадя! – опять подтрунил Берия.

– Ну, чего ты, Лаврентий!

– Радуйся, надзиратель!

– Сегодня по телефону товарищ Сталин свое решение утвердил, – кивал Маленков. – Придется тебе к нему в Пицунду лететь.

– Попал! – сокрушался Никита Сергеевич и тер нос, хотелось чихнуть.

Георгий Максимович похлопал его по плечу:

– Теперь, Никита, твоя очередь потеть!

У Хрущева сделалось неприветливое лицо – он будет отвечать за работу всей карательной надстройки, значит, находится под пристальным вниманием Сталина, а Сталин промахов не прощал. Виктор Семенович Абакумов на пост был поставлен сразу после Берии. Берия от счастья прыгал, когда его на оборонную промышленность определили, напился тогда в хлам и без конца повторял: «Не съели, не съели!» Правильно твердил, всех министров до него ждала пуля – и твердолобого Ягоду, и малоразборчивого Ежова. Ежов морально был к работе в органах не готов: выходец из рабочих, двигался по партийной линии, возглавлял Комиссию партийного контроля и Орготдел Центрального Комитета, став Секретарем ЦК, курировал общие

вопросы. Сталина слушал неукоснительно. Когда на отдыхе в Германии, в санатории, переспал с медицинской сестрой и чуть не угодил в лапы вражеской разведки, товарищ Сталин отмазал его от Менжинского, которому передали откровенные фото и обличающие донесения на члена Центрального Комитета. На почве баб он сходил с ума, но после прискорбного случая с медсестрой-немкой, которая прямо в палате бросалась ему на шею и лезла в штаны, низкорослый рабочий проклял женский пол, и, поговаривали, стал заглядываться на мужиков.

Все это товарища Сталина устраивало, и Молотову фигура Ежова на пост народного комиссара внутренних дел показалась подходящей. Сталин и Молотов им и дирижировали. С приходом на Лубянку Ежова органы заработали с утроенной силой. Генеральный Комиссар Государственной Безопасности не выдерживал накала, не мог изо дня на день смотреть на истязания, при которых пытки инквизиции казались невинными прелюдиями, по ночам его преследовали нечеловеческие крики и хруст ломаемых костей. Понимая обреченность, подследственные не желали признаваться в злодеяниях, но поставленные старшими товарищами задачи надлежало выполнять, вытягивая признания. Для присутствия на таких карательных мероприятиях Ежов имел толстокожих замов. Они-то и толкали вперед непрехотливую машину правосудия, походившую скорее на мясорубку, а не на кодекс демократических основ. Благодаря неутомимой работе органов партия очищалась. Как ни старался главный каратель отвлекаться от тюремной мерзости в обществе миловидных мужчин – превратился в законченного алкоголика. Хотя, может, Иосиф Виссарионович его в алкоголика специально превратил: приглашая, всегда наливал водки и заставлял пить до дна. Николай Иванович быстро деградировал, Сталину докладывали, что Ежов с утра в стельку. Однако работа делалась, на ключевых постах соперников не осталось, товарищ Молотов с Иосифом Виссарионовичем валяжно прогуливались по ковровым дорожкам, вычеркивая из списка нежелательных активистов.

Труднее всего пришлось с маршалами. Военные – это как накипь в кастрюле, бесконечно цепляются один за другого: безукоризненное военное братство – кто с кем учился, кто с кем служил; удивительная гадость, которую надо драть железным скребком! Но и их выскребли, как говорится, произвели санацию, война доделала начатое НКВД дело, военных подравняла, подправила; военачальники, хоть и считались героями, стали тихими, послушными, а недобитые вольнодумцы, типа генерала Власова, все равно угодили в руки госбезопасности. Власть – дело мудрое, хитрое, коварное, кровавое. Просто так власть не дается! Но власть стеречь надо, ох, стеречь! В суровой битве есть только один победитель, вторых мест при первом не бывает, так что органы не бездействуют.

Берия – тот находил к Сталину подходы, хорошо получалось у него лавировать, вот и не попал под раздачу, но и он до смерти трясся, ожидая над головой занесенный топор. Маленков был безобидным и настолько преданным первому лицу, что внимания на нем не заостряли. К тому же он всю бумажную работу тянул, куда без такого? И Никита вершителя судеб устраивал: с виду головотяп, но мысли в голове здоровые, с определенной тупизной, но и с усердием. Выстраивать вертикаль не просто, опора по-любому нужна, а вот как с этой опорой дальше – вопрос...

– Значит, кончился Виктор Семенович? – вздохнул Маленков.

– Спекся Абакумов! – кивнул Берия.

– Что ж мне, соглашаться? – пробормотал, польщенный доверием, но не на шутку обеспокоенный новым поприщем Никита Сергеевич.

– А тебя кто спрашивает? Иди, трудись! – выпалил Георгий Максимович.

– Я, Егор, как в трясику ступаю!

– Хозяин стар, как-нибудь продержишься, если что, мы подстрахуем, – тихо добавил Берия.

– А ты нас страхуй! – Еще тише шепнул Георгий Максимович.

– Слышали, Сталин хочет состав Президиума расширить? Это значит – шапки полетят! – оценил ситуацию Лаврентий Павлович.

– Наши шапки! – вздохнул Маленков.

– Я пить начал, – признался Берия. – Раньше девок в постель волок, а сейчас залезу на бабу, а перед лицом смерть стоит!

– А Абакумов знает, что он уже... того? – поинтересовался Никита Сергеевич.

– На завтра его позвал, от работы отстраню, а как в коридор выйдет, там арестуют, – ответил Маленков. – И абакумовских замов в тюрьму.

– Вот уж, б...дь! – вздохнул Берия. – А расширение состава Президиума дело совершенно гадкое, понаберет новых людей, а мы – на хер!

– Не паникуй! – цыкнул Маленков.

– Катимся мы, ребята, черт знает куда! – в сердцах проговорил Хрущев. – А Булганин, почему не пришел?

– Звонка ждет, Хозяин обещал позвонить, по Василию, по сыну будет спрашивать. Опять Васька отцу наябедничал, что самолеты херово летают.

– Задаст Николаю! – хмыкнул Берия.

– Он его ценит. Недаром на Колю Министерство Вооруженных Сил повесил. Вот она, Царь-пушка, пришли!

– Когда мне в Пицунду ехать?

– Завтра лети.

– А если спросит, кого министром госбезопасности?

– Пусть сначала сам скажет, – проговорил Маленков. – По любому советоваться затеет.

– А если не скажет?

– Раньше времени высываться нельзя! – тряс головой Маленков.

– Может, Рясного предложить? Он в Украине министром был, – предложил Хрущев.

– Рясной – жидковат! А вот Игнатьева Дениса обозначить можно, он от абакумовской шайки-лейки далек. Сталин к нему неплохо относится, и я Игнатьевым доволен, долгое время подо мной был, – высказался Георгий Максимович.

– Пустой человек и мямля! – отозвался о кандидатуре Игнатьева Берия.

– Пусть пустой, зато без амбиций и нам близок.

– Ну, смотри! – отпустил тему Лаврентий Павлович.

– Тогда я Рясного на Главное управление охраны рекомендую, а на кадры – Харьковского секретаря Епишева, а Миронова Кировоградского и Савченко к Игнатьеву замами.

– У него, Егор, уже весь расклад готов! – встрепенулся Берия.

– Чего готов, я с вами советуюсь! Эти парни мне как облупленные понятны, а если чужие придут, как будем действовать?

– Делай, делай! – поддержал Маленков.

И Берия не стал возражать:

– Главное, чтобы ты, Никита, устоял!

21 августа 1952 года, четверг

Молодость, ах, молодость! Молодость опьяняет, влечет на подвиги, молодость покоряет миры, окрыляет сердца! Рада танцевала весь вечер, летала по залу, захлебывалась радостью, и сейчас, скинув туфли, завалившись на кровать, лежала, раскинув руки, и понимала, что совершенно не устала. Она бы протанцевала еще полночи или всю ночь, ей хотелось танцевать еще и еще, хотелось во все глаза смотреть на обожаемого кавалера, и не только смотреть, хотелось держать за руки, заглядывать в глаза, вздрагивая всем сердцем, улыбаться, хотелось любить!

В субботу он позвал гулять в парк, каждые выходные там устраивались танцы. Алексей пригласил избранницу на танец раз, другой, третий, а потом они и вовсе перестали уходить с площадки, закончив танец, стояли, прижавшись друг к другу, и ждали, пока заиграет музыка. Алеша крепко прижимал ее и тоже радовался!

Рада посмотрелась в зеркало – румяная, разгоряченная, но совершенно не уставшая. Алексей обещал звонить завтра, значит надо поскорее заснуть, приблизить завтрашний день!

Скорей бы завтра!

20 февраля 1953 года, пятница

Илюше шел пятый годик, хороший рос мальчик, не капризный, любящий, только вот играть ему было не с кем, сверстников рядом не было, лучшими друзьями оставались взрослые.

При помощи нянечки Илюша выкрасил в красный цвет лист бумаги и нарисовал на нем сердечки. Неровные вышли сердечки у ребенка, но няня нестройные линии подправила, и, конечно, вырезать помогла, чтобы Илюша ножницами не укололся, да и не умел он в таком малом возрасте красиво вырезать. В результате получилось пять симпатичных сердец: одно – побольше, другое – поменьше, но все яркие, симпатичные. Илья сосредоточенно пересмотрел их.

– Думаешь, Ириша из школы пришла? – обратился он к няне.

– Еще учится.

Илья направился в комнату сестры.

– Вот так! – расположив сердечко по центру ее подушки, сказал мальчик, затем поспешил в комнату брата.

Сергей учился в институте на первом курсе, его тоже дома не оказалось. И у Сережи на кровати появилось сердечко.

Комната старшей сестры Рады стала следующей. Радочка заканчивала университет и лишь на выходных появлялась у родителей.

Обойдя этаж, мальчик отправился на поиски мамы: спустился вниз и первым делом пришел на кухню. Завидев малыша, кухарки заулыбались.

– Попьешь киселя? – предложила румяная Тоня.

Илюша отрицательно замотал головой – ему надо было отыскать мамочку. Он прошел столовую, пробежал вытянутую гостиную, громко затопал по лестнице, поднимаясь в родительскую спальню, и тут навстречу появилась Нина Петровна.

– Мое золотце! – мама подхватила сына на руки.

– Я тебя ищу, – сообщил Илья.

– Вот и нашел!

– Нашел. Сейчас, – он покопался в кармане, достал алое сердечко и протянул ей.

– Сердечко?

– Да. Тебе.

– Ты сам нарисовал?

– Сам!

– Спасибо, милый! – мама ласково поцеловала сына.

Он зажмурился, не любил, когда его целуют.

– Знаешь, что означает сердечко? – спросил малыш.

– Что?

– Любовь! Я всем по сердечку сделал. Знаешь, почему?

– Почему?

– Потому что мы любим друг друга, потому что мы – семья!

Нина Петровна еще крепче прижала к груди любимое чадо.

– А папа где?

– Папуля еще спит, его будить не надо. Ты поиграй пока, а после к нему сходим и сердечко отнесем.

– Ладно! – согласился Илья и неохотно поплелся в детскую.

28 февраля 1953 года, суббота

– Что топчетесь, входите, входите! – Генеральный Секретарь Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза, Председатель Совета министров, Верховный главнокомандующий, генералиссимус Сталин стоял в дверях и доброжелательно оглядывал гостей. Он был невысок, с крупными, резкими чертами восточного лица. – Покушаем, а то я проголодался!

На ужин приехали Маленков, Берия, Булганин и Хрущев. От центра Москвы до сталинской дачи в Волынском, которая располагалась перед станцией Кунцево, ходу было минут двадцать, поэтому и называлась дача «ближняя». Узенькая дорожка уводила автомобиль в еловый лесок. На опушке движение преграждали высокие ворота, показав пропуск и предъявив машину для осмотра, можно было двигаться дальше. Чтобы добраться до основного дома, приходилось миновать три высоченных забора, увитых колючей проволокой. Между первым и вторым зиял глубокий ров, заполненный водой. Повсюду висели провода под током, вышагивали бдительные патрули, гавкали свирепые собаки.

Дача правителя охранялась, точно заветная драгоценность. Подъездные дороги сюда можно было за считанные минуты забаррикадировать бетонными чушками, которые ловко выставлялись на проезжую часть опытным крановщиком. Замаскированные пушки и тяжелые танки, находившиеся в постоянной боевой готовности, завершали неприступную оборону. А за забором – красота! – лесок, кустики, полянки, подмосковная божья благодать.

Последние годы Сталин безвылазно жил за городом, в Кремль наведывался редко – кому положено, тот и сам на «ближнюю» подскочит. Жизнь текла своим чередом. Если Иосиф Виссарионович не температурил или не мучился слабостью желудка, то каждый вечер принимал гостей. С середины 1951 года приглашенными оставались Маленков, Берия, Булганин и Хрущев. Для разнообразия генералиссимус делал исключения: то украинского секретаря пригласит, то умудренного знаниями президента академии наук вызовет, то какого-либо министра вниманием удостоит, а иногда одаренного кинорежиссера примет – обсудит будущий фильм. И всех обязательно встретит с радушием, из собственных рук угостит, допьана напоит и вопросы всякие задаст: и наивные, точно он, Сталин, с луны свалился, и каверзные, на которые и ответить что, не знаешь. Посмеивается Иосиф Виссарионович, подливает в бокалы спиртное, развязываются язычки за столом. Однажды Засядько, который за угольную промышленность отвечает, так накачал, что тот в беспамятстве навзничь упал и головой стул сломал – думали, убился. А Сталин тычет в него пальцем и приговаривает: «А говорил, Засядько меру знает! Ничего он не знает, унесите отсюда!» – Еле угольщика откачали.

В этот вечер Сталин был в хорошем расположении духа – Маленкова хлопнул по плечу, Булганину крепко пожал руку, Хрущева миролюбиво ткнул в живот и Берии Лаврентию Павловичу широко улыбнулся. За столом расселись как обычно: Маленков рядом с вождем народов, напротив – Берия в окружении Хрущева и Булганина. В столовую уже подавали закуски. Чахохбили из молоденьких цыплят да зеленое лобио в высокой глиняной миске – вот, пожалуй, и все из грузинской кухни. Остальные блюда были традиционными: несоленая селедочка, которую подсаливал каждый по вкусу, ее очень признавал Хозяин; холодный поросенок, нарезанный порционными ломтиками; тушенные в чугушке гусиные потроха, соленья, судачок под маринадом да холодец, который предлагался с ядреной волынской горчицей, – хватало чем закусить.

Чтобы не закапать одежду, Берия и Маленков заправили за воротники рубашек салфетки. Булганин разложил свою на коленях, он принимал пищу, интеллигентно орудуя ножом и вилкой.

– Проголодались? – во весь рот улыбался Сталин, показывая редкие мелкие зубы.

– Проголодались! – поддакнул Маленков, угодливо склоняясь над столом.

Хрущев потянулся за «Боржом», в горле пересохло, жадно выпил и стал по примеру товарищей заправлять за ворот салфетку. Он постоянно улыбался, даже когда его ругали, на оттопыренных толстых губах не исчезала обескураживающая улыбка.

– Ты, смотри, тоже голодный, – обратился к нему вождь и учитель.

– Как зверь! – заявил Никита Сергеевич, в обед он предусмотрительно отказался от второго, чтобы в гостях порадовать Хозяина, подналечь на угощения.

– По-ку-ша-ем! Надо было ехать скорее, а то заждался, – с укором проговорил Сталин. – А вы руки мыли?

– Забыли! – растерянно проскулил Булганин.

– Марш руки мыть! Что за несознательный народ!

Все послушно побежали мыть руки. Необъятный Маленков спешил в уборную, приговаривая:

– Да, гигиена, конечно, как же это мы...

– Неряхи! – хмурился Сталин. – Мойте с мылом!

Умывальник в уборной был один, и возле него образовалась очередь.

Каждодневные ночные застолья были очень похожи, менялись лишь времена года за окном, а в доме все оставалось по-прежнему – та же до мелочей знакомая аскетическая обстановка: добротная громоздкая мебель, неприятные люстры, плотные, всегда наглухо задернутые портьеры, тот же, то ли затхлый, то ли кисловатый, пропитанный ветхостью дух величия; лицемерно предупредительные и дерзкие глаза охраны, приглушенные разговоры вполголоса, чтобы, не дай Бог, не обеспокоить его, Хозяина. Не менялся и сам вождь – походка, голос, жесты, знакомый серый френч, до блеска начищенные черные полуботинки.

– Эй! Где вы застряли?! – донесся в открытую дверь уборной недовольный голос.

В последний год Сталин стал особенно подозрительным, мстительным и беспокойным.

Берия первым устремился в столовую. Снова расселись по местам. Маленков, этакий неповоротливый, в три обхвата, педант, со съехавшим на лоб чубчиком, стал опять заправлять за ворот салфетку. Приземистый лысый Хрущев, также не отличавшийся худобой, по примеру Булганина в этот раз оставил салфетку на коленях.

– Э-э-э, про лекарство забыл, – протянул вождь и, раздраженно мотнув головой, поднялся из-за стола. – Вы берите, берите, налегайте! – позволил он.

Подойдя к буфету, Иосиф Виссарионович открыл дверку, достал с полки мензурку и флакончик рыжего стекла. Во флакончике был йод. Плеснув в мензурку воды, Сталин поднял пузырек на уровень глаз и, развернувшись к свету, стал сосредоточенно капать лекарство. Он стоял спиной к гостям, запрокинув седую голову так, что сидящим за столом было видно большую, во весь затылок, сталинскую проплешину. Ему шел семьдесят третий год. Старость беспощадно сжимала отца народов своими неумолимыми тисками.

– Пят, шест, сем, восем! – сосчитал он.

Каждый день вождь выпивал ровно восемь капель йода. Это было его универсальное лечение. После ареста врачей-убийц, опасаясь приступов неизлечимых болезней, Иосиф Виссарионович стал производить такую процедуру регулярно.

– Не хочу докторов звать, отравят, как Жданова отравили! Сам полечусь, – объяснял он. – Йод – отличное средство. Как его пить стал, почувствовал себя другим человеком, не хожу, а летаю!

Причмокнув, председатель правительства осушил мензурку.

– Теперь и сока можно. Что нам сегодня подсунули? А ну, прокурор, проверь!

С некоторых пор вождь стал величать Берия «прокурором». Отлучив от себя Молотова, Микояна, Кагановича и Ворошилова, он сделал его бессменным тамадой. Сталин постоянно

пил грузинские вина, которые ласково именовал «сок». Берия послушно подошел к батарее бутылок, выставленной на краю стола.

– «Хванчкара», «Киндзмараули», «Оджалеси», «Твиши», «Манавицвани», – перечислял он. – С чего начать?

– Открывай все, что жалеть!

Лаврентий Павлович ловко откупорил бутылки и благолепно развернулся к Хозяину.

– Теперь пробуй! – велел тот.

Берия наливал в стакан по чуть-чуть и пробовал.

– Как?

– «Напареули» выразительно, – указывая на этикетку, похвалил тамада.

– Ты не ленись, лучше вкус познай! – Иосиф Виссарионович подошел к тамаде и налил добрую порцию: – А то пробовал, как воробушек, ничего не разобрал! – притянув Берию за шею, закончил он.

Лаврентий Павлович выпил, и не просто выпил, а как положено, сначала подержал напиток во рту, поболтал между небом и языком, а уж затем проглотил.

– «Напареули» лучшее! – подтвердил он стоящему над душой Сталину. – Если не веришь, сам пей!

Берии единственному дозволялось называть Хозяина на «ты».

– А это? – плеснув в бокал «Манавицвани» и подсовывая Лаврентию под нос, не унился генералиссимус.

Пока напитки, выставленные на столе, не перепробуют, вождь к ним не прикасался.

– Я его уже пил, – отнекивался Берия.

– Не кривляйся!

Берия снова выпил.

– И это нравится! – оценил он белое, с умеренной кислинкой, «Манавицвани».

– Раз нравится, значит, пить будем! – отозвался владыка.

Он внимательно всматривался в лицо дегустатора – не пойдут ли вдруг щеки бордовыми едкими пятнами? Не перекосятся ли корявой судорогой рот? Не перехватит ли дыхание трагический приступ удушья? Очень беспокоился отец народов, что в последний момент чья-то недобрая рука подсыпала в бутылку смертоносный яд.

Берия преданно, как собака, смотрел повелителю в глаза.

«Вроде жив, под стол не падает!» – успокоился вождь.

– Что стоишь? Сам напился, а другим не дал? А ну, разливай! – Говорил Сталин медленно, допуская долгие паузы, которые каждое его слово делали обстоятельным, весомым.

Булганин выпил, и Хрущев, проглотив солидную порцию, раскраснелся, и задумчивый Секретарь Центрального Комитета Маленков дышит. Яд ни на кого не действовал, получалось, что не было в вине яда.

– Как? – глядя на седовласого красавца Булганина, спросил Сталин, все еще не дотрагиваясь до собственного фужера.

– Обалденное! – нахваливал Николай Александрович. Он залпом проглотил терпкое, в меру прохладное «Оджалеси».

– Вот Булганин силач, пьет и не падает! – глядя на своего первого заместителя, усмехнулся Хозяин. – Недаром он военный министр! – Конопатое, изъеденное оспой лицо изобразило полнейшее восхищение.

Наконец председатель правительства тоже выпил и сразу целый бокал. Глаза Иосифа Виссарионовича забежали по столу:

– Тебе, Никита, чего положить? Ты, вижу, на потроха смотришь? – Правитель стал выкладывать на тарелку дымящиеся гусиные потроха, томленные в русской печи с золотистым луком,

морковкой и лавровым листом. – Ешь, Никита, ешь, а то дома тебя не кормят! – в шутку приговаривал генералиссимус.

Никита Сергеевич с удивительным напором принялся за замечательное лакомство. Тут и печеночка попадалась, слегка сладковатая на вкус, и желудочки, и сердечки. Что ни говори, а вкуснятина! Хрущев за обе щеки уплетал восхитительные потроха, чуть ли не вылизывая тарелку. У Сталина потекли слюнки, но покуда доверенный человек потрохами не облопается, к блюду не прикасался.

Из присутствующих Сталин был самый голодный. Раньше полвторого дня он с постели не поднимался, около трех подавали завтрак, в семь вечера мог легонько перехватить, но чаще обходился чаем с ватрушкой, а как раз в полночь наступало самое время обедать или ужинать, – как хочешь, так и назови.

– Ну, потрошки! Ну, потрошочки! – от удовольствия жмурился вождь, мурлыча под нос: «Жили у бабуси два веселых гуся!» – наконец-то он добрался до еды.

В этот момент Валечка принесла эмалированную кастрюльку и поставила перед Лаврентием Павловичем.

– Ваша травка! – сказала женщина и отняла крышку.

Лишь ей одной позволяли здесь обслуживать. Она уже двадцать пять лет жила при Сталине. Простая русская женщина, малограмотная, но золотое, бесхитростное сердце.

– Опять Лаврентий траву жует! – усмехнулся Булганин, который все наливал себе хмельное «Оджалеш».

Берия всегда ел исключительно свое: не обращая ни на кого внимания, придвигал кастрюльку ближе и принимался за индивидуальное блюдо. Он объяснял, что желудок у него больной и приходится соблюдать строжайшую дисциплину. Лечебное питание готовили дома, и каждый вечер опечатанный судок привозил в Волынское сотрудник его личной охраны. Лаврентий брал пропаренную травку и безучастно клал в рот. Иосифа Виссарионовича страшно раздражало персональное питание Берии.

«Потравит нас этот хитрый мингрел!» – думал Сталин. С некоторых пор он не доверял Лаврентию. Может, поэтому Берия лишился всемогущего министерства и сосредоточился на главных военных проектах. Карательное министерство Сталин поделил; из одного ведомства получилось два: Министерство государственной безопасности во главе с молодым, во весь опор рвущимся на Олимп военным разведчиком Абакумовым и Министерство внутренних дел, где принял командование гулаговец Круглов. Круглов был старательный, немного самонадеянный, однако место свое знал и Хозяину в рот смотрел. И Абакумов перед Сталиным стелился, но мелкобуржуазные нотки лезли наружу. Расселив восьмиквартирный особняк, сделав грандиозный ремонт, Виктор Семенович переехал туда на постоянное жительство. Жена его распорядилась пятью машинами, обзавелась многочисленной прислугой. Распустились при нем и приближенные генералы, появилась в поступках эмгэбэшников княжеская важность, вседозволенность, а они ведь – слуги народа, подчиненные рабочего класса!

Однажды Сталин прознал, что перед тем, как ехать на «ближнюю», Абакумов заезжает в Кремль и получает инструкции от Берии: что говорить, как говорить, на чем сосредоточить внимание, о чем – умолчать. И после доклада в Волынском хваленый министр прямоком мчит к Лаврентию. А еще Сталину донесли, что абакумовские замы, прежде чем представить донесения пред высочайшие очи, предъявляют их для прочтения, и многое потом переписывается. Утверждали, что именно по этой причине Сталин в гневе заменил Абакумова, бросив генерала на тюремные нары. На Абакумове владыка не успокоился: отстранил от работы личного секретаря Поскребышева, арестовал Власика, бессменного начальника собственной охраны, и задумал поменять персонал на «ближней». Но Берия вывернулся, доказал, что Абакумов – искусный интриган, специально так устроил: невзирая на запрет, припирался на доклад, целенаправленно стремился всех запутать, поссорить. Словом, убедил в своей непричастности к

козням министра, а, наоборот, в том, что он только и старается для дела. Работал Берия, не филоня, его стараниями появилась в Советском Союзе атомная бомба, полетела ракета. Он часто навещался в Тбилиси, навещая престарелую сталинскую мать, а после, со слезами умиления, рассказывал про мамулю вождю. Любую дыру мог заткнуть этот принципиальный руководитель, но уж слишком много в его руках сосредоточилось власти! Хотя дядя Лаврик и считался своим в доску, но и в здоровом теле заводятся глисты – всегда надо быть настороже!

В Министерстве государственной безопасности шло реформирование, шерстили руководящий состав. Хрущев привел в органы свежих людей, но методы организации не изменились – товарищ Сталин не поменял правил. Нет-нет, он возвращался к раздумьям о Лаврентии: то бесконечно его проверял, то превозносил. С большой помпой Берии первому присвоили звание «Почетный гражданин Советского Союза», а на следующий день еще не оправившего от празднования кавалера распекал недовольный Сталин:

«Почему у меня в обслуге одни грузины?!»

«Это преданные вам люди, они вас очень любят!»

«А русские что – не любят?!»

По дому и в хозслужбах у Сталина работали исключительно грузины, только с русскими именами. Тамаз был Толя, Резо – Роман, Гиви – Гриша и тому подобное. Каждого из них примечали, отмечали наградами, званиями. Дошло до того, что шашлычник был произведен в генералы. Другой генерал, духанщик, обеспечивал Сталина продуктами.

«Друг Иосифа, они вместе росли», – разъяснил Хрущеву Маленков.

Этот долговязый, с выпученными глазами снабженец часто пировал за столом вместе с членами Президиума Центрального Комитета и слышал все, о чем говорилось. Он никого не стеснялся – ни Маленкова, ни Булганина, ни Хрущева. Чокался, как равный, кивал головой, пел. Сталин любил послушать песни, да и сам был не прочь подтянуть знакомый мотив. Любимый шашлычник в конце войны вышагивал у мангала в погонах генерал-лейтенанта, да и наград у него на груди заметно прибавилось. А где он воевал, нанизывал на шампуры мясо и помидоры?! Стоит в мундире с лампасами, как елка, увешанный орденами, орлиноносый Ваню-Ванечка и люляшки жарит.

Когда Сталин усомнился в абсолютной преданности Лаврентия, тогда-то и заменили обслугу на даче, и не только людей грузинской национальности, но и отдаленно напоминающих нацменов. Всех сомнительных сменили чистокровные курносые русаки. Не коснулись перемены лишь сердобольной Валечки, которую чья-то торопливая рука по ошибке занесла в список увольняемых, да вовремя спохватились.

«Так-то лучше! – бурчал Сталин, когда уволили грузин. – А то развели панибратство!»

Правда, опасность диверсий при этом меньше не стала. Ведь тот же Берия имел непосредственное отношение к подбору кадров, только действовал он теперь через Маленкова и через нового министра госбезопасности Игнатьева, который заменил Абакумова и так же, как все вокруг, заискивал перед непотопляемым лубянским маршалом.

Многолетняя усталость, преклонный возраст, пошатнувшееся здоровье – поговаривали, что Сталин перенес два тяжелых инфаркта, тормозили ход его размышлений. Спецпочта, те самые кричащие красные конверты, которые при получении следовало читать незамедлительно, грудями валялись на письменном столе совершенно нетронутые. Иногда для отвода глаз их подбিরали, раскрывали и возвращали адресату, вроде содержимое просмотрено. Старческая протрация делала вождя не таким быстрым, не таким зорким, но злопамятным и немилосердным он оставался всегда.

– Ты бы не траву жрал, как кролик, а судачка попробовал, – обратился правитель к Берии и тыкнул вилкой в тарелку с судаком под маринадом. – Судак – это для любого желудка праздник!

– Рыбу врачи запретили.

– Врачи! Мало мы сажаем этих проклятых врачей! Сколько честных людей в могилу свели. Не боишься, что и тебя залечат?

В начале 1953 года разразилось громкое дело врачей-убийц. Доктор кремлевской больницы Лидия Тимошук написала в Центральный Комитет письмо, где сообщила, что ее коллеги, врачи правительственной больницы, специально неправильно лечат пациентов, точнее, залечивают до смерти. В своем письме она приводила убедительные доводы. По ее словам, не своей смертью умерли секретари Центрального Комитета Жданов и Щербаков, нарком здравоохранения Семашко. Сталин отреагировал резко, и в «кремлевке» пошли аресты. Генералиссимуса не смутило, что в числе виновных оказались доктора, много лет наблюдавшие его самого. На врачей началась повсеместная травля, газеты пестрели обличающими статьями, в поликлиниках люди грозили им кулаками, даже детвора во дворе выкрикивала нехорошие стишки в адрес людей в белых халатах, поголовно играя во врачей-вредителей, которых прямо тут, у песочницы, задерживала бдительная милиция. Только никто из детей не желал оказаться в команде злых докторов. Из-за этого разгорались горячие споры, часто даже взрослые вмешивались: «Никакой мой Ванечка не врач, он милиционером будет, когда вырастет!»

От народа досталось и медсестрам, и нянечкам, и фармацевтам. Студенты физкультурного факультета побили водителя машины скорой помощи, который на грубость ответил грубостью. Всех медработников мели под одну гребенку. Еще бы – врачи-убийцы! Во многих районах и городах вскрывались случаи медицинского вредительства. От таких вопиющих преступлений страна возмутилась. Поликлиники опустели, доктора увольнялись с работы. «Бегут! – визжали газеты. – Бей их!». Центральный Комитет забрасывали негодующими письмами трудящихся, которые требовали для врагов незамедлительной казни.

– Негодяев арестовали, поэтому лечиться стало не опасно, – спокойно отозвался Берия.

– А про письмо маршала Конева забыл? Его врач до последнего на свободе разгуливал! – осканился Сталин.

На прошлой неделе Иосиф Виссарионович вслух зачитал коневское письмо. В письме Конев полностью поддерживал аресты среди кремлевских врачей. Врачи, по его мнению, на сто процентов были связаны с американской разведкой. Маршал утверждал, что его лечащий доктор специально назначал противопоказанные для здоровья медикаменты, и что вот-вот он бы, Конев, отправился на тот свет! Военачальник предположил, что не только кремлевские врачи состоят во вражеском заговоре, а среди врачей, работающих в Советском Союзе, существует разветвленная диверсионная сеть. «Молодец Конев, самую суть углядел!» – потрясал письмом Сталин.

– Мерзавцы твои врачи, твари! А находятся такие, кто пытается их защищать! Если уж священники, вроде бы божьи люди, народ обманывают, у нищих бабок последние крохи забирают, то чем доктора лучше? Ничем не лучше, даже хуже! Три шкуры с них содрать, три шкуры!

Берия перестал жевать свою траву.

– Я до такой низости додуматься не мог, как это врачи – враги? – заговорил Хрущев. – В голове не укладывалось, что врач, который приходит тебя лечить – убийца! Я был потрясен, когда узнал.

– Потрясен! – скривился вождь. – Хорошо, что их раскусили. Теперь они сознались, что заговорщики и убийцы. Конев, тот сразу понял, куда его лекари тащат – на тот свет! Говорит им: «Живот болит», а они – «Срочно на операцию!» – Это зарезать, что ли?! – поддел указательным пальцем генералиссимус. – Ему никакая операция была ни нужна, до сих пор как козлик прыгает. Э-э-э! – отмахнулся Иосиф Виссарионович.

Никто за столом уже не ел, все слушали Хозяина.

– Вот ты, Лаврентий, почему к врачам не бежишь, а свою травку, как корова, шамкаешь? Страх потому что, потому что в могилу не хочется! А ведь кто-то их надоумил?

– С Запада щупальца тянутся, – предположил Маленков.

– Слишком быстро мы успокаиваемся, слишком быстро! – тряс головой Сталин. – Наивные люди! Даже англичане с американцами друг друга боятся, даже они друг другу шпионов и убийц подсылают, так почему к нам засылать не будут? Будут и еще как! Ну, ничего, мы всех на чистую воду выведем, всех паскуд передушим, не только врачей, всех без исключения!

Вождь поднялся и стал расхаживать вдоль стола.

– Поймали их, посадили под замок, а дальше что? Месяц с ними валандались, тоже, как Хрущев, благородным названием «врач» загипнотизированные. «Будете честно отвечать?» – спрашивают, а они отпираются. Тогда я посоветовал Игнатьеву: «Спроси их как следует, поостроже спроси, поднажми!»

Сталин хмуро оглядел гостей.

– И поднажали, и сознались. Все тридцать семь человек бумаги подписали, – усаживаясь на место, продолжал он. – А по доброй воле кто признается, что главу Советского государства хотел умертвить?! – прихлопнул по столу генералиссимус. – Правда, был старик, который ничего не сказал. А потому не сказал, что помер. Ну, так на том свете чертям скажет! – обнажая желтые зубы, засмеялся Хозяин. – Неправильно про Лобное место забыли, – вдруг проговорил он. – Кто про Лобное место знает?

– Это на Красной площади. В старину там преступникам головы рубили, – отозвался Маленков.

– И мы врачам-извергам там головы отрубим! – выдал вождь.

– Хочу предложить тост за вождя всех времен и народов, за нашего учителя, товарища Сталина! – отставив тарелку, провозгласил Берия.

Присутствующие как по команде повскакивали с мест. Булганин высоко поднял бокал и во все горло прокричал:

– За здоровье нашего родного товарища Сталина, непобедимого генералиссимуса, тоекратное, два раза коротко, последний – протяжно – ура! Ура!

– Ура-а-а!!! – что есть мочи взревели голоса.

Выпили до дна. Николай Александрович с силой грохнул о пол хрустальный бокал.

– На счастье, товарищ Сталин! Долгих вам лет! А врагов, врачей поганных и прочих нелюдей, уничтожим, не беспокойтесь. Это мы вам ответственно обещаем! – Булганин рухнул на стул, любовно взирая на отца народов.

Валечка стала замечать осколки разбитого стекла. Военный министр с аппетитом принялся за лобно.

– Ай, молодец! Подчистую съел, тарелку мыть не надо! – глядя на Хрущева, хвалил Иосиф Виссарионович. – Тебе что дать? Холодец пробовал? Нет? – Сталин подтянул ближе неподъемное блюдо. – А ты, Георгий, чего отстаешь? Смотри, как все наворачивают!

– Мне, если возможно, тоже холодного, – кивнул Георгий Максимович.

– Наливай, тамада, не отлынивай!

Лаврентий Павлович зазвенел бутылками.

– Лаврентий у нас хитрец, ничего не пробует! – погрозил пальцем Хозяин. – А про вино врачи тебе ничего не говорили? Не сообщали, что оно больным противопоказано?

– Ты сам сказал – вино, по существу, сок виноградный. Что тут вредного?

В помещении было душно, форточек в доме не открывали, чтобы не просквозило Хозяина. Лишь когда Иосиф Виссарионович удалялся отдыхать, прислуга поочередно проветривала помещения.

– Пропадете вы без меня, передушат вас, как котят! – Со второй попытки Сталин растегнул верхнюю пуговицу на френче. – Старый я стал, тут болит, здесь болит, лечить меня некому, надо выбирать преемника, – медленно говорил он. – Плесните немного!

Булганин схватил бутылку «Оджалеш» и принялся наливать.

– Хватит, хватит, а то сопьюсь! – остановил Хозяин.

Приблизив бокал к свету, он любовался гранатовым оттенком вина.

– Так о чем я?

– О преемнике сказали.

– Ну да. Берия вроде подходит, и голова на месте, и хватка есть, и в политике разбирается, и крепкий хозяйственник, но он грузин. Еще одного грузина во главе ставить нельзя, это не Грузия! Отпадает поэтому наш любимый Лаврентий. Вот Никита сидит, московский секретарь. Из рабочих, молодой, толковый, старательный, и он не годится – образования нет.

Никита Сергеевич бесхитростно хлопал глазами.

– Справа от меня, – Сталин развернулся к Георгию Максимовичу, – сам товарищ Маленков, светлейшая голова. Он и доклад на Съезде сделал, и кадрами управляет, а кадры, сами знаете – решают все! Маленков у нас фигура значительная, и не в смысле, что толстяк, в брюки не влазит, – пошутил Генеральный Секретарь, – а в том смысле, что человек думающий, только и он не подходит. Георгия нашего золотого под белы руки вести надо! – потрепал за ухо кадровика Сталин. – Тебе стричься пора, оброс, как пес! Следовательно, остается Булганин, Маршал Советского Союза!

Глаза присутствующих уставились на сияющего Николая Александровича.

– Валя, неси второе! Прокурор, разливай! – скомандовал Иосиф Виссарионович.

На стол подали жаркое из оленины и бараньи люляшки, завернутые в лаваш. В довершение Валя выставила щучьи котлеты с воздушным картофельным пюре.

– Как олень? – спросил Сталин Хрущева.

– Замечательный олень.

– Дикий зверь, гордый, а и он под пулю попал, значит, судьба! Я раньше любил охоту, сейчас какой из меня охотник! А раньше, в молодости, без охоты не обходилось. Помню, в ссылке, в Туруханском крае, частенько с Яшкой Свердловым на охоту ходили. Мы тогда с ним в одном доме у бабки горбатой жили. Смотреть на нее было жутко, на эту бабку-горбунью, как ведьма была страшная, вот и ходили на охоту, чтоб ее меньше видеть. И бабка радовалась – мясо приносили. Пса с собой брали, приблудился к нашему домику щенок, пожалели, оставили жить. Назвал я его Яшка, в честь Яшки Свердлова, – хохотнул Сталин, – так что я с двумя Яшками жил, позовешь: «Яша, Яша!» – так оба на зов идут, умора! Даже бабка беззубая смеялась. А Яшка, мудака, обижался. Я ему объясняю: «Глупый ты, Яша, хоть какое-то у нас есть развлечение, а ты дуешься!» Пошел я однажды на лыжах, долго шел, километров десять отмахал, а может и пятнадцать. Холодно, а я разогрелся, качусь себе по сугробам и качусь. Выхожу на опушку, глядь – на дереве куропатки сидят. Двадцать четыре штуки на ветке примостились, а ружья у меня нет, дома забыл. Я мигом назад, хватя ружье, и по своему следу обратно прибежал. Сидят, родненькие, никуда не улетели! Я прицелился и – ба-бах! – Сталин изобразил, как стреляет из ружья.

– И что? – просюсюкал Маленков.

– Что, что? Убил всех, потом долго куропаток ели.

Вождь налегал на вино, и, глядя на Берия, приговаривал:

– Притворщик, ох, притворщик!

Генералиссимус наколол на вилку щучью котлету и сунул Лаврентию Павловичу:

– Съешь, замечательная вещь!

– Не могу! Ей-богу, не могу! – упирался тот.

– Мы тебя просим, Лаврентий, попробуй! – не отставал Хозяин.

– Нельзя мне, желудок сорвется.

– Один кусочек, за меня! – В глазах правителя появилось неприятное выражение.

Берия одними губами взял котлету и проглотил.

– Молодец! – похвалил Сталин. – Я смотрю, Маленков не пьет, отлынивает.

– Я пью, пью! – приподнял наполовину пустой стакан Георгий Максимович.

– А почему глаза прячешь?! Что, секреты от меня, кадровик?!

Маленков глупо улыбался.

Иосиф Виссарионович и повернулся к Хрущеву:

– Что на тридцатом авиазаводе за история? Опять жидята голову подняли? Фамилия там промелькнула еврейская?

– Да, там волнения. Молодежь, комсомольцы, – уточнил Хрущев, – с профсоюзной организацией повздорили, а дирекция завода в стороне, там как раз директор еврей. Разбираемся.

– Надо подобрать десяток крепких парней и отправить туда, да снабдить их дубинами. Пусть порядок наведут. – Лицо правителя сделалось мрачным. – Моя Светлана, удумала, выскочила замуж за еврея! Что ей, русских мало или другой национальности мужика не нашла? Так нет, еврей! Я ей сказал: на глаза мне не показывайся, пока с жиденком живешь! Через год развелась, услышала отца. Сегодня в гости пожаловала, – улыбнулся отец. – Может, придет поздороваться, а может, уже спит.

– Она у вас умненькая, Светлана! – пьяно просюсюкал Булганин.

– Дура! – огрызнулся Сталин. – Умные за евреев не выходят! Сталинская дочь, подумать только! Она такая же дура, как дочь сидящего здесь Маленкова! – он ткнул Георгия Максимовича локтем. – Та тоже еврея подобрала.

– Я свою Волю развел, вернее, она сама ушла, – оправдывался Георгий Максимович. – У нее другой муж, архитектор.

– Не жид? – строго спросил генералиссимус.

– Что вы, какой жид!

– Как их, дур, угораздило, ума не приложу! А Молотов от своей Жемчужиной ни на шаг! Это хорошо, что мы ее в тюрьму упрятали, а то расхаживала по Центральному Комитету, как хозяйка, у меня муж, говорит, Молотов! А тот, старый дурак, почти в министры ее произвел, Комитет по рыбному хозяйству дал. Вся добыча рыбы в еврейских руках оказалась, весь рыбо-ловецкий флот! Это для того Молотов сделал, чтобы больше денег жидам передать. Представляете количество пойманной рыбы? Рыбу можно сбывать, минуя советские порты. Рыба – это чистые деньги. Гитлера за евреев клянут, а ведь он в корень смотрел. Где еврей побывал, там делать нечего!

– Но ведь среди евреев есть и хорошие люди! – наивно проговорил Хрущев.

– Хорошие – это мы с тобой! – отмахнулся вождь. – Ну как такого простака на главный государственный пост ставить? Элементарных вещей не понимает! Каждый день с нами сидит, а ума не набрался, евреи – хорошие люди! – всплеснул руками Иосиф Виссарионович. – Ну-ка, пей! – И придвинул Хрущеву бокал.

– Что меня в Никите подкупает – посмотришь и сразу поймешь: не еврей! – подмигнул курносому московскому секретарю генералиссимус.

Иосиф Виссарионович поднялся с места и потопал к радиоле.

– Какую пластинку поставить?

– «Очи черные», – попросил Хрущев.

– Сейчас отыщем! Вот она!

Сталин вынул нужную пластинку, и комнату наполнила музыка.

Очи черные,
Очи страстные,
Очи жгучие и прекрасные,
Как люблю я вас,
Как боюсь я вас,
Знать увидел вас

Я не в добрый час!

– Очи черные, очи страстные, очи жгучие и прекрасные! – подхватила компания.

Сталин был на подъеме, он выпил больше обычного. Ждали, что вождь заставит присутствующих плясать, песни и танцы стали излюбленным занятием на обедах-ужинах. Хозяин обычно наблюдал за плясунами и лишь изредка вставал и делал па, растопыривая руки. Молотов, тот здорово танцевал, видно учился в молодости танцам, а может – талант, но молотовская песня была спета, его больше не приглашали на «ближнюю», он уже не был министром иностранных дел, молотовский заместитель Лозовский был арестован и расстрелян, как основной фигурант по делу о сионистском заговоре в Еврейском антифашистском комитете. Супругу Вячеслава Михайловича, Полину Семеновну Жемчужину, исключили из партии, освободили от всех постов, она проходила по этому же делу, ожидая своей страшной участи.

В самом начале войны, для борьбы с гитлеровской Германией, не без участия Молотова и Жемчужиной, в Москве создали Еврейский антифашистский комитет. В 1949 году выяснилось, что это логово завербованных шпионов, которые через плотные связи с заграницей пытались во всем вредить советскому государству. А ведь создали его под благовидным предлогом, что, мол, евреи-иностранцы дадут деньги, которые хлынут в советскую страну рекой, что безвозмездно отправят в СССР лекарства, одежду, обувь, технику – как красиво звучит! А сами что удумали? Удумали в Крыму создать Еврейскую автономную республику. Так прямо и написали товарищу Сталину, и зачастили в Кремль, доказывая, что еврейское лобби управляет Америкой, и с его помощью можно поставить Соединенные Штаты на колени. Сталин поверил. Евреи задумали не только заполучить Крымский полуостров, но и убедили вождя поддержать идею создания государства Израиль. Не один год Сталин слушал их пространные речи. Во время войны с Гитлером помощь от Еврейского антифашистского комитета поступала ощутимая. По инициативе СССР, который вынес обсуждение в Организацию Объединенных Наций, на карте мира появилось еврейское государство. Но тотчас после образования Израиль от Москвы отвернулся, переметнулся к Америке. Сталин был потрясен: «Кто им деньги давал? Кто вытребовал земли на Ближнем Востоке? Кто в ООН голос сорвал? Пре-да-ли!»

Отношения с США портились, Соединенные Штаты захлестнула истерия коммунистической угрозы. Глядя на Америку, и Европа стала сторониться России.

«Где обещанные тобой американские богачи-евреи?!» – злился на Молотова вождь.

Сталин разобрался в жидовской лживости, открылись глаза! В очередной раз, услышав предложение о создании в Крыму еврейской автономии, он взорвался:

«Они не автономную республику в составе России хотят, им отдельное еврейское государство подавай, хотят из СССР выделиться и к Израилю примкнуть! А эта шлюшка Жемчужина там на первых ролях!»

«Читай!» – кричал генералиссимус, швыряя перед Молотовым оперативные документы, свидетельствующие о ее супружеской неверности. «Крым – эта протяженная морская граница, доступная иностранным судам. Евреи наспигуют территорию диверсантами! В Крыму отдыхают советские руководители, неслучайно их выбор пал на Крым!» – мерил шагами кабинет Иосиф Виссарионович.

Массовые аресты среди евреев набирали обороты, люди сознавались: «Да, хотели отделиться, хотели в Крыму подкараулить членов правительства и в первую очередь товарища Сталина».

Скоро встал вопрос о еврейской национальности и ее месте в советском государстве. Уже никто не вспоминал о той громадной помощи, которая шла по линии Еврейского антифашистского комитета. На евреев начались массовые гонения. Однажды в канаве обнаружили труп режиссера еврейского театра Михоэлса. Газеты писали, что его по неосторожности сшиб в Минске грузовик. Похороны Михоэлсу устроили пышные, говорили трогательные слова, на

могилу водрузили венок от Центрального Комитета и Министерства культуры, а потом всех, или почти всех, кто был на похоронах, закрыли на Лубянке.

«Надо укреплять оборону, а не ослаблять ее! – кричал Сталин. – Неужели Молотов не понимает?! Может, и он враг?»

Кто-то сказал Сталину, что Молотов, будучи с визитом в Америке, ездил по Соединенным Штатам в индивидуальном железнодорожном вагоне, а это означало, что уже тогда, перед войной с Германией, он был завербован американцами. На первом после XIX Съезда Партии Пленуме Центрального Комитета Сталин обрушился на соратника с претензиями, что тот отходит от генеральной линии партии! Вячеслав Михайлович стал оправдываться.

«Выворачивается, лис! Слышали, как он ловко ответил: “Мой учитель товарищ Сталин! Я ученик товарища Сталина!” – негодовал Иосиф Виссарионович. – У нас только один учитель – Ленин, отец Русской революции! У Сталина учеников нет!»

Вспомнив про ненавистного хамелеона Молотова, правитель разволновался.

– Это не вино, а дрянь! – отхлебнув «Киндзмараули», выкрикнул он. – Сказать не мог, что вино прокисло, ведь пробовал?! – уничтожая взглядом Маленкова, негодовал Хозяин. – Давился кислятиной и молчал!

Резким движением он выплеснул вино в побледневшее лицо Георгия Максимовича. Маленков не посмел утереться, и вино потекло бы ему за шиворот, если бы не плотная салфетка, заткнутая за ворот рубашки. Он лишь беспомощно, точно вытасненная из глубины рыба, открывал рот, не отводя от властелина испуганных глаз. Берия налил Генеральному Секретарю из другой бутылки:

– Это я пил. Вроде ничего.

– Выходит, ты напутал?! – сощурился Сталин и протянул Маленкову чистую салфетку. – Дурит нас кто-то с вином, ох, дурит! – погрозил пальцем вождь.

Маленков со страха никак не мог донести фужер до рта, руки предательски дергались.

– Что не пьешь, напился?! – строго смотрел Сталин. – Э-э-э! Сам попробую! – и отхлебнул.

Лицо Хозяина болезненно скривилось.

– Кислятина! – выкрикнул он и с ожесточением выплеснул остатки на Берию, угодив в шикарный двубортный шерстяной пиджак. – Зачем хвалишь, врун?!

Берия схватил салфетку и стал торопливо промакивать испачканную одежду. Сталин свирепел. Всех спасло чудо, появилась Светлана. Вася, сын, не часто заезжал к отцу, а если и заезжал, то был, как правило, сильно выпившим.

«Пьяниц ко мне не пускать!» – в очередной раз приказал Иосиф Виссарионович, и Василию дали от ворот поворот, потом, правда, пожалели, простили, все-таки родная кровь.

Светлана подошла к отцу и поцеловала в щеку.

– Пришла стариков проведать! – растаял Иосиф Виссарионович, встал и обнял непутевую дочку.

Радиола заиграла громче. Гости запели:

Журчат ручьи,
Спят лучи,
И тает лед и сердце тает,
И даже пень
В апрельский день
Березкой снова стать мечтает...

– Танцуй! – велел дочери Сталин и подтолкнул плечом.

– Я устала, папа, можно просто посижу с вами?

– Пляши, говорю! – отец схватил дочь за волосы, грубо схватил, и, не отпуская, вывел на центр комнаты.

Мужчины умиленно хлопали.

– Пляши, радуй отца!

Светлана стала танцевать, плавно, как бабочка, но в глазах ее застыли слезы. Больно отец сделал, чуть при всех не разрыдалась бедняжка. Чувства Сталин выражал звероподобными приемами, вроде нежности кошки с мышкой, а ведь он любил их – своих Светланку и Васю.

Танец Сталину не понравился.

– Не хочешь танцевать, так иди спать! Нечего было приходить!

Светлана скомкано попрощалась и ушла. Недовольный властитель переменил пластинку.

Артиллеристы, Сталин дал приказ,
Артиллеристы, зовет Отчизна нас,
И сотни тысяч батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину – огонь, огонь!

Сталин закопался, подбирая новую музыку, обернулся, видит, Маленкова и Берия нет.

– Слушай, – обратился он к Хрущеву. – Где эти два жулика?

– В туалет пошли.

Из приоткрытой двери появилась пропавшая пара. Первым семенил Маленков, за ним Берия.

– Добежали, не обоссались? – развернулся к ним Хозяин.

Булганин пел лучше всех, не перевирал мотив, голос зычный, красивый. Сталин сажал министра Вооруженных Сил рядом, между собой и крупнолистным фикусом, и с удовольствием слушал его сочный тягучий голос.

– Тебе в певцы надо было, а не в маршалы! – проговорил Сталин.

И снова радиола играла, и снова раздавались задорные голоса.

– Этих врачей-выродков надо бить, лупить нещадно! Надо их в кандалы! Щербакова ухайдокали и ко мне подбирались! Старейший член партии, товарищ Андреев, сидит на совещаниях глухой, как мумия! Это врачи кремлевские его глухим сделали. Он еще легко отделался. Это чудо, что до меня псы не дотянулись! Ты, прокурор, куда смотрел?!

– При чем я?! Я промышленностью занимаюсь!

– Промышленностью! – передразнил Сталин. – Зачем тогда к тебе Абакумов бегал, если ты ничего не знаешь?! Кто заговор в Грузии проворонил?

Берия беспомощно развел руками.

– Я всегда говорил, мингрелы не настоящие грузины, поэтому к Турции присоединяться собрались. Ты, кстати, не мингрел?

Берия сидел бледный, как полотно. Тогда, в 1951, чтобы на него не пала тень, он помчался в Грузию и утопил Тбилиси в крови. Десятки людей были уничтожены, сотни репрессированы. Сегодня Сталин снова вспомнил про позабытое мингрельское дело. Может, Сталин специально под Берию тот заговор готовил, да что-то помешало ему клещами до Лаврентия дотянуться. А сколько невинных пострадало – не перечать! – но это владыку не беспокоило – сотней больше, сотней меньше, бабы еще нарожают!

– Товарищ Сталин! – произнес Хрущев. – Я пью «Манавицвани». Очень достойное вино, попробуйте!

Председатель правительства громко чокнулся с ним и выпил.

– Мировое! – оценил он. – А эти кислятиной давятся!

– С вашей помощью я стал в винах понимать. «Манавицвани» и «Оджалеш» мои самые любимые, – блеснул эрудицией Никита Сергеевич.

– Губа не дура! – ухмыльнулся вождь.

– За нашего любимого товарища Сталина! Многих вам лет жизни и богатырского здоровья! – провозгласил Маленков.

Опять все встали и потянулись рюмками к правителю.

– Может, вас бананами угостить? Смотрю, их принести забыли, – проговорил вождь.

Сталин обожал бананы. Министерству торговли было поручено организовать поставку бананов и их продажу в крупных городах.

Когда ваза появилась на столе, гости взяли по банану. Сталин почистил свой и с удовольствием съел:

– Берите, угощайтесь! – кивал он. – О чем еще поговорим, что у нас на повестке дня?

Выручил Булганин:

– Можно анекдот расскажу?

– Валяй!

Булганин уже здорово поддал, он раздвинул перед собой посуду и облокотился на стол:

– Про козу. Одного мужика за плохое поведение выслали на остров. Дали ему там махонькую квартиру на третьем этаже, аккуратненькую такую. Все хорошо на острове, только одна беда – баб нет! Смотрит парень, а все мужики с козами спят. Он прямо ужаснулся: «Как это, с козами?! Нет, это не по мне! – думает. – Я как-нибудь перетерплю!» – и, значит, ходит, мучается. Неделя проходит, другая, месяц, второй, совсем не вмоготу ему стало. Отправился парень на базар, купил козу, привел домой, привязал на балконе, и только стал к ней пристраиваться, слышит смех. Он голову поднял – соседи на балконах стоят и смеются. «Вы чего смеетесь? – кричит парень. – Вы тоже коз дерете?!» – «Дерем, – отвечают, – но не таких же страшных!»

Народ попадал со стульев.

– Тонкий юмор, только козу жалко! – смахнул выступившую от смеха слезу Иосиф Виссарионович.

– Почему, товарищ Сталин?

– Потому что ее никто не обласкал, не порадовал!

– Ничего я из вашего дополнения не понял, – сконфуженно проговорил Булганин.

– Вот, послушай, Николай Александрович, – уважительно начал Сталин. Он редко кого называл по имени и отчеству, обычно по фамилии, всегда строго. – В зоопарке звери днем друг другу анекдоты рассказывают, умирают со смеха, один жираф кислый стоит. А ночью, когда все спят, жираф начинает хохотать. До него только ночью смысл доходит. Понимаешь? – устался на маршала Сталин.

Николай Александрович растеряно пожал плечами. В комнате опять расхохотались.

– Что, ребята, может, про меня анекдотик расскажете? – прищурился генералиссимус.

– Про вас, товарищ Сталин, мы анекдотов не знаем, – с серьезным видом заявил Маленков.

– Жаль, а то бы вместе посмеялись, – Иосиф Виссарионович зевнул: – Скучно сегодня было. Думайте, чтобы завтра не скучать. Вот вчера я здорово посмеялся!

Вчера, перед отъездом, Берия жирно написал на листке бумаги слово «МУД...К» и незаметно прикрепил на пальто Хрущеву, и, когда Никита Сергеевич, попрощавшись с Иосифом Виссарионовичем, развернулся к дверям, народ лопнул от смеха! Долго хохотали, тыча в него пальцами. А товарищ Хрущев больше других розыгрышу обрадовался – смеялся, так уж смеялся! И долго, обеими руками, тряс бериевскую руку. Председатель правительства сразу на Лаврентия указал – вот кто выдумщик! Очень товарищу Сталину шутка понравилась. А что на завтра придумать – вопрос?

Сталин поднялся, и, не оборачиваясь, ушел. Гости расстроились, что вождь их не проводил, стали подбирать снятые в духоте пиджаки, кофты и переместились в прихожую. Берия и Булганин получили от дежурного офицера личное оружие, Маленкову вернули его толстый, на двух блестящих замках, кожаный портфель. Оружие и сумки на «ближней» полагалось сдавать. Каждого визитера здесь отводили в сторонку и тщательно осматривали – не утаил ли случайно какую дрянь? Два капитана со знанием дела выворачивали посетителям карманы, ощупывали подкладку одежды, заставляли снимать ботинки, чтобы более детально исследовать и их. Разве можно поручиться, что крамольная мысль не закрадется в чью-то голову?! Осознавая степень особой ответственности, никто таким мерам предосторожности не удивлялся, наоборот, всячески пытался оказывать при досмотре содействие, то руки вверх задерет, то удобнее для сотрудника охраны повернется. Это и Лаврентия Павловича касалось, никому на «ближней» исключения не делали.

Булганин и Хрущев ехали домой вместе. От Волынского до горкомовского поселка «Ильичево», где проживал Никита Сергеевич, было рукой подать. По пути завозили в Барвиху Булганина.

Хрущев вышел пожать товарищу руку.

– Лаврентий в туалете про куропаток возмущался, – вспомнил Николай Александрович. – «Во врет! – говорит, – двадцать четыре куропатки одним выстрелом уложил и за тридцать километров за ружьем сбегал! Где это видано, чтобы кавказский человек на лыжах столько ходил? Сил нет слушать!»

– Ругался, значит? – улыбнулся Хрущев, голова у него гудела от выпитого.

– Ругался! – министр Вооруженных Сил обнял Никиту Сергеевича.

Когда автомобили Булганина и Хрущева сворачивали с Успенки на Барвиху, «ЗИС» Лаврентия Павловича, где ехали Берия и Маленков, глухо просигналил на прощанье.

Кто они, эти люди? Они – ближний круг. Ближе не бывает. Самые преданные, самые надежные, самые доверенные соратники вождя, его руки, его плечи, его опора. Не могут эти искренние люди подвести, не могут оступиться. В любую минуту они начеку – и в радости, и в горе, – плечом к плечу! Их не сдвинешь, не купишь, не соблазнишь, они охраняют власть, стерегут ее, а власть – это самое святое, что есть на земле!

Трудно быть защитой и опорой, очень трудно, но еще труднее быть им – владыкой.

Сталин обхватил подушку и закрыл глаза. Что ему приснится сегодня?

На черном безоблачном небе плыла слепая бледная луна, плыла и светила немим неодушевленным светом. Стояла морозная февральская ночь.

1 марта 1953 года, воскресенье

– Илюша, не шуми, папа спит! – шикнула мама.

Илья собрал с пола паровозики с вагонами и с обиженным видом поплелся в детскую.

– Надя, посидите с ним, а то он Никиту Сергеевича разбудит! – велела няне Нина Петровна, но Никита Сергеевич уже встал.

С перепоя было скверно. Опынение побеждало, как только Хрущев попадал в постель, его штормило, нутро выворачивало, с убыстряющейся скоростью все перепутывалось в голове. Если уткнуться в подушку круговерть приостанавливалась, но стоило шевельнуться, начинало штормить опять. Очнешься, попьешь воды – и еще хуже!

Пока Хрущев ехал от Сталина домой, мозг по инерции был сконцентрирован, напряжен, не позволял распуститься, расслабиться, хоть на миг потерять контроль, но стоило Никите Сергеевичу переступить порог – сразу становился вдрызг пьяный. Маленков, тот часто надирался до зеленых чертей, прямо за столом падал, и его под довольную ухмылку вождя, в невменяемом состоянии, утаскивали телохранители. Один Берия, ссылаясь на болезнь, пил умеренно и редко напивался. За то, что он не пил наравне с другими, Сталин злился, противно повторяя: «Кто не пьет, тот либо сильно хворый, либо подлюка!»

Сталин жил ночью, как сова, а, значит, и советская номенклатура не смыкала до утра одурманенных усталостью глаз, и получалось, что вся страна, за исключением простого люда, бодрствовала. Некоторые начальники располагались на ночлег прямо в кабинетах – разложил тюфячок и дремли у телефона, но самые стойкие ни при каких обстоятельствах не ложились, так и оставались за письменным столом при полном параде, зевали, пили крепчайший чай, растирали ароматными бальзамами виски, моргали воспаленными глазами. А что оставалось делать? Если товарищ Сталин бодрствует, значит, никому спать не положено!

Глядя на несчастного Никиту Сергеевича, супруга сочувственно вздыхала, отпаивала мужа наваристым куриным бульоном, приносила огуречный рассол. После ужасных попоек мысли в голову лезли препротивные и самая тяжкая – как будет на «ближней» завтра? Какую затейливую историю выдумать, чем убажить великого человека?

Никита Сергеевич долго, фыркая, умывался. Больше часа ему делали массаж, разгоняли загустевшую кровь. Издерганное тело сбивали, гладили, отжимали, заставляя мышцы сопротивляться. Массажист уходил, а пациент еще долго лежал, блаженствуя под одеялом.

«Разве ж можно так пить? – спрашивал себя Хрущев. – Нельзя, ведь пропаду!»

Спасала прогулка. В любую погоду, и в дождь, и в метель, и в зной, он отправлялся гулять. Прогулка для Хрущева стала неперменной обязанностью. Прогулки, как он считал, продлевают человеческую жизнь, они как воздух необходимы тем, кто киснет в четырех стенах. Шагая по кругу, проходил московский секретарь мимо соседних дач, вдоль убаюканного снегами фруктового сада, шел у гаражей и конюшни, наискось, через лес, спускался к реке, маршировал низом и снова поднимался к дому, а от дома начинал маршрут заново. Эти неспешные круги позволяли дышать полной грудью, мирили с самим собой. Никита Сергеевич любовался заснеженными березами, прозрачными льдинками, тут и там причудливо застывшими на кривых сучках, глядел на кургузые сугробы, на неровную, точно драконья чешуя, кору исполинских сосен, которые, высоко в небе расправляли вечнозеленые пушистые шатры. Каждый день Хрущев ходил, дышал, стараясь ни о чем дурном не думать.

Всякий раз, Никита Сергеевич подходил к сколоченной в виде резного домика птичьей кормушке. Никогда не появлялся он у кормушки с пустыми руками, обязательно приносил угощение – то хлебушек птичкам покрошит, то положит мелко нарезанное сало, которым с радостью угощались синички, то щедро высыплет зерно.

– Кушайте, птихи! – радовался невысокий человек.

За несколько лет птицы привыкли к лысому, толстому, очень подвижному мужчине, совершенно не боялись, подлетали, садились на руки, попискивали, благодарили.

Раскрасневшийся от морозного воздуха, Никита Сергеевич, возвратился домой.

– Никто не звонил? – скидывая валенки, поинтересовался он.

– Никто, – ответила Нина Петровна.

– Где Сережа?

– В институте, к коллоквиуму готовится.

– А Илюшка?

– Наверху, играет.

– Зови его, стосковался.

Последние годы рядом с вождем стояли четверо: Маленков, Берия, Булганин и Хрущев. Многие герои сорвались в бездну, канули, распались на молекулы, исчезли сами и утащили за собой любимых – семьи их были пущены по миру, гнили по тюрьмам или отбывали на северах – бестелесные тени с замызганными номерами вместо фамилий, пришитыми нервущимися нитками на спинах истерзанных роб. Номера эти сделались теперь именами. Партия желала, чтобы и там, на краю земли, никто не вспомнил о падших. Верными друзьями заключенных стали бессловесные гнусы – вши, которые тысячами плодились в голове, в паху, под мышками, да где придется, высасывая пока еще теплую человеческую кровь. Зацепишь ладонью под одеждой, и сразу в плену окажется целая жменя кровососущих паразитов.

Немец капитулировал, в городах налаживалась мирная жизнь. Но опять подняли голову, зашевелились враги. Тут и там стали отлавливать шпионов и вредителей. Газеты предостерегали – будьте бдительны! Вскрывались заговоры, целые подпольные диверсионные организации. Обнаружился отвратительный сговор продавшихся Америке евреев, потом авиационная промышленность дала крен из-за пробравшихся туда диверсантов и халатности руководства, были арестованы министр авиационной промышленности Шухаев и главком Военно-воздушных Сил Новиков. За измену Родине был расстрелян выбившийся наверх из самых низов прямолинейный маршал Кулик, который отличился и тем, что неотлучно возил за собой корову, не мог маршал обходиться без парного молочка, однако, он и воевать не боялся. Годом раньше, среди бела дня, бесследно исчезла его красавица-жена. И в партийной организации города Ленинграда, колыбели русской революции, обнаружили предатели и перерожденцы. А недавно вывели на чистую воду замаскированных уроков-врачей.

Последние месяцы тучи нависли над правофланговыми революции Молотовым и Микояном. Каким-то чудом избежал опалы легендарный маршал Ворошилов, а ведь и его, первого красного командира, героя Гражданской войны, Сталин причислял к английским шпионам и поговаривал о скором следствии. А следствие было простое и понятное. Начиналось оно с показаний, так называемых свидетелей, которые утверждали, что им доподлинно известно, что такой-то человек – враг, что он работает против советского государства, а потом человек, на которого указывали, находясь уже за решеткой, чистосердечно признавался в содеянном. Чего ж больше? Разве собственного признания недостаточно для подтверждения злого умысла? Безусловно, достаточно. Когда подследственный как на духу выкладывал эпизоды собственной подрывной деятельности, каялся, письменно подтверждал факты вредительства, неопровержимо признавая вред, нанесенный социалистическому обществу, сомнений в виновности не оставалось.

Поговаривали, что задержанных били. Зачем? Вовсе бить их было не обязательно. Бессмысленная трата времени выворачивать подследственному руки или до крови царапать кожу железной щеткой, чтобы мазнуть на рану жгучий скипидар. И уж совсем глупо с ожесточением дубасить палкой, предусмотрительно обмотав ее тряпкой, дабы не оставалось на теле коричневых синяков и бурых кровоподтеков. Избиение применялось лишь в воспитательных целях, чтобы показать арестованному, кто есть кто; вернее, что арестант – пустое место, ничто-

жество, отвратительное, никому не нужное существо. Признания получали нехитрыми способами, где не надо было сотрудникам следственных органов потеть, растрачивая силы на закоренелых уродов. Лишить воды, еды, лишить сна или посадить в разогретую, точно баня, камеру, и поглядеть, надолго ли умника хватит. И ведь точно знали, что ненадолго, что не железный, что попросит водички, что будет умолять сжалиться, сломается и напишет любые объяснения, а бить, выбивать зубы, ломать носы, челюсти, ребра, с хрустом выворачивать руки – дурное и нервное занятие.

Название «концентрационные лагеря» сменили на более пристойное – исправительно-трудовые, потому как главный принцип подобного учреждения – труд. Миллионы заключенных отбывали на ударных стройках – так зачем государству калеки? Заключенным вкалывать надо, выполнять поставленные партией и правительством задачи, с киркой, пилой и лопатой в руках, искупая собственную вину. Именно они, эти искушенные предатели, приближали трудом своим заветное светлое будущее. А если сердце не выдержит, дрогнет рука, толкая перегруженную драгоценной рудой тачку, или придавит ненароком торопливо подпиленное дерево, значит, такова судьба! Отпетых преступников, как ни старайся, не перевоспитаешь, не переделаешь – ни трудом, который, как известно, сделал из обезьяны человека, ни лютой прыткою. Частенько заканчивалось дело девятью граммами свинца. Правда, бывали случаи, когда миловали, заменяли расстрел заветными двадцатью пятью годами. А кто-то еще сомневается, что на свете существует божья милость!

Работы в государстве хватало – строительство железных дорог, судоходных каналов, урановые рудники, магаданское золото и необъятная Сибирь с бесконечными лесозаготовками – работай, исправляйся! Теперь, все это огромное лагерное хозяйство, равно как и порядок в стране курировал ни Маленков, ни Берия, а Никита Сергеевич Хрущев, он стал надзирающим над органами, а ведь никто не освободил его от управления Москвой, и порядок в Украине по-прежнему замыкался на Хрущеве.

Несколько лет назад вождь поставил задачу строить в столице небоскребы. Самым первым выстроили высотный дом Министерства иностранных дел на Смоленской площади. Иосиф Виссарионович собственноручно некоторые изменения в проект внес, шпиль на верхушке дорисовал: «А то какой-то обрубок получился!» Потом на всех многоэтажках архитекторы шпили сделали. Мидовский небоскреб, вернее его абсолютную копию, Сталин решил подарить полякам. Каждую неделю Никита Сергеевич держал перед вождем отчет: про стройку Московского университета докладывал, про окончание работ по гостиницам Украина и Ленинградская, про высотные жилые дома, все на плечах Хрущева лежало.

Никита Сергеевич завел правило спать после обеда. Как выручал этот лишний час сна! Если перед Сталиным клевать носом, он желчно выскажет недовольство. Но сегодня Хрущев не спал, а поехал в поликлинику. Еще с вечера разболелся зуб. Вчера он тупо ныл, а сегодня его дергало и крутило. После стоматолога правая сторона лица онемела.

С несчастным видом муж залег в постель, не заснул, но пролежал часа два. Зубная боль стихла, надо было готовиться к поездке на «ближнюю». Хрущев дотянулся до телефона и соединился с Маленковым.

– Егор, какие новости?

– От Иосифа Виссарионовича никто не звонил, и сам он не объявлялся, – ответил Георгий Максимович, – может, выходной себе дал. Я перезвоню, если что, – пообещал Маленков.

– А Лаврентий наш где?

– Где-то шляется, доволен, что тишина.

– Передавай ему мой привет!

Никита Сергеевич сел у окна и долго смотрел на лес. Через сиротливые верхушки дубов, лип и сосен, нещадно истерзанных зимой, проглядывала золотая маковка церкви, той самой, где последний русский император Николай II впервые увидел свою будущую жену, принцессу

Гессен-Дармштадтскую Алекс. После революции великокняжеское имение национализировали и передали Московскому комитету партии, превратив в дом отдыха. Из трех отдельно стоящих строений – домиков врача, управляющего и садовника, сделали персональные дачи для высшего московского руководства.

– То цари здесь жили, а теперь мы обитаем – чудеса! – сказал Никита Сергеевич. Глаза слипались, в организме накопилась хроническая усталость. – Нин, ты меня не трогай, я в кресле подремлю!

Нина Петровна принесла подушку и накрыла мужа пледом.

Очнулся он внезапно. Приснилось что-то несуразное, но что – не вспомнить. Хлопая глазами, Никита Сергеевич уставился на часы.

– Ого, десять! Дрых без задних ног! Нина, Ниночка! – облокотившись на лестничные перила, прокричал муж: – Никто меня не искал?!

– Н-е-е-т! – отозвалась снизу жена.

Никита Сергеевич переоделся в костюм, наодеколонился и ближе к одиннадцати снова набрал Маленкова, узнать, когда выезжать в Кунцево.

– Движения нет, – словами сталинской охраны ответил Георгий Максимович.

На «ближней» всегда так отвечали. Двери сталинской дачи были оборудованы специальными датчиками, которые реагировали на открывание. Когда Иосиф Виссарионович передвигался по дому, на табло дежурки загорались соответствующие лампочки, и можно было безошибочно знать, в каком помещении находится Хозяин.

– Значит, «движения нет», – повторил Никита Сергеевич.

– Нет. Может, давление прыгает, а может, захотел тишины. Мы ему тоже порядком надоели. Я сам сегодня лекарства пил, – признался Маленков, – голова пополам! А Иосиф, сам понимаешь, один йод глотает. Может, придавило старика, лежит, отдыхает.

Для всех был праздник, если Иосифу Виссарионовичу нездоровилось, тогда не надо было ехать в гости, можно было провести вечер дома, в кругу семьи, но такое случалось не часто. Даже в отпуск, обычно Сталин уезжал в Сочи или в одно укромное местечко рядом с Сухуми, приходилось в обязательном порядке «ехать отдыхать», сопровождая Генерального Секретаря. Вот где было настоящее испытание – с утра до ночи неразлучно с вождем!

Сталин сам выбирал, кому с ним быть. Он и в отпуск каждого члена Президиума отправлял лично. От его имени звонил Поскребышев и объявлял: «Вы с 5 по 30 июля едете в Гагры», – или в Сочи, или на Валдай, или в другое место, куда указывал Сталин. Никите Сергеевичу однажды велели ехать в Крым, в Ливадийский дворец. Правда, Хрущевых поселили не в царском дворце, а по соседству, в Свитском корпусе, так как непосредственно царский дворец занимала дочка Иосифа Виссарионовича, с очередным мужем. Из Ливадии Хозяин вызвал Хрущева в Сочи: «Давай ко мне! Тут и Маленков приехал, и Булганин». Без компании товарищ Сталин не оставался.

В полночь раздался звонок Николая Александровича:

– Выходной выдался! Лаврентий говорил с Хрусталевым, что в Волынском начальником. Хрусталев сказал, что с утра товарищ Сталин читал, потом уснул, свет погасил. В шесть вечера свет снова зажегся, но никого не вызывал, отдыхает.

– Пусть отдохнет! – отозвался Никита Сергеевич. – Я сегодня зубы лечил, всякой дурью меня опоили, до сих пор как пьяный.

– Ты с врачами осторожней! Сам знаешь, какие среди них изверги попадают.

– Ладно тебе!

– Не теряй бдительность! – наставлял Булганин. – Если б заранее знать, что сегодня выходной, я бы к своей Машке рванул, а то сидишь, как на иголках. Словом, отбой!

2 марта, понедельник

– Дети завтракали? – спросил Никита Сергеевич, он проспал до половины десятого.
– Завтракали, – отозвалась супруга. – Ириша в школу не пошла, затемпературила.
– Пусть из комнаты не выходит, а то всех заразит.
– В кровати лежит, горло календулой полощет. Сядь, поешь!
– Я к тебе! – раздался звонкий голос, и мальчуган, сжимая в руке самодельный самолетик, бросился к отцу.

Никита Сергеевич подхватил сорванца и усадил на колени.

- Я летчиком буду!
- Молодец!
- Ира заболела, – доверительно сообщил малыш.
- Ты к ней не ходи, ладно?
- Мне одному скучно!
- С мамой поиграй.
- Может, с тобой? – и мальчик вскинул на отца глаза.
- Дай папе поесть! – строго сказала мать.
- Никто со мной играть не хочет!

Иришка болела, у Рады началась преддипломная практика, и она постоянно пропадала в Москве; Сережа с утра до вечера был в институте. Никита Сергеевич съел кашу.

– Папа, папуля! – шептал Илюша. – Ты мой любимый!

Никита Сергеевич млел.

- Поиграем?
- Мне, родненький, на работу надо!
- Давай хоть мыльные пузыри пустим?! – глаза Илюши трогательно смотрели на отца.
- Давай! – сдался Никита Сергеевич и громко позвал: – Несите нам мыльную воду, мы пузырить хотим!

Нина Петровна улыбалась, она радовалась, что муж отдохнул, весел, и зуб у него прошел – пусть с сынишкой повозится, такое только на пользу.

Папа с Илюшей перешли в соседнюю комнату, куда подали кастрюльку с мыльной водой и трубочки, из которых дулись пузыри.

В дверь заглянул прикрепленный:

- Никита Сергеевич, вас к телефону!
- Кто?
- Товарищ Маленков.
- Прими-ка Илюшу! – передавая мальчугана жене, засуетился Никита Сергеевич.

– Я только из Волынского, – встревожено, заговорил Маленков. – Позвонил оттуда Хрусталева, сообщил, что вчера весь день товарищ Сталин из своей комнаты не выходил, даже в туалет. Такого раньше никогда не случалось. Свет в кабинете со вчерашнего дня горит, тоже странно. Обеспокоились в охране за товарища Сталина, а войти боятся, строго настрого к нему без вызова заходить запрещено. Я ответил – звоните Берию. Позвонили. Лаврентий говорит: «Не вздумайте беспокоить!» Прошло еще какое-то время, они снова звонят, спрашивают: «Что делать – входить, не входить?» Я интересуюсь: «А где Светлана?» – «Она, – отвечают, – уехала». – «А Лаврентий Павлович, что?» – «Ему дозвониться не можем». Я говорю: «Ищите!» Через какое-то время снова звонит Хрусталева: «Из Кремля почту привезли, – докладывает. – Может под этим предлогом войти?» Я взял на себя смелость и разрешил. Пошлите, говорю, с дежурным Валечку, она все-таки не чужой товарищу Сталину человек. Они так и поступили. Прибегает Валя в слезах: «Лежит он на полу посреди комнаты!» Все бросились туда. Видно,

долго товарищ Сталин на полу лежал, замерз: руки холодные, просто лед, и подмочился. Переложили его на диван.

– Живой он? – перебил Хрущев.

– Живой, только какой-то вялый, бормочет неразборчиво. Тут Лаврентий объявился. Я ему ситуацию описал. Лаврентий отвечает, жди, я за тобой заеду. Я собрался, вышел на улицу, ворота приказал открыть, чтобы быстрее было. Приехали в Волынское, а там беспокойно, у входа в дом люди из охраны толпятся, прислуга в передней. Берия как крикнет: «Чего столпились? Марш по местам!» Я, он и Хрусталева в библиотеку, где Сталин лежал, прошли, вернее, в малую столовую, туда его из библиотеки перенесли, воздуха в малой столовой больше. Лаврентий первый к нему приблизился, склонился над диваном, прислушивается. Вслушиваемся и мы, дыхание ровное такое, нормальное, ни хрипов, ни стонов, глаза прикрыты, вроде как спит. Берия нам рукой показывает, мол, уходите, и сам на выход на цыпочках. Я, когда входил, даже ботинки разул, скрипучие у меня ботинки! – срывающимся голосом продолжал Маленков. – В прихожую вышли, тут Лаврентий на Хрусталева набросился: «Не видишь, что товарищ Сталин отдыхает?! Как посмел его беспокоить? Я тебя под суд отдам!» И уехали мы, – со вздохом закончил Георгий Максимович.

– А почему Лаврентий решил, что все в порядке?

– Мы совсем близко стояли, вроде спит человек, а Лаврентий самый первый подошел и непрерываемо заявил – спит! – оправдывался Маленков. – Сам знаешь, что будет, если Сталина разозлить, тем более он в таком неудобном положении, с мокрыми портками.

– Знаю, знаю! А чего меня не позвали?

– Разнервничались, уж извини!

Все благодушные Никиты Сергеевича мгновенно улетучилась.

– Врачей позвали?

– Лаврентий сказал, пока врачи не нужны, что к утру отлежится.

– От-ле-жит-ся! – задумчиво повторил Никита Сергеевич. – Ты, Георгий, Ворошилову, Молотову, Кагановичу и Микояну позвони, а то как бы нас потом крайними не сделали!

Когда Хрущев приехал в Волынское перед домом стояло несколько машин. Маленков и Булганин встретили его в дверях.

– В забыты, – сообщил Булганин.

В прихожей уже не было того зловещего порядка, который царил в Волынском всегда. У офицеров охраны, которые строгими движениями изымали у визитеров пузатые портфели, папки и оружие, в глазах затаилось паническое беспокойство, а тот, что старательно проводил руками по телам избранных, прохлопывал карманы и простукивал обувь, скромно отошел в сторону.

Сразу за Хрущевым подъехали Каганович и Ворошилов. Ворошилов вынул из кобуры хромированный «Вальтер» и протянул дежурному. Офицер принял оружие, а тот, что производил личный досмотр, предупредительно показал рукой:

– Проходите, товарищи! – и, встретившись взглядом с Климентом Ефремовичем, приложил руку к козырьку фуражки: – Здравия желаю, товарищ Маршал Советского Союза!

Члены Президиума обменялись рукопожатиями.

– Как он? – спросил Каганович.

– Скверно, – ответил Маленков. – Врачи едут.

Все прошли в большую столовую. Через минуту появился Лаврентий Павлович и собственноручно, невзирая на охрану, приставленную к комнате, распахнул дверь, где на диване беспомощно лежал Сталин.

– Дачного врача почему нет?! – рявкнул он.

– Бежит, Лаврентий Павлович! – отпартовал Хрусталева. – Он только-только в туалет отошел. Слава, давай быстрее! – выглянув в коридор, прокричал начальник охраны.

Дачный доктор не допускался к генералиссимусу, в его обязанности входило оказывать помощь местным работникам.

Наконец примчалась «скорая помощь». В помещении появились профессор Лукомский и врачи. Лукомский склонился над больным и осторожно начал осмотр. Дачный доктор, бледный как смерть, стоял рядом. Сталин не двигался, было почти не слышно, как он дышит, только иногда до слуха долетали слабые свистящие вздохи. Профессор не решался на интенсивные меры, он даже потрогать Сталина как следует боялся.

– Что вы возитесь? Вы врач или нет?! – раздраженно крикнул Лаврентий Павлович. – Не тяните, действуйте!

Лукомский, видно, очень остерегался лежащего перед ним человека, по приказу которого были брошены в застенки лучшие медицинские умы, но грубый окрик вывел светило из оцепенения. Прежде всего, разрезали на Сталине одежду, потом начался осмотр. Члены Президиума перешли в большую столовую, и расселись за тем самым столом, где обычно происходили ночные пиршества. Лица у присутствующих были растерянные, один Лаврентий Павлович с самодовольной улыбкой прохаживался взад-вперед. В течение многих часов Сталину не оказывалась помощь, к Хозяину не допустили даже обслугу. В дверях появился профессор.

– У товарища Сталина не действует правая рука, парализована левая нога, он потерял речь. Обширный инсульт. Состояние критическое.

– Он выживет? – спросил Ворошилов.

– Даже при благоприятном исходе человек может еще жить, но, что он останется полноценным и трудоспособным, маловероятно, – как бы извиняясь, проговорил доктор.

– Маловероятно! – с ударением повторил Берия. Лицо его разругалось. – Говорите, тяжелая болезнь?

– Очень тяжелая, практически неизлечимая.

– Лечите! Вы должны сделать так, чтобы товарищ Сталин поправился, сделать все возможное! Вы нам обещаете вылечить товарища Сталина? Обещаете?! – подступая к доктору, прокричал Берия и поманил рукой Маленкова.

– Мы сделаем все возможное, – отозвался Лукомский.

– Сейчас ему не мы, доктора нужны! – высказался Лаврентий Павлович и потянул Маленкова за собой. – Поехали!

После сообщения профессора голос его звучал уверенно, твердо.

– Нельзя товарища Сталина так оставлять, – заговорил Ворошилов. – Давайте организуем дежурства.

– Да, давайте дежурить, – поддержал Хрущев. – Мы бы с Николаем Александровичем сейчас остались, а Климент Ефремович с Лазарем Моисеевичем нас сменяет.

– А мы с Маленковым им на замену придем, – кивнул Берия. – Только чтоб врачам не мешать!

Сталин не говорил, практически не двигался. В чьих руках теперь окажутся бразды правления? Этот вопрос мучил в комнате каждого, и каждый знал, что имеет право быть первым. За стеной еще дышал вождь – минуту назад, самый непререкаемый, неприкосновенный, а может, и самый непревзойденный человек на земле.

– Вовремя его жажнуло, ой, как вовремя! – не стесняясь, проговорил Лаврентий Павлович, потом развернулся и, не попрощавшись, вышел. За ним, неловко кивнув остальным, поспешил Маленков.

Профессор Лукомский принимал экстренные меры по предотвращению последствий страшного удара, но уж очень много времени упустили. Больному сделали кардиограмму, поставили пиявки, дали кислородную подушку, вкололи камфару и в первый раз покормили. Кормили с ложечки бульоном, а потом стали давать сладкий чай. Сталин жадно пил.

3 марта, вторник

К одиннадцати утра в Волынском собрались Берия, Маленков, Ворошилов, Каганович, Булганин и Хрущев. С Берией на «ближнюю» приехал Молотов. Он вошел в дом по-деловому, как будто никогда отсюда не уходил.

– Здравствуйте, товарищ Молотов! – первым поздоровался Булганин. Долгое время Молотов официально являлся первым человеком в государстве, с 1931 по 1941 год занимал пост председателя советского правительства. Молотов, на которого беспощадно обрушился Сталин на последнем Пленуме Центрального Комитета, не выражал ни радости, ни сожаления. Вячеслав Михайлович сухо пожал протянутые руки и на одной интонации произнес:

– Пойду, посмотрю, – и проследовал в соседнее помещение.

– Завтра отдадим Вячеславу Михайловичу его драгоценную Полину Семеновну! – воодушевленно заговорил Берия. – Удивляюсь, как умудрился ее живой сохранить? Хозяин сколько раз приказывал: «Кончай дуру!», а я изловчился и ей жизнь сохранил! – хвастался Лаврентий Павлович. – Так что, ребята, завтра у Вячеслава праздник.

– Я, признаться, не думал, что Жемчужина уцелела, – проговорил Каганович.

– А я думал! – с ударением просопел Берия.

До ареста Полина Семеновна считалась в Москве первой леди. Всегда ухоженная, элегантно одетая, она блистала умом и обаянием на всех дипломатических и государственных приемах.

Через минуту Молотов возвратился. Он сразу занял «трон» – центральное кресло с высокой спинкой, на котором восседал только вождь, и куда, по пьяному делу, заваливался лишь обожаемый сынок Василий, и то сразу получал нагоняй.

– Значит, надежды нет? – проговорил Молотов. Лицо его не выражало никаких эмоций. – Для страны это тяжелый удар. Горестно, очень горестно сознавать, что век такого исполина, как Сталин, закончился.

– Давайте, пока он в сознании, зайдем к нему все вместе! – внезапно предложил Булганин. – Простимся.

Члены Президиума посмотрели на него, каждый по-своему: кто-то совсем не желал туда идти.

– Пошли! – поддержал Хрущев, – а то вдруг помрет! – и шагнул к дверям.

– Микоян подъехал, – доложил офицер.

– Лазарь, – обращаясь к Кагановичу, распорядился Берия, – бери Анастаса и тащи к нам! Каганович услужливо закивал.

Сталин лежал лицом вверх, глаза его были осмысленны, он пытался проникнуть ими в душу каждого, но плохо получалось, человеческие силы были на исходе, и больной лишь жалко взирал перед собой, чуть шевеля пересохшими губами. Визитеры сгрудились над диваном. Сталин то показывал глазами на стену, то смотрел на ближнего к нему Георгия Максимовича, то снова на стену.

– Я понял, – торопясь заговорил Хрущев. – Видите, на стене висит картинка, где девочка кормит из соски козленка?

Все посмотрели на картинку. Это была репродукция какого-то известного художника, напечатанная на странице журнала «Огонек». В каждом номере журнал публиковал картины знаменитых художников. Сталин вырвал понравившуюся, велел обставить в простую сосновую рамку и повесил на стену.

– Товарищ Сталин показывает нам, что сделался таким же беспомощным козленочком, которого приходится кормить из рук! – продолжал Хрущев.

– Это мы, Иосиф! – пробравшись вперед, заговорил Микоян.

Сталин чуть скосил глаза.

– Пришли тебя проводить. Хотим, чтобы ты скорее поправился! – Анастас Иванович наклонился над лежащим. – Держись, друг, мы тебя не оставим!

Вдруг лицо Сталина ожило, бледность исчезла, взгляд сделался свежим, твердым. Все заметили его внезапное перевоплощение. Перед ними был прежний вождь – неумолимый, непререкаемый, властный.

– Иосиф! Дорогой! – отталкивая Микояна, заголосил Берия и грохнулся перед диваном на колени, хватая и прижимая к себе руку правителя. – Тебе лучше?! Лучше?!

Лаврентий Павлович целовал сухую, морщинистую, неестественно желтую, жесткую руку, руку его счастливой судьбы. Глаза повелителя сделались мутными, поплыли, и он снова перешел в неведомое забытие.

– Ты где?! Где?! Смотри на меня! – Берия все сжимал, тряс ненастоящую, никчемную ладонь.

Сталин потерял сознание. Берия грубо оттолкнул от себя полуживую плоть.

– Напугал черт, думал, ожил!

Соратники недолго постояли возле умирающего и поспешили вернуться в столовую.

– Может, не надо у него дежурить? Мы же не врачи! – вздохнул Маленков.

– Раз взялись дежурить, надо додежурить. Если товарищ Сталин умрет, мы будем последними, кто его проводит, об этом вся страна узнает. А если поправится, то сами понимаете! – возразил Хрущев.

– Теоретик! – сдвинул брови Берия.

– А что? Политически правильно говорю!

С этого дня распоряжались в Волынском врачи, их набилось сюда целое множество. Из какого-то института привезли громоздкий аппарат искусственного дыхания, совсем недавно сконструированный инженерами, думали, пригодится. Только как с аппаратом обращаться, до конца не понимали – вещь новая. Чаще всего Сталин был без сознания.

Никита Сергеевич и Николай Александрович заступили на дежурство. Время от времени, они звали Лукомского, справлялись о состоянии больного.

– Такие заболевания, как правило, непродолжительны и кончаются катастрофой.

– Но надежда есть?

– В лучшем случае удастся его вытянуть из могилы, но полноценно работать товарищ Сталин не сможет.

– И на том спасибо! – грустно отозвался Никита Сергеевич. – Вы нам обо всем говорите, ничего не утаивайте.

Лукомский ушел.

– Молотов так и светится! – подметил Булганин.

– Как фонарь!

– Давай Жукова в Москву вернем?

– А Лаврик не взвоят?

– Лаврентий не злопамятный, в конце концов, мы их помирим.

– Я бы Жукова вернул, – согласился Хрущев. – Жуков нам благодарен будет.

– Идем к нему? – кивнул на дверь Булганин.

Дверь предательски заскрипела, никогда такого не случалось на «ближней», здесь вообще не полагалось посторонних шумов, даже слегка повышенный голос вызывал раздражение. Большой шевельнулся.

– Иосиф Виссарионович! Товарищ Сталин! – позвал Булганин. – Держитесь, дорогой вы наш!

Хрущев видел, как больному трудно, но, похоже, он видел и узнавал. Через минуту пришли сестра и доктор.

– Нам надо откачать товарищу Сталину мочу, – сказал врач.

– Пожалуйста, пожалуйста! – Никита Сергеевич посторонился. Они с Булганиным отсели, а медработники стали делать свое дело. Сталина раскрыли, спустили кальсоны, потом подстелив клеенку, стали вводить в член катетер. Больной побледнел – видимо испытывал нестерпимую боль. Хрущев поежился, даже ему, наблюдавшему со стороны, делалось не по себе, глядя на варварскую процедуру. Убедившись, что сестра совершает манипуляции правильно, врач сел за историю болезни.

Медсестра закончила откачивать мочу и отошла от больного, забыв закрыть его одеялом. Здоровой левой рукой, которая пока подчинялась, Иосиф Виссарионович пытался прикрыться, видно, чувствовал неловкость. Никита Сергеевич поспешил на помощь.

– Вот так, вот так! – бережно прикрывая больного, приговаривал он.

– Стесняется, – шепнул Булганин.

– В сознании.

– Мы с вами, Иосиф Виссарионович! Мы вас не бросим! – наклонясь, шептал Николай Александрович.

Пронзительно зазвонил телефон. Никита Сергеевич поднял трубку. На проводе был Берия.

– Не сдох?! – спросил он.

– Живой.

– Врачи говорят, очокурится!

– Состояние тяжелое, – ответил Никита Сергеевич, ему по-человечески было жаль старика.

– Сдохнет! – повторил Лаврентий Павлович. – Привет Булганину! – и повесил трубку.

Через полчаса Хрущева и Булганина сменили.

Ворошилов смотрел на вождя как-то по лисьи, а Каганович вообще не смотрел, завалился в глубокое кресло и пробовал дремать. Он даже не пошел проведать больного, его беспокоили сейчас совершенно другие мысли, а не этот немощный, рябой, уже дурно пахнущий старик.

Берия сидел в кремлевском кабинете Маленкова:

– Скорей бы сгинул. Вот он у меня где!

– И я жду развязки. Когда, когда? – Как эхо в голове! – Георгий Максимович медленно выговаривал слова.

– Руки чешутся падаль в могилу столкнуть! Только и делал всю жизнь, что перед ним пресмыкался!

– Лукомский говорит, надежды нет, умрет, – подтвердил кадровик, он пил чай с молоком.

– У меня при нем свои люди, – вполголоса добавил Берия.

– И хорошо, забота надежней будет, – отрешенно ответил Маленков.

– Надо с Молотовым потолковать, а то понесет дядю! Видел, как он в сталинское кресло запрыгнул?

– Узрел.

– И Хрущев, как пес цепной, на всех лает. Его направлять надо.

– Хрущ наш, – вскинул голову Георгий Максимович, – а с Молотовым ты сам потолкуй, он меня слушать не будет, чересчур гордый.

– Поговорю. Налей-ка твоего чайку.

Маленков приподнял заварной чайник.

– Повезло нам, – улыбнулся Лаврентий Павлович. – Разбил вампира паралич. Ну, счастье! – он широко, во весь рот, заулыбался, а потом отхлебнул крутой заварки.

– Постой, а молочко? – спохватился Маленков.

– Услышал Бог молитвы! – радовался Лаврентий Павлович. – А то так бы и сидели шутами гороховыми. Рябой и меня чуть не угробил! Мне разрядка нужна, поеду подурачусь, – закончил Берия.

– О твоих дурачествах вся Москва гудит!

– Да хер с ней! Я на пределе. Сам посуди, каждый день в одной клетке с драконом.

– По городу слухи ползут, что ты молоденьких девиц по улицам ловишь, затаскиваешь к себе и насилуешь.

– П...ят! – отмахнулся Берия. – С тремя, правда, было, нет, с четырьмя, их точно на улице отловил, ну и подвез, – заулыбался маршал. – Но они не возражали. Я баб не обижаю.

– Заканчивай, Лаврентий, заканчивай!

– Девчонки меня любят. Да, да, Егор, да! И не верти головой! Я в любви ласковый, – и маршал изобразил на лице умиление. – Старые клячи надоели. Иногда, сам знаешь, свежатинки хочется! А слухи, – потянулся Лаврентий Павлович, – каких только слухов на Москве нет! Народ любит посудачить, посмеяться, поудивляться и от страха потрястись. Страх народу необходим. А девоньки сладенькие – моя единственная радость! Зойка, – вспомнил возлюбленную маршал, – беременна, ее мучить нельзя, вот я и путешествую потихоньку. Знаешь, есть у меня одна такая кареглазая, с маленькими сисечками! – мечтательно заморгал Берия.

Маленков строго посмотрел на товарища.

– Сейчас, Лаврентий, мы на виду, держи себя в руках!

– Хватит! – отмахнулся Лаврентий Павлович. – Позвони-ка в Волынское, узнай, не подох случайно наш Бог?

Маленков придвинул телефон, попросил сталинскую дачу и с полминуты с кем-то разговаривал.

– Жив, – вешая трубку, сообщил он.

– Придется туда прокатиться, – став серьезным, проговорил Берия. – Ты в Кремле всех собери, а я на «ближнюю» смотаюсь.

Лаврентий Павлович отставил чашку, встал и направился к дверям.

– Может, Молотову должность министра иностранных дел вернем? Ему такое понравится, – задержавшись у самого выхода, предложил он.

– Можно, – согласился Георгий Максимович. – Как бы нас с тобой старики не прижали! – буркнул он.

– Херня! – отрезал лубянский маршал. – Я пошел. Попрошу врачей, чтобы больного лучше лечили.

4 марта, среда

Суматоха в Волынском приутихла, в действиях всех прибывающих появилась некая последовательность. При больном постоянно дежурили врачи, отрекомендованные Лукомским, сам он приезжал утром и вечером, но каждый час профессору докладывали обстановку. В Москве открылась внеочередная сессия Академии медицинских наук, где решали, как помочь любимому вождю. Иосифу Виссарионовичу регулярно ставили пиявки, измеряли артериальное давление, брали анализы. Все показатели вносились в специальный журнал, который вели помимо истории болезни. Журнал и история болезни пухли на глазах, обрастая академическими заключениями и рекомендациями, но больному лучше не становилось.

Хрущев и Булганин прибыли на дежурство, выслушали неутешительный медицинский доклад и попросились побыть со Сталиным наедине. Они зашли к тяжело больному и, взяв стулья, подсади поближе.

– Мы тут! – тихонько проговорил Булганин, прикасаясь к неподвижной бледной голове. Сталин пришел в себя и посмотрел как-то несчастно, жалостливо.

– Как вы?

Больной вытянул руку. Никита Сергеевич погладил ее. Сталин еле уловимо сжал кисть, один раз, потом второй, сильнее, сильнее.

– Скорее! – воскликнул Никита Сергеевич и толкнул Булганина.

Николай Александрович сунул в сталинскую ладонь свою.

– Вы поправитесь, обязательно поправитесь! – отвечая на рукопожатие, причитал он.

– Он благодарит нас за то, что мы здесь! – растрогался Хрущев.

Скоро Сталин опять впал в забытие. Врачи принесли кислородную подушку. Ближе к девяти утра, появилась Валечка.

– Может, я вас покормлю? – не своим, а каким-то потерянным голосом, предложила она. – Вчера лапшу куриную стоговили.

– Покушаем лапшу.

– Могу язычок отварной дать, с пюрешкой.

– Мне язычок, – отозвался Булганин.

Валя ушла.

– А Светланка с Васей знают? – Николай Александрович вспомнил о детях Сталина.

– Похоже, им ничего не известно, – предположил Никита Сергеевич.

– Надо сказать. Если мне Василий позвонит, скажу.

– Скажи. Василий как-никак твой подчиненный.

До последнего времени Василий Сталин командовал авиацией Московского военного округа, а три месяца назад по велению отца был отстранен от должности и определен слушателем в Академию Генерального штаба. Совершил генерал серьезный проступок. В день проведения военного парада 7 ноября 1952 года самовольно поднял в воздух военные истребители, чтобы они пролетели над Красной площадью. Погода была плохая, нелетная, не погода, а откровенная дрянь – облачность, туман, ни хрена не видно, и был приказ Булганина, который полеты в праздник Революции отменил. Василий наплевал на приказ, – какой же парад без авиации! Самолеты взмыли в небо и взяли курс на Кремль. При посадке два самолета сильно пострадали, летчики чудом уцелели. Сам Василий Иосифович давно не летал, много пил, вернее, почти всегда был нетрезв. Василий Сталин ощущал себя наследным принцем, никому, кроме отца, не подчинялся. После того злосчастного случая Сталин и отстранил сына от командования. Он хотел, чтобы Вася образумился, закончил Академию, тогда бы он назначил его главнокомандующим Военно-воздушными силами. Василий сделал головокружитель-

ную карьеру, начав войну двадцатичетырехлетним капитаном, в конце войны, всего через четыре года, он был уже генерал-лейтенантом.

– Хоть Вася и пьяница, а должен знать, что отец при смерти! – проговорил Николай Александрович. – А если тебе Светланка позвонит, ты ей сообщи.

Подали суп.

– Как считаешь, Молотов в драку ползет?

– Вряд ли.

– Молотов бронтозавр!

– Был бронтозавр. А сегодня – мы бронтозавры! – определил Хрущев.

– Я Лаврика уговорил, он Жукова вернуть согласился, – бесхитростно заулыбался Булганин.

– Вот молодец!

– Лаврик в председатели правительства хочет.

– У него репутация дрянь, он энкэвэдэшник.

– А ты кто? – округлил глаза Булганин. – Роза-мимоза?

– Я партийный человек! – отрезал Никита Сергеевич. – Я курирую органы, а не управляю ими.

– Может, Егора в председатели просунем?

– Это вернее. В смысле биографии Егор лучше Лаврика.

– А тебя – на партию! – продолжал Булганин.

Валя пришла убрать пустые тарелки.

– Поправится он? – всхлипнула женщина. – Я всю ночь молилась! – и прижала к груди старенькие морщинистые руки.

– Обойдется! – утешал Никита Сергеевич.

– Только б не умер, молю, только б не умер! Мы б уж его, родненького, выходили!

Хрущев встал и обнял ее.

– Держись, моя хорошая!

Булганин сидел с мокрыми глазами. Несчастная Валя ушла.

– Лаврентий уже на Лубянке сидит, Игнатьева не принимает, – продолжал Булганин.

– И правильно!

– Ворошилов, поговаривают, на мое место нацелился!

– Кроме тебя, я министра Вооруженных Сил не вижу! Ворошилову надо Верховный Совет отдать, про это вчера Егор говорил.

– Все равно беспокойно!

– Не бзди! А Молотова – в МИД.

– Если Лаврик МГБ заберет, спокойней будет!

– И МГБ, и МВД, – дополнил Хрущев. – Прорвемся, Коля, прорвемся!

– Из тюрьмы Полину Семеновну Жемчужину везут.

– Слава Богу!

Валюша принесла чай в серебряных подстаканниках и инжировое, самое любимое сталинское варенье.

– Попейте чаек, – и тут, выглянув в окно, расцвела. – Васенька приехал!

По дорожке к дому шел молодой человек в генеральской шинели. Офицеры, дежурившие у крыльца, вытянулись по стойке «смирно». Булганин и Хрущев поспешили навстречу.

– Вася! – начал Хрущев.

– Что с отцом?! – не здороваясь, оборвал Василий, он был уже здорово под мухой.

– Врачи делают все возможное.

Генерал с силой толкнул дверь и вошел к отцу. Буквально через минуту, появились Маленков, Ворошилов, Микоян и Каганович.

– Что? – насупившись, спросил Ворошилов.

– Плох, – отозвался Хрущев. – Василий приехал.

Маленков попросил чай. Каганович, недолго думая, занял сталинское кресло, но потом встал и, прихватив варенье, перебрался ближе к Маленкову и уже никуда от Георгия Максимовича не отходил.

– Вареньица, Георгий Максимович, положите! – услужливо предлагал Каганович. – Чаек с инжиром?

Маленков принял вазочку.

– Называйте меня, ребята, не Георгий Максимович, а Георгий Максимилианович, моего отца Максимилиан звали, а Максимовичем меня он окрестил, – кивнул на соседнюю дверь Маленков. – Сказал, что у трудящихся сроду ни одного Максимилиана не было. Вот так я превратился в Максимовича.

Из малой столовой вышел Василий.

– Загубили отца! – громогласно объявил он, и погрозил кулаком.

– Ну, я вам!

– Ты, Вася, не горячись, – вставая и направляясь к сыну Сталина, произнес Ворошилов. – Не у одного тебя горе!

– Выродки! – выругался Василий и побежал на второй этаж.

– Этот дров наломает! – заметил Хрущев.

– Нажрется и заснет, – с неприязнью ответил Лазарь Моисеевич, – на большее не способен!

– Не обращайтесь внимания. Что с него взять, с пьяницы? – высказался Микоян.

В дверях появился Берия. Неизвестно почему, но сегодня Лаврентий Павлович сверх меры наодеколонился. Он весь благоухал. Берия уселся рядом с Маленковым.

– Дрянь дело, – сказал он, и взглянув на комнату больного, добавил: – Помирает! Наши бессмысленные дежурства пора кончать, тут от врачей тесно и еще мы вошкаемся. Сейчас работать надо, а не штаны просиживать! – Я Светлане позвонил, – продолжал Лаврентий Павлович. – Она уже едет. Кто ее встретит? – он завертел головой.

– Давай мы с Булганиным? – отозвался Хрущев.

– Отлично. А горький пьяница что?

– Ругается.

– Пусть свой поганый язык в ж...у заткнет! Ты бы, Клим, ему обстановку разъяснил!

– Разъясню! – отозвался Ворошилов.

– А штаны здесь просиживать нечего! Страна должна знать, что Президиум ЦК трудится. – Берия встал.

– И я в Москву! – как ужаленный, подскочил Каганович.

Вслед за ними поднялись с мест Микоян с Ворошиловым.

– Мы Свету встретим и тоже на работу, – за себя и за Булганина пообещал Никита Сергеевич.

– Сбор в «уголке», в семнадцать ноль-ноль, не опаздывайте! – предупредил Георгий Максимилианович. «Уголком» члены Президиума между собой называли кремлевский сталинский кабинет.

В начале аллеи появилась черная «Победа». Хрущев поднял руку. Водитель «Победы» понял знак и остановился. Из машины появилась Света. Вид у нее был растерянный.

– Что? – спросила она.

– Жив, пока жив! – глотая слезы, ответил Булганин.

– Идем к нему! – торопил Никита Сергеевич.

Они взяли Свету под руки и повели в дом. Снег под ногами поскрипывал, было морозно. Серебристые ели, красовались вдоль дороги. Ближе к даче, возвышался ряд пушистых вечно-

зеленых туй, заслонявших несуразный, несколько раз перестроенный двухэтажный дом. Дом этот всегда оставался строгим, без архитектурных излишеств и изысков. Не было на фасаде витиеватых лепнин, не украшали вход величественные колонны, не стояли рядом поражающие красотой лирические скульптуры, не носил узкий цоколь торжественный гранит. Выкрашенное в неброский зеленый цвет, выглядело здание по-зимнему сиротливо, не отличалось ничем величественным, каким подобало быть жилью всесильного владыки. Необычным явлением были лишь машины «скорой помощи», рядком стоящие на автостоянке.

Светлана была как в тумане. С ней кто-то здоровался, кто-то жал руку, но молодая женщина не реагировала, не отвечала на приветствия. Ей хотелось увидеть отца, припасть к нему, пока он был жив, а может – и не хотелось. Она и сама не понимала, чего ей хочется: бежать со всех ног, проклинать, плакать, целовать или просить прощения?

Света приехала в каком-то странном, непонятного цвета закрытом платье, длинном, гораздо ниже колена. Такую нелепую одежду заставлял носить великий отец. Она покорно подчинялась и всегда появлялась на «ближней» в таких несуразных, точно доисторических нарядах.

– Иди! – подтолкнул Николай Александрович. – Хоть на смертном одре он успокоится, увидев свою Светланку!

Прошло около часа, наконец, Света появилась.

– Я останусь с ним! – твердо сказала она. Глаза сталинской дочери были сухи, казалось, она находилась, где-то далеко-далеко, так далеко, что могла оказаться рядом с ним, с великим и никем до конца не понятым человеком. – Иду к тебе, папа! – прошептала Светлана и возвратилась к умирающему.

В это утро она поднялась раньше обычного, умылась, пошла готовить детям завтрак и вдруг каким-то животным чутьем поняла, что случилось непоправимое, что-то очень плохое.

Света часто готовила сама, не любила, чтобы по дому слонялись посторонние люди, пусть и приставленные помогать. После обычных семичасовых известий по радио не стали передавать утреннюю гимнастику, а вместо задорных маршей и душевных песен зазвучала печальная музыка Бородина, потом струнный квартет играл Глазунова.

«Наверное, умер кто-то из членов ЦК», – подумала Светлана.

В начале десятого позвонил телефон, и Берия загробным голосом попросил приехать на «ближнюю». Тут-то и поняла она, что случилось непоправимое не с кем-то, а с отцом. Старый мир, привычный, знакомый, зашатался, стал рушиться, земля уходила из-под ног.

Берия ничего конкретного не сообщил, только попросил поторопиться, но ей стало ясно – отца больше нет, ведь иначе, как объяснить, что к нему в дом родную дочь приглашает чужой человек?

По дороге в Волынское, леденящий душу голос Левитана передал о тяжелой болезни товарища Сталина.

В Кремле в сталинском кабинете собрались Берия, Маленков, Молотов, Ворошилов, Булганин, Хрущев, Каганович, Микоян, Сабуров, Первухин, Пospelов и Суслов. Председательствующее место занял Берия.

На пост председателя Совета министров он предложил Маленкова, его первыми заместителями были названы четверо: Молотов, он же министр иностранных дел, Берия, возглавивший объединенное МГБ и МВД, военный министр Булганин и Каганович, которому досталось управление тяжелой промышленностью, транспортом и связью. Ворошилов пошел на Верховный Совет, Хрущев – на партию.

– А с Абакумовым что делать? Может, отпустим Виктора Семеновича? – неожиданно спросил Первухин.

– На хера он сдался?! – отозвался Хрущев.

– Пусть на нарах гниет! – зло добавил Берия.

– Предлагаю сократить состав Президиума Центрального Комитета, – проговорил Ворошилов. – На XIX Съезде Сталин в два раза состав расширил, понапихал туда много бестолковых людей.

– На хера нам эти брежневы, патолічевы! Пусть опыта набираются! – фыркнул Лазарь Моисеевич.

– Это понятно! – поддержал Маленков. – А у меня вот какое предложение: считаю полезным вернуть в нормальное русло трудовой распорядок, ни к чему эти ночные бдения. Установим график рабочего времени с девяти часов до восемнадцати. Это будет правильно, как в цивилизованном мире.

– Жить надо по-людски, а не задом наперед. Ночью нужно спать, а днем работать! – поддержал Молотов. – И еще одно упустили! Пока товарищ Сталин жив, предлагаю оставить его в Президиуме Центрального Комитета.

– Нет возражений! – за всех отозвался Лаврентий Павлович.

– А если он не умрет? – произнес Микоян, но так, что в комнате приутихли.

– Умрет! – отозвался Берия. – Светила не ошибаются. Кстати, предлагаю закрыть позорное, полностью надуманное дело врачей. Всех освободить и реабилитировать.

Сергей Хрущев не мог заниматься, учить ничего не получалось: как сидеть за учебниками, когда Сталин при смерти? «Наш Сталин, наш любимый человек!» – с болью в сердце думал студент. Он был потрясен, услышав по радио сообщение о неизлечимой болезни. Еще вчера по хрущевскому дому поползла тревога, мать ходила бледная, отец пропал – уехал и ни одного звонка. А сегодня и в институте началась паника, учебное заведение гудело, как встревоженный улей: кто-то гундосил, что Иосиф Виссарионович умер; кто-то, наоборот, говорил, что пошел на поправку; а в туалете, где студентам разрешалось курить, произнесли, что вождя отравили!

– И в Ленина стреляли отравленными пулями! – содрогнулся Сергей.

Вокруг происходило что-то из ряда вон выходящее, преподаватели ходили словно под кайфом, лекции заканчивались, не успев начаться. В воздухе витало лишь одно: «Сталин! Сталин!» На душе сделалось тоскливо и страшно, и никак не верилось, что Сталин способен умереть.

– Сколько хорошего сделал Сталин! Сколько доброго рассказывал про него отец!

Хрущев-младший решил поскорее уйти из института. Торопливо собрал учебники, очутившись в гардеробе, отыскал под грудой чужого свое неновое, чтобы не бросалось в глаза, пальтишко и поспешил на улицу. Студент торопился к административному корпусу, где в сторонке за углом его дожидался автомобиль.

– Чего-то ты рано? – потянулся пожилой водитель.

– Пораньше закончили. Поехали, Иван Андреевич!

– Вот торопыга! Сейчас докурю.

– Пожалуйста, мне надо ехать!

– Да едем, едем!

Машина тронулась.

– Новости есть? – поинтересовался взволнованный Сергей, в надежде услышать что-нибудь утешительное про состояние здоровья Иосифа Виссарионовича.

– Какие новости? Сталин при смерти, и – точка! – выкидывая в окно окурок и выруливая на проезжую часть, мрачно отозвался водитель. – К Раде заезжаем?

– Нет, сразу домой!

«Может, отец дома, он-то наверняка все знает!»

Пленум Центрального Комитета и Сессия Верховного Совета, начавшиеся в девятнадцать часов, единогласно закрепили решения Президиума ЦК. На все формальности потребовалось не более двадцати минут.

– За! За! За! – точно эхом, оглашалось пространство.

Когда кадровые изменения утвердили, принялись хлопать. Хлопали без остановки, истерично, как оголтелые, так, как будто на трибуне появился сам Сталин, только никакого Сталина не было. Каждый старался перехлопать соседа, из последних сил бил в ладоши, чтобы новый Бог услышал! Несмолкаемыми овациями приветствовали участники заседания товарища Маленкова. Глаза у депутатов горели, в зале раздавались одобрительные возгласы, здравницы в честь партии и правительства, в честь нового председателя.

«Что теперь? – скромно раскланиваясь, принимая восторженные аплодисменты, подумал Георгий Максимилианович, и сам же ответил: Теперь – я!»

После решения Пленума Брежнев еле держался на ногах, его, всего час назад могучего человека, Секретаря ЦК, кандидата в члены Президиума Центрального Комитета, превратили в ничто, разжаловали, растоптали. Он шел с заседания один-одинешенек, никто уже не спешил к нему с угодливой улыбкой, никто не торопился рассказать последние новости или свежий анекдот, никто, предусмотрительно сбавив шаг, не соперничал вместе с ним тяжелой болезни Сталина; члены ЦК проходили мимо опального, не повернув в его сторону головы, только генерал Грушевой и донецкий секретарь Струев подбодрили старого товарища добрым словом: мол, не отчаивайся, держись! А как держаться, когда тебя сковырнули с кремлевских высот, обескровили, опустошили?! Через час в узком, как пенал, коридоре, партийный кадровик объявил Леониду Ильичу о новом назначении. Ему отдали ничего не значащую должность в Главпуре Министерства Вооруженных Сил – Брежнев принимал Политуправление Военно-морского флота.

– Политрук, несчастный политрук! – прикрывая за собой дверь Центрального Комитета, шептал бывший вожак.

– Ты не должен раскисать, падать духом! – утешал Брежнева Струев. – Пойдем к Хрущеву!

– Хрущеву, Саша, сейчас не до меня! – отмахнулся Брежнев. – Пропал я, друг милый, пропал!

Расцеловав жену, которая светила словно весеннее солнце, Георгий Максимилианович прошествовал в столовую и уселся на центральное место. Он оглядел знакомую комнату, массивную полированную мебель, плотные с переливчатым золотом бордовые портьеры, ковры, картины. В доме, казалось, все изменилось, сделалось торжественным, величественным, и понятно почему: теперь он, Георгий Максимилианович, – председатель Совета министров Союза Советских Социалистических Республик, государства, занимающего шестую часть света! Маленков покосился на большую фарфоровую тарелку с изображением Владимира Ильича Ленина, подаренную ему еще в тридцать четвертом работниками Отдела руководящих партийных органов. Тарелка эта с тех самых пор стояла на буфете. В 1936 году рядом с ней появилась другая, с изображением Сталина.

В яростной схватке за власть, вытесняя один другого, бились за трон претенденты на российский престол: Троцкий, Рыков, Бухарин, Молотов. Победителем стал Сталин. Джугашвили-Сталин не отличался сердобольностью, когда надо прикидывался надежным соратником, был обходителен и остроумен, в трудную минуту мог стать отчаянным командиром и горячим организатором самых неподъемных дел. И заявил Сталин о себе, о своих претензиях на власть не поспешно, а сказал лишь тогда, когда подобрался к самой ее вершине, обескровил противников, схватил власть за горло. Сын сапожника был не из робкого десятка.

Самым коварным его врагом был не патрон, выпущенный из винтовки, не артиллерийский залп, страшнее всего был человек, ведь только от человека могло исходить зло, направленное зло, непримиримое. Он был очень осторожен с людьми, очень внимателен, этот бывший семинарист.

Иосиф воспитался дипломатом, сыграло роль здесь и беспробудное пьянство отца, который выпив, хотел нещадно драть сына, и палочное обучение в духовной семинарии (Библию Джугашвили знал назубок), и поспешный первый брак, и первый арест, и первый выстрел из револьвера, от которого свалился к ногам окровавленный противник, и бесконечное чтение книг. Но прислушивался Иосиф не к печатному слову, а к собственной интуиции и еще – наблюдал. «Стоящий рядом еще не друг, а вот недруг – наверняка!» – такой вывод напрашивался целеустремленному юноше.

Джугашвили держался сильных, пока сам не сделался таковым, пока не обзавелся ретивыми попутчиками, которых подпустил почти к самому сердцу, но не впустил в него. Иосиф мерил жизнь по себе, а мерить по себе – есть самая строгая мера. В результате врагов не стало, а он сделался обожаем и любим.

Отказавшись от Бога, Иосиф Виссарионович целиком посвятил себя новой религии – марксизму-ленинизму, под красным знаменем которого собралось несокрушимое пролетарское войско. Народу обещали свободу, равенство, братство, солдатам – мир, крестьянам – землю, просили взамен лишь чуточку терпения, всего чуть-чуть повоевать, всего капельку!

«Грабь награбленное!» – командовали комиссары. Такой призыв многим нравился. И воевали, и отбирали, и крепчала Советская власть.

С новой армией расправляли крылья и новые вожаки.

Примером для подражания стал Ленин, к Ленину Сталин тянулся, Ленина копировал, и не будь Владимир Ильич тяжело ранен отравленными пулями, может, никогда Сталин не добрался бы до трона, но судьба распорядилась иначе. После смерти непримиримого революционера Иосиф хладнокровно нацелился на престол. Методично оттесняя соперников, он, как ледокол, двигался к цели.

Сталин не позволил Ильичу уйти в забвение. Он создал грандиозный ленинский культ, вознес творца-Ленина до небес, сделал Богом, кумиром. При упоминании вождя революции умиленно закатывал глаза, всем своим видом изображая, что трепещет при одном упоминании ленинского имени. Какой громадой для России его стараниями сделался Ильич! Но прошло время, и уже сам Сталин стал Богом, и не просто Богом, а главным Богом, затмив созданного ранее Бога-Ленина: ведь Ленин умер, а Сталин – жив и могуч!

«Ленинизм-сталинизм! Ленин-Сталин!» – только так произносили эти величайшие имена. Иосиф Виссарионович часто рассказывал, как Ленин выслушивал его советы, вникал в исчерпывающие рекомендации, благодарил за новаторские идеи. В конце концов, стало неясно, чей авторитет выше – Ленина или Сталина? Вроде бы Ленин – основатель первого в мире рабоче-крестьянского государства, отец Октябрьской революции, великий творец! – но, позвольте, а кто же товарищ Сталин? Самый скромный, самый дальновидный, самый отзывчивый, обаятельный и эрудированный человек? Не менее человечный, чем Владимир Ильич?! Отец народов, вождь всех времен, гениальный руководитель, никем не превзойденный военный стратег, провидец – кто же тогда он?! Непонятно. На барельефах, украшающих административные здания, на знаменах, грамотах, государственных документах рядом с профилем Ленина, появился профиль Сталина. Сталинский профиль стоял впереди ленинского, был виднее, понятнее, а Ленин – как бы за ним, как бы сзади, а значит, и авторитета у Сталина больше, и сила сталинская во много раз крепче. Одиноким профилем Ленина уже нигде не отыскивался, теперь Ленин навсегда останется рядом со своим верным учеником и соратником, который, в конце концов, превзошел мудрого учителя. А разве это плохо? Это хорошо! Памятники Ильичу еще кое-где встречались, но их стало меньше сталинских, потому что без Сталина

люди уже не могли обходиться. Разбросанные по необъятной стране бронзовые, каменные и бетонные сталинские фигуры были высоки и могучи. Мурашки бегут по коже, когда смотришь на величественные постаменты. В Москве, на месте снесенного собора Христа Спасителя, планировали построить самое высокое в мире здание – Дворец Советов, которое венчала бы 150-метровая фигура Ленина, но Дворец Советов так и не начали строить, а вот Сталинские монументы множились, шагали по стране, они попали в Европу, их готовили для установки в далекой Азии. Может, не надо больше тиражировать бронзовые фигуры Ленина, зачем путать людей?

– Ста-лин! Ста-лин! – в исступлении ревела толпа, проходя демонстрацией по гранитной брусчатке Красной площади.

От мала до велика все говорили о Сталине, у каждого он был на устах. Сталин – это имя, Сталин – судьба огромной страны, история великой эпохи! Куда Ленину до Сталина, лежи себе в Мавзолее и помалкивай! Получалось, что Сталин перерос вдохновителя революции, вытеснил его, затмил.

Но Сталин умирал. На горизонте замаячил образ Георгия Максимилиановича Маленкова. Недаром он присматривался к полузабытому вождю революции, готовясь скопировать с него многое, да взять хотя бы простую ленинскую кепку! Не в пример Молотову и Берии, которые предпочитали фасонные шляпы, Георгий Максимилианович, подражая Ильичу, наденет фуражку. Станет носить в точности такую, какую имел Владимир Ильич, а все эти Молотовы, Берии, Булганины, Хрущевы пусть разгуливают в чем попало!

5 марта, четверг

Юрий Брежнев узнал, что отца сняли, из газеты. Он отшвырнул «Правду», нервно прошелся по комнате и в отчаянии завалился на диван. Послезавтра семья Леонида Ильича должна была переезжать из Кишинева в Москву – а теперь зачем ехать?!

– Ничего хорошего не будет! – сам себе объяснил раздавленный известием юноша: быть сыном Секретаря Центрального Комитета – одно, а обычным студентом – совсем другое.

Юрий учился в Днепропетровске, в Технологическом институте, в Молдавию к матери приезжал на каникулы, а последний раз навещал в Москве отца.

– Москва ни с чем не сравнимый, прекрасный город! – прошептал несчастный студент. Он мечтал поселиться в столице. – Теперь так и останусь сидеть в дыре!

Хрущев крепко спал, когда руки Нины Петровны взяли его за плечи и легонько потрясли.

– Никита, Никитушка, вставай!

– А?! Что?!

– Маленков звонит.

Не надевая тапки, а прямо, как есть, в пижаме и босиком Хрущев побежал к телефону. Вчера он был так измотан, что не пошел на прогулку, а выпив снотворного, завалился в постель.

– Ало! Слушаю!

– Умирает! – раздалось в трубке.

Последние два часа Сталин умирал. Он ловил ртом воздух, не мог надышаться, врачи беспомощно стояли вокруг. Лицо Сталина почернело, губы стали тонкие, синие. В какой-то момент несчастный открыл глаза и оглядел пространство безумным взглядом, а потом, подняв левую руку, погрозил ей, может, предупреждая о чем-то, может, угрожая, а может – прощаясь, после чего глаза его снова сделались невидящими, рука безвольно упала. У постели появилась медсестра и сделала укол. Иосиф Виссарионович дернулся, напрягся всем телом, потом часто-часто хрипло задышал. Стоящие вокруг посторонились, пропуская вперед Светлану, за ней протиснулся Маленков, за Маленковым выглядывали испуганные лица Хрущева и Булганина. Берия не подходил близко, он выбрал место у окна, где и оставался в окружении коменданта сталинской дачи и бывшего министра госбезопасности Игнатьева, который неотлучно следовал за Лаврентием Павловичем, надеясь на хорошее отношение.

Через минуту началась агония. Тело вождя тряслось, на лбу вздулись вены, он метался, как раненый зверь, пытался вырваться из мрачного плена. Чтобы больной не свалился на пол, два санитаря старательно придерживали его.

– Не помогает укол, – растерянно проговорил считавший пульс академик. Укол был последней надеждой вернуть Иосифа Виссарионовича к жизни.

Вождь замер на своем низеньком диване. Только сейчас стало видно, какой он маленький, рост Сталина был всего сто шестьдесят сантиметров, губы искусаны, неестественно фиолетовы. Он что-то шептал или так казалось. Генералиссимус глотнул ртом воздух – раз, другой, третий и перестал дышать.

– Скорее сюда! – прокричал академик, решаясь любой ценой восстановить дыхание.

Из соседней комнаты спешил здоровяк в белом халате. Этот огромный верзила, скорее силач, чем медработник, ну прямо медведь, всей своей внушительной массой обрушился на Сталина, безжалостно схватил и стал изо всех сил тискать, заламывать, со всей мочи трепать остывающее брненное тело, да так, что окружающим стало жутко. Варварскими действиями здоровяк пытался заставить сердце биться. Светлана тряслась, Валюша рыдала. Ни укол, на который надеялись светила науки, ни изуверские упражнения силача не помогали. Амбал обхватил Сталина сзади, пропустив руки под мышками и приподняв, с удвоенной силой сдавил груд-

ную клетку, голова генералиссимуса с всклокоченными редкими волосами неестественно дергалась, казалось, она, вот-вот отскочит от тела.

– Хватит, отпусти его! – удержал мучителя Хрущев и, обращаясь к академику попросил. – Бросьте это, пожалуйста, умер же человек, разве не видите? К жизни его не вернуть!

Тело Иосифа Виссарионовича бесчувственно покоилось на диване и остывало. Маленков чуть заметно повеселел.

– Отмучился! – произнес профессор Лукомский.

Светлана стояла белая, как лист бумаги, за все время она не проронила ни слезинки, не вымолвила ни звука.

Как только Сталин умер, Берия, не взглянув на прежнего господина, умчался в Москву.

– Надо бы вызвать на «ближнюю» членов Президиума, – предложил Хрущев и вопросительно посмотрел на председателя правительства.

Маленков пожал плечами – кто теперь сюда поедет? Зачем? Это было уже неважно. Сталина, отца народов, гения, пророка и вершителя человеческих судеб не существовало. Маленков монотонно расхаживал по комнате и явно хотел поскорей исчезнуть. Он тяготился этим местом, стремясь навсегда распрощаться с ним, забыть неприветливый дом, его непредсказуемого, подозрительного владельца. Георгий Максимилианович уселся напротив Хрущева. Со всех сторон раздавались всхлипы, рыдания обслуживающего персонала, который беспрепятственно подходил к покойнику. Хотя все форточки и даже некоторые окна распахнули и сквозняк чуть ли не гулким ветром гулял вокруг, создавалось впечатление, что в сталинском доме нечем дышать.

В комнату, где лежал покойник, набилось полным-полно народа – и охрана, и обслуга, и медработники. Люди толпились рядом с низеньким диваном. Мертвеца даже не прикрыли простынкой. Профессиональным движением Лукомский закрыл неприятно выпученные остеклевшие глаза.

Сталина уже не оберегали, не охраняли, не обмирали в его присутствии. Вокруг ходило множество незнакомых людей, кто-то искоса поглядывал на сидящую в стороне его худую, некрасивую дочь. Было интересно запомнить ее, Светлану, чтобы потом в подробностях рассказывать друзьям, соседям и знакомым содержание этого ужасного весеннего дня.

6 марта, пятница

Валерия Алексеевна Маленкова с важным видом сидела напротив Нины Петровны. Подруги пили чай.

– Теперь все будет по-новому, – важно рассказывала Валерия Алексеевна. – Многое после Сталина предстоит переиначить.

– Видать, время пришло, – отозвалась Хрущева. – Мой только и твердит, что надо в корне жизнь менять!

– В корне, Нина, ничего не поменяешь, не так просто!

– Мужья разберутся! – отмахнулась Нина Петровна.

– Нет, мой без меня не проживет, я его голова!

– Ты умная, ты ректор, а я – больше по хозяйству.

– Теперь мне придется на всех приемах бывать, по командировкам с ним ездить.

– Помогай, помогай!

– Придется из института уходить.

– Как так?

– А что? – вскинула брови Маленкова. – Институт я на первое место вывела, пойдешь, поищи такой!

Валерия Алексеевна основательно расстроила Московский энергетический – на Красноказарменной улице высились монументальные корпуса, дом для преподавателей, студенческое общежитие. Она приглашала на работу ведущих профессоров, словом, создала серьезнейшее учебное заведение. За целеустремленность, безапелляционность и резкость Берия прозвал ее «Жандарм в юбке».

– У меня не только студенты обучаются, у меня науку вперед двигают! – продолжала ректорша.

– Не представляю, как ты справляешься!

– Все, Нина, хватит! Учебный год доведу и – прощайте.

– Жалко. Мне удобно, что ты там ректором, знаю, что мой Сережа не беспризорник.

– Какой он беспризорник, он наш лучший ученик! О нем в МЭИ легенды ходят.

От гордости за сына Нина Петровна покраснела:

– Весь в отца! Переживаю я за детей!

– А кто не переживает? – Валерия Алексеевна насупилась. – У нас тоже сплошные нервы, волин бывший звонить наладился. «Как ты себя чувствуешь? – спрашивает. – Я по тебе скучаю!». А у Волечки уже муж другой! А тот звонит себе, ни стыда, ни совести! И все под предлогом с ребенком общаться. Игоречек его знать не хочет, дедуля ему отец! Дочь, дуреха, слушает, отвечает. Я однажды трубку выхватила и прямо закричала: «Чего звонишь?! Чего тебе надо?!» А он: «У меня сын растет! Если что, я в суд пойду!» Такого негодяя еще поискать! Наглый, дерзкий, делает вид, что до сих пор в Волечку влюблен! Я уже хотела Георгию пожаловаться, но тут Сталин умер. Теперь-то звонить бросит, испугается, ведь Георгий Максимилианович стал председателем правительства! – самозабвенно проговорила Валерия Алексеевна.

– А может, пусть позванивает, все-таки он отец?

– Твоей Иришке мать часто звонит? – недовольно нахмурилась Маленкова.

– Вообще не звонит.

– А стала бы названивать, да в дверь стучаться, посмотрела б на тебя!

– Я б ее на порог не пустила!

– Так вот!

– Иришка думает, что она наша с Никитой Сергеевичем дочка.

– И правильно думает, и не надо разубеждать!

- Леонид погиб, когда ей два годика было, а Любу в тюрьму забрали.
- У тебя с Иришей все ладненько, а этот нахал танком прет! Ну я ему задам! – пригрозила Маленкова. – Вы к нам в гости в воскресенье собираетесь?
- Так похороны сталинские!
- Позабыла совсем!
- Как похоронят, так и приедем.

Никиту Сергеевича назначили председателем Государственной похоронной комиссии, никто бы лучше не справился с организацией таких ответственных похорон. От военных Булганин прикомандировал к Хрущеву маршала Василевского, от госбезопасности прибыл генерал-полковник Серов, от Совета министров явились заместитель управляющего делами Смиртюков и небезызвестный референт Феоктистов, который занимался лишь двумя делами: похоронами и елками. В шутку его называли главным елководом страны. Это он лазил по сугробам и выбирал в окрестных лесах самые пушистые и нарядные деревья, чтобы на Новый год украшать ими Кремль, госдачи и квартиры руководства, ведь не может же, новогодняя елка у председателя Совета министров быть общипанная, неказистая?!

И в организации похорон цены Феоктистову не было. Спецморг и Новодевичье кладбище были целиком его вотчиной. Все ритуалы он знал наизусть: кто, где стоит; кто, когда, куда идет; кто за кем говорит; кому какой церемониал положен; в которой газете печатать некролог и кому его подписывать; и с местами на кладбище – это только к Феоктистову. Ясно, что на похоронах Сталина он оказался на вторых ролях, но даже у Сталина без его эрудиции не обошлось, по существу, Феоктистов, был здесь первым помощником. По утвержденному сценарию, который подготовил опять-таки Феоктистов, должны были происходить прощание и похороны. На этот раз все шло гладко, только вот никто не ожидал столь безумного наплыва народа, который с момента скорбного сообщения, прибывал и прибывал в город.

- Скорей бы с ним, с бесом, закончить! – в телефонном разговоре не сдержался Берия.
- Всему свое время! – заметил Никита Сергеевич. – Народа море, куда ни поеду, толпы.
- Я велел караулы усилить. Даже мертвый, черт, покоя не дает! – ругался Лаврентий Павлович.

Подготовка к скорбным мероприятиям шла полным ходом. Весь фасад Дома Союзов, где будет три дня проходить прощание, занял огромный сталинский портрет. В центре Колонного зала из массивного бруса сколотили постамент для гроба, который стянули мощными металлическими скобами. Теперь его драпировали пунцовым бархатом и алым шелком. Группа декораторов, привлеченная Феоктистовым из Театра оперетты, получила на складе необходимые ткани и трудилась, что называется, на износ.

По центру и по бокам Колонный зал украсило множество флагов. У изголовья гроба алые полотнища знамен были приспущены. Все мраморные колонны укрыли красно-черной материей. Огромные хрустальные люстры затянули крепом, отчего свет в зале сделался приглушенным, мягким. Пахло цветами и хвоей. Похоже, что все цветы государства в эти дни попали в Москву, в Дом Союзов. В помещение то и дело заносили венки: от Центрального Комитета, от Совета министров, от союзных республик, профсоюзов, комсомола, министерств и ведомств, от всех центральных учреждений и общественных организаций, от братских социалистических стран и коммунистических партий, от государств, чьи делегации официально прибывали на похороны. Венков было несметное множество, их расставили в тыльной части зала, по боковым стенам и у входа, часть отправляли на улицу и установили по ходу движения траурного потока, да и как было уместить венки в здании, если их подносили и подносили?! К двенадцати приехал хор и оркестр Большого театра, артистов разместили на сцене, они начали репетировать.

На обычном крытом грузовике в сопровождении лишь двух легковых машин привезли гроб с телом покойного. Гроб бережно сняли с грузовика, занесли в здание и, поддерживая со

всех сторон, водрузили на постамент, слегка наклонив вперед. Санитары кремлевской больницы, Егор и Саня, незаменимые гробовщики, аккуратно открыли крышку. Пока гроб заносили, все-таки ударились углом о ближнюю колонну и, поднимая, чересчур задрали наверх, да так, что заведующему спецморгом пришлось поправлять окоченелое тело. Подсобили те же незатейливые ребята – Егор и Саня. Они совершенно не стеснялись покойника, ловко выправили голову, подоткнули и разгладили подушку, да и туловище, которое при транспортировке пошатнулось, определили, как положено. Цены им не было, этим замечательным гробовщикам! После них уже сам завморгом, отдуваясь, взобрался повыше и стал подмазывать генералиссимусу лицо.

– Ста-лин! – любовно протянул Саня, ковыряя в носу пальцем, – вот и нету его, отца родного!

Григорий неловко слез вниз, и тут же по приказу Феоктистова гроб обложили цветами, пунцовыми гвоздиками и красными, точно свежая кровь, розами.

Никита Сергеевич старался ничего не упустить, Феоктистов неизменно следовал за ним. Они еще раз прошлись по залу, зашли с тыльной стороны постамента. Хрущев пытался качать тяжелую конструкцию, но она даже не шелохнулась. Убедившись в надежности помоста, Никита Сергеевич отошел в центр зала и оттуда уставился на покойника. Никогда уже он не тыкнет, не взглянет по-змеиному своими азиатскими глазами, не ухмыльнется, не скажет на украинский лад: Микита!

– А где ордена? – вдруг сообразил Хрущев, разглядев у подножья ряд ровненько выложенных атласных подушечек, предназначенных для наград.

– Забыли! – растерянно проговорил Феоктистов.

Секретарь ЦК выругался.

– Вы что, рехнулись? Быстро за орденами, скоро прощание начнется!

Перекрывая все голоса, грянул оркестр. Хор запел, кто-то громко заплакал, кто-то высморкался.

– Пусть тише поют, ведь похороны, – указал председатель похоронной комиссии.

Хрущева пригласили к телефону.

– Как у вас? – звонил Маленков.

– По плану.

– Мы к шестнадцати будем.

Прощание со Сталиным начиналось в шестнадцать часов.

– Не беспокойся, Егор, я на месте.

– Спасибо тебе, – поблагодарил председатель Совета министров и добавил. – Надо Иосифа поскорей в последний путь отправить.

– Отправим, не переживай. Господь его уже прибрал, ты понапрасну волнуешься. А ритуал соблюсти обязаны.

– Ритуал! – вздохнул Маленков.

С обеих сторон у постамента встали по четыре солдата в фуражках с боевым оружием на плече. У каждого солдата на левой руке была траурная повязка. Солдаты застыли как вкопанные. В седьмой подсобке, отданной военному караулу, наряд сотрудников МГБ загодя осмотрел карабины. В каждом предусмотрительно не действовал затвор, чтобы ружье не могло стрелять. Оно и правильно, безопасность прежде всего! Только проверенные, самые надежные работники допускались на подобные мероприятия, имея при себе боевое оружие.

Москву заплотнили военные, сотрудники Министерства внутренних дел и государственной безопасности. Милиция пешая, конная, особенно конная, ведь всаднику легче управлять движением масс, стояла на каждом шагу. В центре города развернули два кольца оцепления, не считая перегороженных грузовиками улиц, куда не допускали случайных людей. Проход тут был разрешен по специальным пропускам. Красные пропуска выдавали иностранным дипло-

матам, за которыми даже в такое нелегкое время нужен был глаз да глаз. Зеленые – гостевые, раздали работникам ЦК, Совета министров, депутатам, номенклатуре по утвержденному списку. Оранжевые получили члены почетного караула. Почетный караул должен был выстраиваться возле гроба усопшего, по восемь человек с каждой стороны. Любопытно, что иностранные гости разворачивались к гробу лицом, а советские граждане – наоборот, поворачивались к гробу спиной. Стояли в почетном карауле неимоверно долго – целые три минуты. Существовали еще и белые карточки для прохода, они предназначались техперсоналу: музыкантам, артистам, врачам, и так далее. С голубыми пропусками вышагивали сотрудники спецохраны, с синими бегали журналисты.

«Сталин умер! Сталина нет!» – рыдала Москва.

С самого утра потянулись в столицу тысячи людей, десятки, сотни тысяч. Люди шли и шли. Отовсюду: из Рязани, из Калуги, из Владимира, Ленинграда, Саратова, Калининграда, Вологды, Архангельска, Сталино, Киева, Минска, Самарканда, Тбилиси, Еревана, Молотова, Пятигорска, из малых и больших городов, поселков, деревень. Никто не смог удержать людей на месте. Мужчины и женщины, старики и старухи, дети и подростки, юноши и девушки выли от скорби, от потери самого любимого, самого близкого, самого родного человека. Никто не находил себе места, все хотели в последний раз посмотреть на вождя, проводить в последний путь.

Умер отец народов! Умер, ушел! Осиротела страна! Как будем жить без Сталина, что делать?! На поезде, на автобусе, на грузовике, на попутной подводе, пешком, выбиваясь из сил, падая на колючий мартовский снег, рыдая, осиротевшие заплаканные люди прорывались в столицу. Только бы добраться, только бы успеть, только бы взглянуть на милого, ненаглядного человека, который всего себя, без остатка отдавал Родине, и вот – отдал. Кончился товарищ Сталин. Прощай, любимый Иосиф Виссарионович! Прощай, наш драгоценный человек!

Со Сталиным разгромили фашизм, с его именем поднимались из окопов в атаку, и кривились рты бойцов от грозного возгласа: «За Родину! За Сталина!» И падали на землю красноармейцы, отдавая за него жизни. Что же будет теперь? Как жить?

Человеческие ручейки сливались в потоки, реки, в огромную неуправляемую, объятую безмерным горем толпу. И выла, редела толпа и шевелилась, накрывая заплаканный город, захватывая улицы, проспекты, перекрывая бульвары, угрюмо подползая к Красной площади, к Кремлю, устремляясь ближе и ближе к сердцу всеобщей печали – к Дому Советов, где лежало его брненное, облаченное в парадный мундир тело, чтобы отдать последний долг, бросить последний взгляд, вознести последнюю молитву тому, кто столько лет управлял ими. Человеческое море, скованное непередаваемым ужасом потери, страхом, горячими слезами, истерикой, разливалось по притихшей Москве и клекотало.

Накануне состоялось решение Президиума ЦК, где говорилось, что товарища Сталина надлежит забальзамировать и, как отца революции Владимира Ильича Ленина, навечно положить в Мавзолее на Красной площади, для чего следовало соорудить в Мавзолее Ленина новый стеклянный саркофаг. Это ответственное дело поручили известному стеклодуву Никанору Курочкину, именно он делал первый ленинский колпак, а в 1937 отлил из небьющегося рубинового стекла массивные кремлевские звезды. Доступ в Мавзолей, который с этих пор получил имя Ленина – Сталина, будет открыт ежедневно, с двенадцати до шестнадцати часов. Вход в Мавзолей со стороны Красной площади свободный, каждый гражданин или гость столицы сможет прийти сюда и преклонить голову перед вождями. Во многих письмах трудящихся, адресованных Центральному Комитету, говорилось, что хорошо бы всех прибывающих в столицу в обязательном порядке привозить на Красную площадь, в Мавзолей Ленина-Сталина, почтить память самых выдающихся людей. И может быть стоило так поступить? Товарищ Молотов прямо настаивал на подобном церемониале.

– Мы выделим специальные автобусы, которые будут подбирать прибывающих в столицу на вокзалах и привозить на Красную площадь. Это будет идеологически верный ход. Такими действиями мы усилим любовь населения к партии, к Советскому государству, – убеждал Вячеслав Михайлович. С большим трудом удалось его разубедить.

Опыт в деле бальзамирования в Советском Союзе был основательный. Двенадцать человек вот уже без малого тридцать лет следили за телом Владимира Ильича, регулярно проводили положенные мероприятия, чистили, закрепляли, лакировали «шкатулку». Между собой ленинскую мумию медработники называли «шкатулка» – внутри-то там ничего не осталось, давным-давно все было изъято патологоанатомами. Самые важные органы определили на соответствующее хранение. Попали на хранение мозг, сердце, печень, легкие, желудок, почки, селезенка и кое-что другое. Теперь сотрудникам лаборатории предстояло подготовить к демонстрации вторую «шкатулку», а именно – товарища Сталина. Называлось учреждение по обслуживанию нетленного тела Научной лабораторией № 1 Академии медицинских наук.

Сразу после вскрытия Сталина тщательно натерли консервантами, закачали внутрь формалин, подсушили, потом одели, подкрасили и положили во гроб. В специально предусмотренную нишу предполагалось засыпать лед. Для этого сбоку гроба сделали специальные окошки – а то как же покойник пролежит три дня на свежем воздухе, не портясь? Вот и устроили из гроба холодильник. И еще Феокистов додумался, чтобы лед под Сталиным быстро не таял и мертвец не подмок, разместить на полу продолговатые ящики со снегом и сосульками. Предназначалось это для поддержания под постаментом стабильного холода. Но лед и снег неизбежно таяли, и уборщица Клава своевременно подтирала лужи, чтобы талая вода, не дай бог, не вытекла под ноги товарища Маленкова, который в первой восьмерке должен был встать в прощальный почетный караул.

Никита Сергеевич зашел в Мавзолей со стороны Красной площади. Тут уже разметили место, где установят второй саркофаг, который был заказан на стекольном заводе в городе Гусь-Хрустальный. Инженеры размышляли, как лучше развернуть Ильича, чтобы двоим гениям здесь стало удобно. Ленин лежал, покорно сложив руки, никак не реагируя на суету вокруг. «Ленин, Ленин! Наш Владимир Ильич! Основатель большевистской партии, основатель Советского государства! – думал Никита Сергеевич. – Видел бы ты нас сейчас, товарищ Ленин, что бы ты сказал, похвалил или побил?»

Под прозрачным колпаком, в ровном свете электрических ламп, Ильич покоился величественный, печальный, нереальный человек, но если выключить эти яркие лампы, приглушить грустную музыку и присмотреться – маленький, жалкий. Он не был похож ни на живого, ни на спящего, не походил и на мертвеца. Голова с закрытыми глазами идеально ровно покоилась на подушке, кожа под слабым искусственным освещением была не бледная, но и не розовая, а непонятно какая, точно портфельная кожа; полубезжизненное, без кровинки лицо, аккуратно причесанные короткие волосы, борода, усики; если присмотреться – алебастровые, а издали – будто живые губы; черный отглаженный костюм, покойно сложенные на груди руки.

– Владимир Ильич! – прошептал Хрущев, склонив голову. – Царство тебе вечное! – и, бросив последний взгляд на застывшего в хрустальном полушарье Ленина, вышел из гранитного Мавзолея.

7 марта, суббота

У учительницы катились по щекам слезы.

– Мы должны проводить товарища Сталина в последний путь! – заикаясь от горя, выговорила она. – Отдать свой долг! – Учительница захлебнулась в слезах.

Многие девочки, ученицы 10-го класса Барвихинской сельской школы тоже плакали.

– На прощание поедут только отличники, – сбивчиво продолжала классная руководительница. – Залетаева! – обратилась она к старосте. – Ты будешь старшей. В час сорок все должны стоять на остановке.

Аня Залетаева тоже плакала, ей было жалко Сталина. На школе и в каждой классной комнате висел траурный портрет.

– Так нечестно, – тихо сказала она, впервые осмелившись перечить учительнице. – Проводить товарища Сталина в последний путь все хотят, не только отличники!

– Да! Да! – загалдели ребята и обступили учительницу.

– Хорошо, всех возьмем! – глотая слезы, согласилась она.

– И Ваня Трофимов поедет, – добавила анина соседка с большой русой косой. – Он поправился и завтра в школу собирался.

Ваня Трофимов был образцовым комсомольцем, два с лишним месяца он болел коклюшем, но в комитете комсомола переизбрать секретаря не думали, Иван пользовался огромным авторитетом у ребят: справедливый, решительный.

– Если здоров, пусть идет, – согласился педагог.

– Как же мы будем без товарища Сталина! – всхлипнула румяная Нина.

– Не знаю! – выдавила учительница.

Снег был колючий, резкий, нещадно мело второй день.

– Скоро отпустят нас, – глядя на дикие порывы пурги, проговорила Марфа. – Домой поедем.

– Домой? – поднял глаза немощный старичок.

– Да. В родные места.

– Приснилось, что ль? – тяжело вздохнул старичок. – Нет отсюда хода домой, деточка! Один ход отсюда – туда! – и он поднял глаза к небу, где неистово лютовал цепкий мартовский снег.

Марфа ничего не ответила, а только счастливо заулыбалась. Глядя на нее, стал улыбаться и щупленький старикашка.

– И вправду домой собралась! – хихикая, выдохнул он, теперь ни секунды не сомневаясь в правдивости ее слов.

В словах ее нельзя было усомниться, то, что говорила Марфуша – вершилось неизбежно. Выдавала она все так же просто, как и сейчас, на одном дыханье. И сыну своему, священнику, которого в письмах дедушка предусмотрительно именовал товарищем Василием и плотником, дабы энкэвэдэшное начальство письма не заворачивало, он умудрялся рассказывать о пророчествах совсем плохогодящей и почти ничего не видящей узницы. Хранил ее от неминуемой лагерной гибели, истинно – Божий дар! Помогала она всем и каждому, и не только добрым словом утешала, но и самые лютые болезни от немощных тел изгоняла, ставила на ноги святою своею молитвою. Другую бы за частые поминания Господа давным-давно вынесли вперед ногами, а ее – нет! Марфа столько народа в лагере перелечила, да чего там перелечила, по сути – спасла, что и само лагерное начальство стало прибегать к ее помощи. А когда она подняла с постели полумертвое дитя – шестилетнюю девочку лагерного хозяина, трогать ее вовсе перестали, определив при медчасти. И даже «безмозглые» выходки, когда она брала в руки

палочку и повсюду чертила ей, – будь то на земле или на снегу, православные кресты, даже такое сходило ей с рук. И когда в очередной раз политрук доложил о вопиющем поступке: у столовой все сугробы были украшены крестами, начальник определил выходку целительницы одним словом: «Дура!» Политрук никогда не болел, поэтому имел на марфины «монашеские замашки» особый прицел, но идти наперекор самому начальнику колонии не решился.

«Чокнутую не трожь, она безвредная, сама не понимает, что делает! – назидательно сказал тот. – А сугробы растают!»

Именно при медчасти и существовал дряхлый, маленький, семидесятипятилетний Иван Прокопьевич, человек глубоко верующий, но ретиво скрывающий, что верует в Бога и, мало того, имеет сына священника, с кем ведет переписку. Провизору, пусть и опытному, коим он являлся, такого бы греха на поселении не простили. Иван Прокопович и стал заботиться о чудной, малограмотной и очень больной женщине, с виду напоминающей подростка.

– Птицы черные разлетелись, всполошились, похоже, солнышко блеснет! – глядя в беспросветное небо, где ничего кроме снега не было, продолжала Марфа.

– Блеснет, блеснет! – отозвался Иван Прокопович.

– Вижу я совсем плохо, слепну, – сказала она. – Но такие картины не прогляжу!

– С чего бы то ты слепла, молода еще! – замахал руками седой провизор.

– Молодая, а точно старая, точно сто лет прожила! – приложила руку к груди Марфуша.

– Не скажи, не ослепнешь!

– Бог у меня глазки забирает.

– Как же Бог?! Бог добрый!

– Чтобы сердцем видела. Когда глаза смотрят, сердцем не особо что разглядишь.

Дверь резко распахнулась. В комнате показалось лицо взволнованного фельдшера.

– По радио сказали: Сталин умер! – почти шепотом произнес он.

– Сталин? – переспросил провизор. – Умер?!

– Умер! – кивал фельдшер.

На глаза старичка навернулись слезы, слезы то ли сочувствия, то ли радости, то ли возникли они от трагического известия, что человек из жизни ушел, в лагере часто смерти случались, и всех уходивших в мир иной оплакивали, провожали. Фельдшер тоже заплакал, зарыдал.

– Не примет его земля, – проговорила Марфа. – Бог к себе не возьмет!

Фельдшер уже скрылся, громко хлопнув дверью, побежал разносить страшную весть дальше.

– Шесть лет душа его будет по белу свету скитаться, и тенью черной людей пугать!

– Про кого говоришь, Марфушка?

– Про него, – подняла руку пророчица, – про демона!

8 марта, воскресенье

К станции в Одинцово дети Барвихинской школы приехали в набитом до отказа автобусе. Купив билет до Москвы, чудом втиснулись в поезд, где только и было разговоров о Сталине, о том, на кого же он всех покинул. В поезде – теснотища. Непонятно откуда взявшийся морячок, изловчившись, открыл грязное оконце (ведь окна в вагонах обычно не открывались) и свежий воздух одурманил пассажиров, многие косились на окошко, тянулись к нему. Никто тогда не думал об опасности, никто не предполагал, чем может обернуться этот угрюмый поход.

Шагая московскими улицами, под низким нахмуренным небом, не было в глазах радости, не осталось в сердцах надежды – непреодолимое горе разливалось вокруг. В вязкой кромешности, в удушливой скорби увязало все живое, и неумолимо раскручивалась спираль мертвого колеса, которое, как смерч, выло и летело над городом.

В восемнадцать часов доступ к телу закроется. Толпа стала еще больше, еще злее. Улицы разграничили поставленные поперек тяжелые грузовики. С помощью грузовиков и военных кордонов хотели справиться с лавиной, направить народ по заданному маршруту. Но с каждым часом людской поток становился менее управляемым, жестким. Толпа прибывала. Люди шли отовсюду, лезли из каждой щели, пробирались дворами, подъездами, крышами домов, подбираясь ближе и ближе к заветному месту. Человеческую массу спрессовывали тысячи вновь прибывших. Толпа окаменевала, внутри уже не получалось спокойно дышать, так вдруг сделалось тесно! Эту безумную, пока еще шевелящуюся громаду запечатали, точно консервы в металлической банке, бастионы каменных улиц, железные борта недвижимых военных машин. Своими податливыми телами люди врезались в попадавшиеся на пути препятствия и – давили, давили! – в конце концов, опрокидывая заслоны. Лавина клокотала и катилась дальше. Тысячами человеческих тел неудержимый шквал сокрушал преграды.

Толпа!

В ее гуще можно поджать ноги и не упасть. Она, как удав, намертво стиснув жертву, сама несла человека. Пленников оказалось тысячи тысяч – ни сбежать, ни улизнуть из цепких объятий! Дышать сделалось трудно, точно водолазу на глубине. Кто оказался ниже ростом, пропадал раньше – оперевшись в спину впереди стоящего, зажатый со всех сторон, начинал задыхаться. Воздух безысходно кончался, и тогда, корчась в конвульсиях, побледневший, испускающий дух человек медленно съезжал вниз, под ноги, и уже пропадал навсегда. А если уж упал человек – ему не подняться, затопчут, додают, пройдут по туловищу, по рукам, по лицу, прошагают крепкими подошвами со стальными набойками миллионы упрямых ног, и долго будут топтать и топтать, подгоняемые немислимим горем, устремляясь к нему, родному отцу, размазывая в прах все, что оказалось лежащим.

Толпа без разбора душила 10-б класс, девочек, мальчиков. Учительница, хилая низкорослая женщина в сером некрасивом платке и похожем на бесформенный балахон пальто, потянулась за спинами рослых мужчин и остервенелых женщин, рвущихся к гробу со Сталиным. Ее оттеснили от класса, отбросили, пихнули сначала вперед, потом назад, потом – она оступилась... и больше не увидела неба, толпа сомкнулась над ней, лишая зрения, лишая надежды, выдавливая из сердца последние капельки жизни.

У Ани тряслись руки. Безуспешно пыталась кричать идущая рядом с Аней подружка, ее сдавили так, что сердце должно было остановиться! Ваня Трофимов, стоящий за ней, нечеловечески посинел, придавленный соседями, которые инстинктивно искали простора и воздуха и еще сильнее наседали. Измученное страданием лицо комсорга перекосилось, а очки, которые на уроках часто спадали с носа, переломились – теперь им некуда было падать – пространство вокруг опрокинулось, спрессовалось. Люди пропадали, не успев сделать спасительный вздох, задохнувшись в безвоздушной утробе скорби.

Кто оказался сбоку, смог выскочить: втиснуться в приоткрытую дверь, нырнуть в кривое, полуподвальное окошко, чудом вырваться из потока, пробравшись меж колес громоздких военных машин. Раскручиваясь, черный смерч уносил на тот свет невинные человеческие души.

Сколько же сердец погубили в тот скорбный день сапоги и ботинки, вышагивая по бесснежным булыжным дорогам, по бездыханным раздавленным телам? Сколько же сердец обрывалось в этом кошмарном душевороте? Скольких же утанул за собой в могилу вождь и учитель?!

– Умер, умер! – выли женщины. Утирали скупые слезы старики, всхлипывали малые дети и в ужасе просились к матерям на руки.

– Умер! – дрожали истеричные голоса, а люди в толпе продолжали падать и исчезать под слепо марширующими ногами.

– Нету! – сотрясалась в конвульсиях по великому Сталину рыженькая студентка, не зная, что толпа задавила ее восьмилетнего братика и растерзала, превратив в кровавое месиво, Зою Георгиевну, худенькую милую соседку.

Из динамиков, выставленных на улице, звучала заунывная музыка, и народ мер под ее трагическими аккордами, исчезал, проваливаясь в немые воронки смерти, устремляясь за своим страшным отцом, беспощадным демоном, суровым повелителем мира!

Траурные процессии не кончались, люди все шли и шли, и город сделался проклятым и несчастным.

Это не люди прощались со Сталиным, это он, Великий и Ужасный, прощался с ними, со всей своей бескрайней, голодной, измученной, запутанной, запуганной, разоренной, ослепшей от несчастий страной, со своей верной челядью, отравленной смердящим дыханием дракона.

Люди еще долго будут помнить о Сталине, долго не смогут позабыть его крепкое металлическое имя – Ста-лин!

Никогда не забудут.

Вернувшись домой, Аня долго редела, ругала себя за то, что сказала учительнице: «Прощаться со Сталиным хотят все!». Если бы в Москву поехали лишь отличники, не погибли бы Оля, Наташа, Алексей, Ванечка и громкоголосая, никогда не унывающая Тоня, весело и сердечно улыбалась бы при встрече. Все они были бы живы – а теперь?!

– Я отправила ребят на смерть! – всхлипывала староста класса. – Что сказать родителям? Как теперь жить?!

Сергей Хрущев порывался идти со студентами в Дом Союзов. Мать еле его удержала, говорила, что в центре Москвы стоят многочасовые очереди; что пускают в Колонный зал перво-наперво иностранцев из братских Коммунистических партий, а советских граждан по спискам от районов и областей, обещала, что отец приедет и по-скорому проведет. Каждую минуту переживала – не ушел ли? Сердце подсказывало, что такой поход добром не окончится. За эти три дня в конце извелась.

– Шестьсот человек насмерть задавило, а уж покалечено сколько, больницы переполнены! – поведал жене Никита Сергеевич.

– Из сережкиной группы паренек погиб, – приложив руки к груди, прошептала Нина Петровна.

– Мрак! – содрогнулся Никита Сергеевич. Второй смерти он бы не вынес. Первого сына, Леонида, не стало в сорок втором, и смерть эта оставила на сердце неизгладимый след.

– Сережа на меня обижается, – проговорила жена.

– Хорошо, что не пустила! Пускай обижается – подуется и забудет! – Хрущев нежно поцеловал жену. – Ты мое солнышко!

9 марта, понедельник

В ночь на Мавзолей установили огромную гранитную плиту с величественной надписью: ЛЕНИН – СТАЛИН.

Похороны начались в десять утра. Под звуки печальной музыки из Колонного зала Дома Союзов генералы вынесли гроб, накрытый красным знаменем. Гроб установили на лафете пушки, а потом медленно, со скоростью неторопливого шага, пара белоснежных, с длинными гривами коней повезла лафет с телом генералиссимуса на Красную площадь. За лафетом медленно шли члены Президиума Центрального Комитета и родные покойного.

Как только катафалк двинулся, всю окрестность огласил неудержный плач. Скорее это был вой, сотни голосов взывали, завывали, оплакивая усопшего, чуть утихали и вновь рвались в воздух истошные вопли.

– Миленький, миленький, миленький, миленький! Верните, верните, верните, верните! А-а-а-а-а-а-а!!! – на все лады надрывались голоса.

– Заголосили! – поморщился Маленков.

– Семьсот плакальщиц привезли, – объяснил Берия. – Когда грузин умирает, без плакальщиц нельзя.

Женщины истерили до умопомрачения.

– Чем человек богаче, тем громче на его похоронах вой. Они за это хорошие деньги получают. Мы весь Тбилиси шерстили. Плакальщица – это такой же уважаемый человек, как тамада!

– Рыдают крепко! – заметил Никита Сергеевич.

– Пусть повоюют, чтобы он услышал! – ткнув рукой в сторону катафалка, выговорил Берия. А были по Сталину жутко, до содрогания, так были, что человек мог умом двинуться.

– Тан-тин-та-та-та тарира-там-та-дам! – скорбно вступил оркестр.

– Умер наш отец, наш кормилец! – стонали истошные голоса.

На Красной площади траурная колонна остановилась. По обе стороны в почетном карауле выстроились военные. Мимо генералов, адмиралов и маршалов гроб должны занести в Мавзолей.

– В последний путь! – не смог сдержать возглас Главный маршал авиации Голованов.

Гроб приподняли с лафета, принимая на руки. Берия и Маленков, первыми из членов Президиума, каждый со своей стороны, подставили плечи. Им можно было не опасаться тяжести, крепкие, специально отобранные офицеры из управления кремлевской охраны независимо ни от чего удержат ношу на весу. За Маленковым и Берией к гробу пристроились Молотов, Каганович, Булганин, Хрущев, Микоян и Ворошилов, они стояли поочередно, между силачами-военными, придерживая тяжесть руками в теплых перчатках. Члены Президиума застыли в ожидании команды нести покойника дальше. Было холодно, но все, кроме военно-служащих, стояли без шапок.

И вот Сталин поплыл над сотысячной толпой. Отлакированный до глянца гроб плавно достиг Мавзолея. Члены Президиума отняли замерзшие руки – дальше уже другие справятся, определят, куда его девать, а сами устремились вверх, на гранитную трибуну, чтобы поскорее обратиться к народу, произнести последние трогательные слова. Офицеры с глухим звуком опустили ношу на каменный пол.

И вот они на Мавзолее: Берия, Маленков, Молотов, Хрущев, Булганин, Ворошилов, Каганович, Микоян, заместители председателя правительства, Секретари Центрального Комитета, крупные военачальники, передовики производства.

Первым, как председатель похоронной комиссии, говорил Хрущев. Потом слово принял Георгий Максимилианович Маленков, который зачитал короткую речь. За ним высту-

пили Молотов, Берия, рабочий передовик Пригожин, учительница Иванова, колхозник-грузин Панадзе. Речи у всех оказались недолгие, похожие одна на другую. Ораторы клялись продолжать великое дело Сталина, обещали не подвести, быть еще строже, еще сплоченнее, еще бдительнее, клялись в верности социалистическим идеалам и Коммунистической партии. Несколько раз в речах упоминалось имя Владимира Ильича Ленина, чего не случалось уже многие годы.

Митинг быстро закончился. Члены Президиума расцеловали высохшую за эти трагические дни Светланку, пожали нетвердую руку мало вменяемому генералу Василию Сталину, который под действием алкоголя и успокоительного с трудом держался на ногах, и – свобода! Свобода!!!

– Отмучились! – ухмыльнулся Каганович, сплюнув на булыжную мостовую Красной площади.

Чего она только не перевидала на своем веку, эта площадь: и парады, и гулянья, и фейерверки, и смертоубийственные драки, и мятежи, и казни, а торжественных похорон сколько? Как похоронят кого, так на другой день и позабудут, точно и не было на свете усопшего героя. Вот разве что Ленин Владимир Ильич, благодаря заботам товарища Сталина, подольше в памяти людской задержался, а теперь и сам Сталин почил. Кому же он своей памятью будет обязан? И будет ли?

– Все! – покинув Мавзолей, выдохнул Анастас Иванович Микоян. Он один так и оставался без шапки, хотя остальные, чтобы не простудиться, давно нацепили теплые головные уборы.

– Кончилось! – расправляя на груди пушистый мохеровый шарф, вздохнул розовый от перенапряжения Маленков.

– Что кончилось?! – весело отозвался Берия и хлопнул приятеля по плечу. – Что, Максимыч? Все только начинается! – и он с азартом отфутболил к кремлевскому колумбарию еловую шишку, попавшую под ноги.

Удар получился знатный, шишка с силой ударилась о кирпичную кладку и развалилась на мелкие кусочки.

– Футбол! – воскликнул Лаврентий Павлович, и подобрав для удобства брючины, оказался у следующей шишки. – Лазарь, тебе пас!

Лаврентий Павлович, замахнулся, чтобы совершить мощный прострел. Каганович, чуть присел, готовый принять, лицо его азартно сияло. Булганин, сорвался с места, подскочил к вратарю и встал на подхвате.

Охранники, стоящие в сторонке, участливо улыбались.

– Хватит чудить! – остановил весельчаков Молотов.

– Не дает играть! – напоследок вдарив по шишке, отозвался Берия. – С днем рожденья тебя, Вячеслав Михайлович! С похоронами чуть про твой праздник не позабыли!

– Вот ведь как совпало – в мой день рожденья Сталина хороним! – проговорил Молотов.

– Ну что, Егор, едем именины праздновать?

– Нет, Лаврентий, я не пью, вот где у меня эта выпивка! – показал под горло Георгий Максимилианович.

– А мы с Булганиным напьемся! – игриво продолжал Лаврентий Павлович. – И за твое здоровье, между прочим, пить будем!

– Пейте, сколько хотите, а я домой. Отлежусь, надо в себя прийти. Сердечно поздравляю, Вячеслав Михайлович!

– Спасибо! – отозвался Молотов. Щеки его порозовели, и весь он выглядел как начищенная медаль.

– Упокоился, слава Богу! – взглянув на Мавзолей, выдавил Маленков и в сопровождении Ворошилова и Кагановича двинулся к машине.

А гроб с телом усопшего вождя, примостившись у дальней стены склепа, так и остался стоять на полу с закрытой наглухо крышкой. Придет час, появятся санитары из Лаборатории № 1 и увезут мертвеца с собой – ведь неизвестно, сколько времени в Гусь-Хрустальном будут лить стеклянный купол и сколько времени уйдет на реконструкцию зала-усыпальницы. Под присмотром лаборантов покойник сохранней будет. Доступ в Мавзолей откроют с первого мая, а пока из Сталина Иосифа Виссарионовича изготовят выставочный экспонат или, выражаясь языком научных сотрудников, – «шкатулку». Так что покатается еще товарищ Сталин по Москве-матушке, попугает ворон.

10 марта, вторник

Эти похороны были угрюмые и малолюдные, лишь родственники собрались на кладбище и еще пришли учителя из школы, от Барвихинского сельсовета никого не прислали. Советская власть выдала на поминки по сто рублей на покойника. Сельсовет помог с гробами и материей, которой отесанные на скорую руку деревянные ящики для усопших украшались. Ребята и девочки смотрелись в гробах нелепо, как-то не по-человечески.

– Жить бы им да жить! – промямлил потрясенный смертью учеников директор сельской школы. – Все молодые, красивые! – сглатывал слезы он.

И действительно, лежали дети в гробах как живые, лишь Ваню Трофимова хоронили с закрытой крышкой, от легочной болезни он не просто стал синим, а сделался совершенно неузнаваемым, почернел, опух. Классная руководительница лежала в отбитом белым ситцем гробу, с виду смертью совсем не тронутая, казалось, сейчас откроет глаза и начнет поучать. Хорошая она была женщина, не стервозная, преподаватель математики.

Анюта Залетаева стояла в первом ряду и плакала, после того трагического дня она никак не могла успокоиться, так и считала себя виноватой в смерти одноклассников.

Никто не сказал прощальных слов, да и что говорить? Родители усопших напоминали тени, замерли, ничего не понимая, ни на что не реагируя.

В стельку пьяный Олин отец надрывно закричал:

– Проклятый Сталин!

Его тут же подхватили и увели в сторону, где дали еще выпить, и еще, и еще, и он уже не кричал, и даже ничего не говорил, а тупо глядел перед собой остекленевшим взглядом и плакал.

– Начинайте! – выдохнул школьный директор и покосился на ближний гроб, в котором лежала Тонечка. Тоня была живая девочка, всегда смешливая, задорная. Колокольчиком звала ее мама.

Деревянные крышки водрузили на покойников, прибили, сильные руки подхватили печальную ношу и понесли к черным дырам могил. Кругом плакали.

– Ванечка, Ванечка! Откройте! Я хочу посмотреть на сына! – завопила за ночь поседевшая мать Вани Трофимова и бросилась наперерез к процессии. Ее пытались остановить, отвести в сторону, утешить. Но разве утетишь человека, тем более родную мать, когда разрывается сердце? Несчастней других родитель, переживший собственного ребенка. Гроб с Ваней поставили на землю, открыли.

– Это не он, не он! – голосила несчастная мать. – Где мой мальчик, отдайте!

Покачиваясь на толстых веревках, один за другим пропадали в безымянности подземелья человеческие останки, а люди, продолжая скулить и всхлипывать, подбирались ближе к покатым ямам, чтобы бросить на гроб пригоршню сырой земли, бормоча что-то душевное и бесконечно доброе. Исполнив последний обряд, бережно поддерживая друг друга, живые уходили с погоста, для того чтобы снова и снова возвращаться сюда, и баюкать в кромешной тьме безмолвия своих дорогих и любимых деток.

Кладбище опустело, и лишь еловые ветки, сложенные домиком на каждой могилке, чуть шевелились от скорых порывов ветров. Умопомрачительно пели птицы, чирикали, пищали на все голоса. Ни к чему была их весенняя радость, совершенно некстати. Снега, которые полторы недели без остановки сыпались на землю, устали, остановились. В лютой зиме что-то сломалось, холода отступили, и ветер, вчера еще злой, пронизывающий, до исступления леденящий, оступился и сник, словно сочувствуя несчастным, лежащим рядом на крохотном сельском кладбище.

Над церковью ударил колокол, грустно, надрывно: Б-у-у-у-м!

Потом второй раз: Б-у-у-у-м! Третий, четвертый – б-у-у-у-м, б-у-у-у-м, б-у-у-у-м!

Кладбище тонуло в сиреновой дымке оттепели, а слезы текли по щекам и не хотели останавливаться.

11 марта, среда

В один пакет буфетчица Нюра положила батон докторской колбасы, полкило российского сыра, вырезку и килограмм молочных сосисок. В другой, бережно обернув, поставила две бутылки дефицитной «Столичной». Предназначалось это Андрею Ивановичу. Спецбуфет располагался в закутке на первом этаже Московского городского комитета партии и имел дополнительный вход с улицы. Туда-то на закрытом пикапе заруливал Тимофей, и самолично тягал ящики с продуктами. Не каждый руководитель имел право получать здесь паек, недавно переименованный в продуктовый заказ, но каждый в здании на Тверской, а ныне улице Горького, знал о его существовании. Букин не был приписан к буфету, он его курировал, не сам буфет, а его работников. Шел четвертый год, как Андрей Иванович был прикрепленным у Хрущева, поэтому весь штат горкома негласно попадал под контроль офицера госбезопасности.

Буфетчица Нюра посмотрела на стену, где по центру висел Сталинский портрет в черной траурной рамке:

– Иосиф Виссарионович, товарищ Сталин! – прошептала она, содрогнувшись в беззвучных рыданиях.

В дверь громко постучали. Нюра вытерла заплаканные глаза и поспешила открывать. В комнату влетел Букин.

– Бутерброды и чай! – скомандовал он. – Живей, Нюра, живей! Товарищ Берия и товарищ Булганин приехали!

У Нюры все было наготове: закипающий чайник бухтел на плите, малосольная семга с самого утра была нарезана одинаковой толщины кусочками и завернута в хрустящий пергамент. Оставалось лишь помазать маслицем хлеб и аккуратно разложить рыбку. А бутерброд с сыром сделать – чего уж проще?

– Где подавальщица?! – озираясь, негодовал Букин. – Ведь сказал, чтоб сюда бежала!

Полноватая, тридцатилетняя Лида неслась из столовой в наглаженном белоснежном переднике, надетом поверх темно-серого, ниже колена платья и таком же безукоризненно белом чепце.

Чай был заварен, бутерброды ровненько выложены на блюдо. На рыбку буфетчица поместила тонюсенькую дольку лимона. Лида жадно схватила поднос и развернулась к двери, широко распахнутой Букиным. Шагая через две ступеньки, Лида затопала по лестнице, при этом ни одна капелька заварки не выплеснулась из пузатого чайника, ни одна серебряная ложечка не звякнула о хрустальное стекло стакана. Поднос точно прилип к железным ладонным рукам, непрерываемо замер, и неважно, наклонялась ли женщина вперед, вбок или в сторону – за поднос можно было не беспокоиться, он доставлялся в целости и сохранности.

В хрущевской приемной было тихо. Широкие окна закрывали волнистые складки помпезных французских штор. Только там, где обычно открывали форточку, занавес чуть сдвинули в сторону, чтобы свежему воздуху не мешать, а подойдя ближе и приглядевшись через тронутое морозным узором стекло, можно было различить снег, летящий со всех сторон крупными хлопьями. Он кружился, метался, безумствовал, пеленал дорогу, лез в лица прохожих, наседали и не хотел отступать. Снег с головы до ног облепил бронзовую фигуру Юрия Долгорукова, застывшую, как призрак, на другой стороне улицы.

Когда официантка с пустым подносом выскользнула из кабинета, из глубины донесся громкий смех.

– Водку просят! – испуганно проговорила она.

– Так что ты стоишь, беги! – Андрей Иванович облегченно вздохнул, он всегда нервничал, когда у Хрущева бывал Берия.

Букину было тридцать два года, ему хотелось пожить, поработать, завести семью, потискать ребятшек, а карьера его целиком зависела от судьбы Никиты Сергеевича.

Андрей Иванович выглянул в окно, весь внутренний двор был заставлен машинами, но не простыми машинами – правительственными. Молчаливая многочисленная охрана Берии деловито разбрелась по сторонам, а совсем не молчаливая и не такая внушительная охрана товарища Булганина, укрываясь от снега под металлическим козырьком входа, громко переговаривалась. Суровые лица рослых вооруженных людей делали внутренний двор здания совсем мрачным.

Хрущев сам пошел провожать. Не одеваясь, в одном костюме он спустился по лестнице и, пропуская гостей, распахнул дверь парадного. Охрана министра внутренних дел встала кольцом, семеро с автоматами заблокировали подходы и выезд.

– Иди, Никита, простудишься. Смотри, какой снег! – залезая в машину, попрощался маршал Берия.

– Снег переживем! – расплылся в улыбке Никита Сергеевич. – Спасибо, что заехал!

Адъютант прикрыл за охраняемым толстенную бронированную дверь, в окне мелькнула замшевая перчатка: «Пока!»

Кортеж двинулся. Толстый милиционер, казавшийся еще более толстым и неуклюжим в длинной шинели, подняв вверх регулировочный жезл и оглушительно свистя, кинулся на середину проспекта, останавливая движение. Четыре черные машины Берии одна за другой, выползали на улицу Горького и, перестраиваясь в каре, набирали скорость.

– И тебе спасибо, что навестил! – поворачиваясь к Булганину, проговорил Никита Сергеевич.

Хрущев долго тряс его руку.

– Что-то ты кислый сегодня? – отметил Николай Александрович.

– Зачем должность Генерального Секретаря упразднили?

– Последний год, как Сталин бумаги подписывал? Секретарь ЦК, – напомнил Николай Александрович, – никакой не Генеральный.

– Секретарей ЦК у нас семь, как понять, кто из них главный?

– Да брось!

– Вот тебе и брось! Президиум Центрального Комитета ведет Маленков, а ведь партию мне передали! Ладно, Коля, поезжай! – Хрущев подался вперед и обнял друга.

Машины Булганина покинули двор, а Никита Сергеевич так и стоял перед крыльцом. Его серый пиджак покрывался снегом. Еще немного, и сроднившись с Юрием Долгоруким, он превратится в заиндевевшую глыбу.

– Никита Сергеевич! – очень тихо, чтобы не побеспокоить, произнес Букин. – Вот пальто ваше, накиньте!

Прикрепленный протягивал пальто. Не видя ничего вокруг, Хрущев круто развернулся и забежал в подъезд. Поставшие в вестибюле замерли, отдавая честь. Андрей Иванович, рукавом пиджака стряхнул с хрущевского воротника снежок, и взяв одежду удобнее, понес наверх.

Оставшись один, Никита Сергеевич придвинул ближе оставшиеся бутерброды и налил из чайничка чай. На хлебе аппетитно розовела семужка. Лимон Хрущев подцепил вилочкой и отбросил.

– Не люблю лимоны, сколько раз им повторять! – проворчал он и, подняв телефонную трубку, скомандовал: – Пусть Букин зайдет!

– Бери! – Хрущев показал Букину на оставшийся бутерброд. – Чай наливай, вот варенье!

Прикрепленный потянулся к тарелке.

– Хорош чаек?

– Хорош! – подтвердил Андрей Иванович, изо всех сил дуя на кипяток.

– Ну, что они?

– Кто, Никита Сергеевич?

– Гости. Как себя вели?

– Обычно, – пожал плечами Букин, – и охрана обычно. Совершенно обыкновенно. Я за ними наблюдал незаметно.

– Это правильно, Андрюша, что наблюдал, – похвалил Хрущев.

Офицер еще раз подул на чай.

– Горячий, Никита Сергеевич, жжется! – застенчиво проговорил он.

– Только такой и пью. Привычка с войны, – объяснил Никита Сергеевич. – В чае понимать надо, а не так, шалтай-болтай!

Прихлебывая мелкими глоточками, Букин жмурился.

– Значит, все как обычно?

– По-моему, гости довольны, – отодвигая стакан, подтвердил Букин. – Особенно товарищ Берия. Он так улыбался, как никогда.

– Ты, Андрюша, приглядывай, как ты умеешь, а ежели чего, мне на ушко шепчи. Ступай, скоро домой поедем.

Букин ушел. Хрущев встал у окна и отодвинул штору. Снегопад продолжался.

– Москва! – прошептал он. – Столица!

Чуть впереди, где улица Горького упиралась в Манежную площадь, засыпало красавец Кремль. Все можно засыпать снегом, забелить, только не Кремль. На его остроконечных, зелено-чешуйчатых башнях торжественно сияли рубиновые звезды. Из кабинета не было видно ни Кремль, ни Манежную площадь, ничего, кроме занесенного снегом памятника Юрию Долгорукому и края улицы с неясными очертаниями домов. Никита Сергеевич открыл форточку и глотнул свежего ветра. На душе становилось легче, горячая кровь, согревая и расколдовывая, пульсировала в жилах. Замученное невзгодами, до спазмов истерзанное сердце освободилось, оно летело, обгоняя мысли, опережая события, возносилось над городом, над небом, трепетало и пело.

– Вот и умер он, вождь! Какая ты жизнь, кто тебя разгадает? – задумчиво прошептал Хрущев.

Сколько раз он был унижен, оскорблен, сколько раз стоял на краю гибели, балансируя на границе добра и зла, где штормовые ветра перемен колотили со всех сторон и расшатывали небо. Сколько раз он мысленно прощался с родными, сколько раз беззвучно плакал во сне, потому что плакать наяву было смертельно опасно. Плакать – это показывать слабость, страх, бессилие. Повсюду за каждым наблюдали немигающие глаза, прислушивались всеслышащие уши, и даже мысли невозможно было скрыть от вторжения тех, кто был призван все знать.

Всякий раз, когда «ЗИС» останавливался на гостевой стоянке «ближней» и Хрущев делал шаг из машины, он начинал мутировать, превращаясь в обаятельного подхалима, бесхитростного простофилю, покладистого, туповато-наивного, преданного Хозяину до заикания. Хрущев, как хамелеон, сливался с улыбками, с запахами, с прихотями и тенями присутствующих, стараясь изо всех сил угодить Ему. Хрущев перевоплощался не понарошку, а на самом деле, ощущая, что обожает правителя всей душой, каждой клеточкой, обожает до исступления, до сладостной боли!

«А-а-а, Микита! – на украинский лад здоровался Сталин. – Заходи, садись! Нет, ни сюда, туда садись!» – подсказывал генералиссимус.

Кто-то услужливо отодвигал Московскому секретарю стул, а кто-то незаметно подкладывал на сидущку кремовый торт. Никита Сергеевич плюхался на стул и попадал в изумительный кремовый торт.

«Опять вляпался!» – восклицал вождь.

Как все смеялись, умирали со смеху! Товарищ Каганович, держась за бока, прослезился и чуть не съехал под стол; товарищ Маленков сделался красным, как сваренный рак; бравый Бул-

ганин поперхнулся, пытаясь унять кашель приторно-терпким «Киндзмараули», и даже недоступный эмоциям Молотов хохотнул, подталкивая локтем беззвучно трясущегося от веселой проделки Анастаса Ивановича Микояна. И Сталин ухмылялся в усы: «Смешно придумал!» Гости гоготали, а больше всех заливался сам Никита Сергеевич, ему делалось смешнее других. Он нелепо разводил короткими руками, пытаясь нащупать вымазанный сладким зад, потом неуклюже облизывал пухлые пальцы, липкие от взбитых сливок и сахарной пудры, облизывал забавно, затем снова растерянно щупал задницу, пачкался, удивлялся, и тем самым еще больше веселил присутствующих.

«Что, вкусно?!» – отдуваясь, спрашивал Сталин.

«Вку-у-у-сна-а-а!» – заикаясь от хохота, отвечал Никита Сергеевич и теребил замазанные штаны.

Постепенно гости утихали, пытаясь разгадать настроение Хозяина, который плотоядными глазами шарил вокруг.

«Микита, спляши гопака!» – тыкал вождь.

Никита Сергеевич залихватски скидывал пиджак, и под задорные звуки радиолы, в перепачканных штанах, не попадая в такт мелодии, скакал вприсядку.

Трам, пам па-рам па ра-ра, трам, пам па-рам па ра-ра! Трам, пам па-рам, пам па-рам, пам па-рам, пам!

– Ну, шельма, слуха нет, а как чешет! – краем глаза косясь на владыку, восклицал Каганович.

Все хлопали, и правитель хлопал, поощрительно кивал, улыбался, и гости смеялись, а сам танцор, заливаясь счастливым колокольчиком, точно заведенный, скакал по кругу.

«Сыми штаны, а то товарищи подумают, что ты обосрался!» – сквозь слезы умиления командовал Иосиф Виссарионович.

Скорчив забавную гримасу, Хрущев хватался за перепачканную задницу, и снова друзей давил хохот.

«А вы что не пляшете? Что заскучали?! А ну, заводи шарманку! Давай, танцуй! Давай! – и Сталин начал прихлопывать в ритм музыки. – Тай-тай-тай, та-та! Тай-тай-тай, та-та! А ну вставай, вставай, говорю! – приказывал повелитель. – Вальс, вальс давай!»

Из динамика лился знакомый мотив:

С берез неслышен, невесом
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Ворошилов пристроился к Берию, Хрущев пытался обнимать круглого, как набитый мешок, Маленкова, товарищ Молотов зажал глупо хихикающего Кагановича, Булганин кружил Микояна.

«Эй, брось его! Давай лезгинку!» – выкрикивал Сталин, тыча в Микояна, и тот начинал залихватски отплясывать жгучий кавказский танец.

«Молодец, молодец! – поощрял отец народов, и, вскинув над головой руки, чуть покачивал ими. – Веселей, веселей! Да-а-а-вай!» – прищелкивал пальцами он. – Тай-та-та! Тай-та-та! Оп, оп, оп! Хоть у меня попляшите! А то совсем закисло!»

Очень поздно, почти под утро, гости разъезжались. В хрущевскую машину относили выпачканную одежду, а Никита Сергеевич в неудобном, не по размеру костюме ковылял к автостоянке. Добродушно, как ни в чем не бывало, он раскланивался с соратниками по руководству страной. Чмокал улыбчивого Анастаса Ивановича, жал руку благообразному сердцееду Булганину, с придыханием прощался с самим товарищем Маленковым, гением и эрудитом, и про-

нищательный маршал Берия кивал ему снисходительно, с симпатией. С блаженным чувством радости Никита Сергеевич ехал домой, у парадного миролюбиво приветствовал находившуюся на чеку охрану, беззаботно поднимался на второй этаж, где располагалась спальня, и с тихой улыбкой замирал под одеялом. Только сердце, как пойманная в силочку птица, ныло и разрывалось в груди. Хрущев из последних сил удерживал непокорное сердце в железных объятиях, чтобы оно не вырвалось, не выпорхнуло на свободу, не выплеснуло бесконечную горечь обиды, унижения и отчаянья. Он до боли стискивал бушующее сердце, душил его. Слезы унижения, несправедливости застывали в горле и не могли течь, чтобы никто не увидел их, не распознал, что происходит, – чтобы никто не донес. Укрывшись с головой одеялом, Хрущев беззвучно содрогался. Только один он знал, как ему тяжело, как страшно жить! Спасаясь лишь во сне, он грезил, каялся, причитал, просил прощения, умирал и рождался вновь, с тем, чтобы утром с неустрашимым видом шагать на работу и помогать властителю царствовать. Постепенно губы его сужались, оставляя от улыбки еле различимое подобие.

14 марта, суббота

Светлане пятый день снился отец. Лицо его не было строгим, оно было открытым, по-отечески добрым и в то же время – несчастным, очень несчастным. В одну из ночей Света внезапно проснулась и стала в темноте искать отца, так реален был сон.

– Папа, папа! – позвала она, включила настольную лампу, и тут же поняла, что это сон, что папа – умер, и больше никогда его не будет рядом. Хоть отец и бывал с ней строг, а подчас жесток, все равно оставался отцом, родителем, но любовью к нему Света воспылала только сейчас, после смерти, и любовь эта, крепнувшая каждый день, стала преследовать ее.

Света никому не говорила о снах, не решалась сказать. Она понимала, что отец на этом свете лишний, никому не нужный, никому, кроме дочери. Вася не был способен на любовь, он все утопил в вине – и хорошее, и плохое. Брат сделался похожим на отца, но только не на настоящего отца, который был велик, широк и страшен одновременно. Вася потонул в отцовском величии, превратившись в его ржавый отзвук, в его бестелесную тень, и одним видом своим раздражал бывших папиных соратников и оруженосцев, которые, дорвавшись до власти, никак не могли всласть навластствовать. Никому теперь не было дела ни до Иосифа Виссарионовича, ни до его несчастного сына, ни до дочери.

20 марта, пятница

– Я впервые товарища Берия так близко видела, – хвасталась подавальщица Лида. – Он так улыбался – просто душка!

– Если б на меня взглянул, сердце б в пятки ушло! – поежилась буфетчица. – Я всех боюсь! – и принялась разливать по стаканам чай. – Ты, Лид, Хрущева боишься?

– Само собой. При мне он одного начальника так отчитал матом! Тот, солидный дядечка, седой, а пятнами со страха пошел. Стоит, мычит, как глухонемой, потом, чуть не плача: «Простите, простите!» А Хрущев ему: «Бог простит, твою мать!» Во как! – с выражением выдала подавальщица.

– Ох, я б со страха умерла! – заохала буфетчица.

Горкомовский спецбуфет был завален всевозможными продуктами, заставлен ящиками со спиртным. Начальник Хозуправления выдавал дочку замуж, вот и навезли сюда всякой всячины. При помощи ворчливого Тимофея и рукастой Лидки кое-как распихали свертки по углам, освободив подход к плите, ведь постоянно требовалось носить начальству чай и бутерброды.

Нюра залезла в какую-то только ей известную глубинную полость шкафа, вынула батон колбасы и разрезала пополам.

– Нам! – объяснила она. – И еще конфетки!

К колбасе буфетчица прибавила десяток конфет. Лида спрятала конфеты под подкладку сумки, а колбасу запихнула за пазуху.

– Начальники жируют, а мы что, не люди? – кивнув на ящики и коробки, возмутилась подавальщица. – В магазинах один консерв.

– Понемногу брать можно, не заметят, – заключила Нюра и тоже стала прятать колбасу. – Вчера всю излапали и сегодня лапать начнут! – вспомнив про милицию, дежурившую при входе, вздохнула девушка. Поправив платье, буфетчица хлопнула себя по бедрам:

– Вроде схоронила. А мне Андрей Иванович нравится! – неожиданно призналась она.

Лида уставилась на подругу:

– Дура ты, Нюрка! Вышла бы за нормального парня, за своего, а то – Андрей Иванович! Сегодня Андрей Иванович, а завтра скажешь – Хрущева люблю!

– Что ты, Лидка!

– Да, да, да!

– Отстань, дура! – отмахнулась Нюра. У нее сжалось от обиды сердце, ведь призналась в самом сокровенном! Сколько ночей не спала, грезил о любимом. На глаза навернулись слезы.

– Люби кого хошь! – взглянув на расстроенную подругу, смирилась Лида. Она встала, надела мешковатое пальто и закуталась в огромный теплый платок.

– Ты похожа на чудище! – хмыкнула Нюра.

– Сама – чудище! Закрывай! – скомандовала Лида и подхватила сумку.

– Ничего не забыли? – озиравлась буфетчица. – Где ключи-то? Тут нету, а тут? – ковылялась в поиске ключей Нюра. – Да вот они где! – выудила объемистую связку девушка.

– На улице метет, – сказала закутанная, как полярник, подавальщица. – Будем с тобой как белые медведи.

– Боюсь, чтоб не лапали, – распереживалась Нюра. – Что за люди, всю излапят и еще хотят!

– Идем, копуша!

– Идем. Я колбаску в чулок приткнула, не найдут, как думаешь? – опасливо спросила буфетчица.

– Не найдут.

– Все-таки перепрячу, – засутилась Нюра. Она завозилась, распахивая пальто.

Лида недовольно смотрела на ее торопливые движения.

– Так-то лучше! – закончив, успокоилась буфетчица и хихикнула: – Вместо сисек будут колбасу щупать!

24 марта, вторник

Нина Петровна была занята. Весь день она ходила по дому, давала распоряжения, суежилась, но хлопоты были приятные: из угловатой, неудобной дачи в Ильичево Хрущевы перебрались в шикарный Огаревский особняк, который стоял на противоположном берегу Москвы-реки. Несколько дней назад состоялось решение Правительства, по которому Никите Сергеевичу предоставлялась новая дача за городом. Дом этот оказался куда просторнее прежнего, с многочисленными холлами, террасами, светлыми комнатами, парадной мраморной лестницей. Все тут выглядело основательно и монументально. И участок громадный – конца и края нет. Левее дома начинался фруктовый сад, окруженный живописными полянами, а за полянами – настоящий лес, с дубами и елками, да такой дремучий, что можно ненароком заблудиться. При въезде на территорию стоял амбар, наскоро превращенный в гараж, в стороне, просматривалось здание для обслуживающего персонала, переделанное из княжеской церкви. Наискосок к центральному входу, возвышалась выкрашенная в голубой цвет горка, перед горкой зимою обычно заливали каток. Минут восемь-десять и можно, прогуливаясь, оказаться у реки.

В отличие от Ильичево, огаревский дом не был из вновь отстроенных, а возводился как загородная резиденция московского генерал-губернатора, родственника императора, аристократа и богача – просторный, торжественный. Одно время тут жила сестра Ленина, потом заседал секретарь Московского горкома Щербаков. После его смерти особняк пустовал. Хотели передать его Булганину, но почему-то не сложилось, и вот он достался Никите Сергеевичу.

– Спасибо скажешь! – выговорил Берия. Это он дал указание готовить резиденцию под Хрущева.

Но не только большим человеческим спасибо Никита Сергеевич отблагодарил друга. Прихватил он чуткому товарищу бутылку рябины на коньяке собственного приготовления, свиной окорок, который коптили с вишневыми веточками и душистым перцем по рецепту житомирского кулинару Попенко, привез Лаврентию Павловичу застреленного на охоте молодого олененка, дюжину зайцев и двух бобров. Бобров в последнее время даже очень стали кушать. Бобровое мясо было жирновато, но нравилось Хрущеву куда больше деликатесной водяной крысы нутрии. Непросто угодить всеильному министру! Никита Сергеевич суежился, раскладывая на маршальской кухне охотничьи трофеи.

– Напер! – оглядывая дары, довольно отозвался Берия и усадил Никиту Сергеевича выпить по рюмочке.

– Дом-то нравится?

– Еще бы!

Вещей у Хрущевых имелось немного: одежда; всевозможная кухонная утварь – сковородки, кастрюли, тарелки, чашки, чайники; из мебели – две детские кровати, бамбуковое китайское кресло-качалка, да три сундука с постельным бельем и скатертями. Изобиловали бесполезные вещи – бессмысленные сувениры с дарственными надписями, выбрасывать которые не поднималась рука. А еще были книги, четыре высоченных до потолка шкафа. Никита Сергеевич любил читать, с юности его тянуло к печатному слову, и даже сейчас, допоздна просиживая на работе, он не бросал чтение, читал запоем, особо любил Некрасова, Максима Горького, Михаила Шолохова, на все лады расхваливал украинского прозаика Корнейчука, который, словно послушный партийный горн, воспевал успехи социализма, оправдывая и объясняя самые неприглядные ошибки в ретивой советской истории.

Нина Петровна оглядела книжные полки: все книги требовалось достать, разложить на стопки, перевязать. С книгами получалось много мороки, но к переезду готовились основательно, старались ничего не забыть, а лишнее раздать или выбросить. Ненужного всякий раз оказывалось чересчур много – как начнешь разбирать, в хламе задохнешься! Лишь мама

Никиты Сергеевича, вслед за сыном прибывшая в Москву, всякую вещь считала очень даже нужной, и выкидывать или отдавать жалела.

– Да что мы, богачи, в самом деле?! – возмущалась родительница. – Ценностями бросаемся! Это нам ой как пригодится! – и незаметно, чтобы не попасть на глаза невестке, стаскивала то одно, то другое в свою комнату и удовлетворенно вздыхала: – Спасла! Нинка-то ничего не жалеет, по миру нас пустит! – Правда, схоронить от упрямой Нины Петровны удалось далеко не все.

Сегодня снова занимались сортировкой.

– Зачем дряхлое барахло за собой таскать? – откладывала старье Нина Петровна.

К счастью, маму Никиты Сергеевича с огромным тюком в руках, который она наотрез отказалась отдать, уже перевезли на новое место, но поселили бабушку не в княжеском доме, а в стороне, за садом, где стоял небольшой бревенчатый сруб.

– Здесь мне спокойнее будет, – призналась сыну Ксения Ивановна. – Я в мраморных хоромах с ума сойду. Буду к вам в гости ходить, а лучше вы ко мне! – тараторила бабуля.

Нина Петровна обрадовалась, когда эту новость узнала.

С отъездом мамы Никиты Сергеевича сборы пошли веселей. Не складывались у невестки отношения со свекровью – в принципе, это дело житейское.

По большому счету, в новый огаревский дом можно было ничего, кроме книг, не брать. Госдача от начала и до конца укомплектовывалась казенным имуществом, как правило, трофейными дорогостоящими вещами. На любой, даже очень придирчивый вкус, на складах Хозуправления необходимое находилось: и мебель изысканная, и картины в золоченых рамах, и ковры тонкой ручной работы, и невообразимые вазы, и разнообразные сервизы. А сколько хрустальных люстр! Добра из Германии вывезли немерено.

Переезжали Хрущевы нечасто. На Украине прожили шесть лет, а в конце сорок девятого товарищ Сталин Никиту Сергеевича снова в Москву возвратил. Семикомнатная квартира на улице Грановского за Хрущевым с 1945 года была закреплена. Как руководителю Москвы, загородную дачу в Ильичево предоставили. И вот теперь – княжеский дворец!

После смерти Сталина Нине Петровне стало понятно, что статус мужа изменился, стал супруг ее совсем большим человеком, прибавилось охраны, obsługi.

– Морозец-то отпустил, – проговорила горничная.

И действительно попустило, минус один, не более. Еле различимая дымка парила в воздухе. Так всегда бывает, когда теплеет. Снег осел, сделался грубым, неряшливым. Природа освобождалась от холода.

– Задышала земля, – отозвалась Нина Петровна. – А вспомни, как февраль лютовал, казалось, камень вымерзнет!

Люба счастливо улыбалась:

– Надоела зима.

– Любонька, а, Любонька, скажи, дети ели? – забеспокоилась хозяйка.

– Кушали.

– Илюша хорошо поел?

– Хорошо. Котлетку скушал куриную, а пюре немного оставил.

– Не голодный, точно?

– Не-е-е! – замотала головой горничная.

Нина Петровна удовлетворенно кивнула.

– Теперь, Любонька, в спальню пойдем, там пособираем. Скажи, чтобы пустые коробки туда несли.

– А кабинет? – показала на дверь Люба. – Там-то не были!

– В кабинете Никита Сергеевич сам приберет, он там ничего трогать не разрешает.

14 апреля, вторник

С обратной стороны кремлевской столовой, той, где готовили не высшему руководству, а всем рангом ниже, в узком кабинете с низкими кирпичными сводами, имеющим одно единственное продолговатое окно, выходившее в глухой каменный двор – крошечное пространство между стоящими почти вплотную зданиями, сидели два генерала.

– Что будет? – с сильным кавказским акцентом, печально проговорил седовласый генерал-грузин.

– Несладко будет, – отозвался генерал помоложе, сидящий за письменным столом, сухой, длинный, с острым насмешливым взглядом. На его гимнастерке красовалась внушительная орденская колодка, но похоже, не он был среди них старший. И генерал за столом был грузином.

– Как бы, Ваня, нас с тобой за порог не выставили, – продолжал пожилой толстяк.

– Лаврентий Павлович не даст. Золотой человек! – с ударением отвечал зав столовой.

– Лаврентий Павлович замечательный человек, да только ему могут подхалимы напеть, голову задурить, время, сам знаешь какое, точно пожар кругом! – с опасением высказался старший.

– Ты, Роман Андреевич, не кошмарь, не пропадем!

– Тебе легко говорить, ты кремлевской столовой заведующий, на тебя внимания не обратят, а я то в Кремле кручусь, закупаю, то по булганинским домам с харчами мотаюсь.

– Николай Александрович нынче в чести, с ним не пропадешь.

– Меня любит. Знает, что я к нему от Иосифа Виссарионовича пришел! – добродушно отозвался сталинский снабженец. – Пару раз я Маленкову продукты возил, жена у него – чербер, там точно не задержусь. Хорошо Булганин меня к себе тянет. Посадит напротив, обстоятельно объяснит, что требуется. Любит покушать!

– Радуйся! – отозвался бывший сталинский шашлычник.

– А ведь Георгий Максимович председателем правительства стал, а не Булганин и не Берия! – тихо добавил Роман Андреевич.

– Георгий Максимилианович! – поправил Ваня.

Седой генерал осекся.

– Смотри, не путай!

– Вырвалось! – поежился снабженец.

– Каждому ясно, что за главного теперь товарищ Берия, – разъяснил шашлычник.

Лаврентий Павлович с каждым днем набирал силу. Являясь первым заместителем председателя правительства, он требовал у министров отчета по любым вопросам, и областные начальники стояли перед ним навтыжку, все побаивались его взрывного характера, но и вопросы он решал без проволочек. Берия стал центром принятия решений. Предсовмина Маленков каждый день бывал у министра внутренних дел, и Хрущев с Булганиным к нему торопились.

– Георгия Максимилиановича я на все сто уважаю, но Лаврентия Павловича, уж извиняюсь, гораздо больше! – поддержал выводы товарища Роман Андреевич.

– Когда я на «ближней» жарил, после товарища Сталина сразу Берии шашлычок подносил, а потом – Маленкову. Авось не забудут! – вздохнул зав столовой.

– Лаврентий Павлович с тобой всегда ласковый был, и Маленков тоже. А я иной раз перебарщивал, засиживался с правительством за столом, теперь себя ругаю. Но ведь сам Сталин меня звал! Два раза сильно напивался, может, наговорил лишнее – не помню! А однажды случайно Хрущева толкнул! – уныло выговорил старый грузин. – Из-за этого особо мучаюсь.

– Хрущев против Лаврентия Павловича пустышка, без команды не пикнет, а товарищ Берия своих в обиду не даст, – имея в виду себя и пожилого товарища, заключил орденоносный шашлычник.

– Все равно как-то неудобно!

– Булганина держись!

– Обеими руками держаться буду!

– А Георгий Максимилианович государственный, он на мелочи размениваться не будет, – продолжал размышлять завстоловой.

– Дай-то Бог, дай-то Бог! – запричитал Роман Андреевич. – У меня, знаешь, еще и возраст не подходящий. Мы с Иосифом Виссарионовичем одногодки, это ты молодой.

– Я молодой? – отмахнулся шашлычник. – В следующем году пятьдесят.

– Мне в январе семьдесят два стукнуло! – Закупщик стал мотать седой головой.

– Не трясись, не до нас теперь!

– Как сказать, как сказать! – сокрушался снабженец. – Я для тебя тушенки оленьей припас и омулей отборных. Прямо светятся!

– Северную рыбку уважаю.

– Шофера ко мне подошли.

– Сделаю. Вот и кончилось великое царствование! – тяжело вздохнул генерал-шашлычник.

– А Валеньку куда дели?

– На дачу к Василию Иосифовичу отрядили, она Васю с малолетства знает.

– Это правильно, ведь столько лет с Хозяином под одной крышей.

– Все плачет по нем, убивается.

– Слезами горю не поможешь!

– Говорят, ее за штат МВД вывели, сказали, органам не соответствует. Значит, и зарплата теперь будет другая.

– Вале это неважно – детей нет, мать с сестрами похоронила.

– То да, то да! Она Васе зарплату несла, – уточнил пожилой генерал-грузин.

– Дуреха! Васька все прогуливал.

– Говорила, у него детишки.

– Детишки! – скривил лицо шашлычник. – Нагуляется с бабами, уже и не знает, кто от него понес. Последнее время не просыхал!

– Как бы нас с тобой за скобки не поставили! – снова забеспокоился закупщик. – Мне, как генералу, тройную зарплату в конверте дают, ну, ты знаешь! Машина на работу возит, дачка в «Соснах» положена, кремлевская поликлиника. Как всего этого лишиться?

Сидящий напротив хмурился.

– Как бы Маленков своих не понапихал, – распереживался снабженец. – На спецбазу нового директора сунут, и, считай, мне приговор!

– Не до нас им, объясняю! – раздраженно высказался завстоловой.

– А Хрусталева куда?

– Его заместителем коменданта Кремля назначили.

– Значит, не разбазариваются кадрами.

– Поглядим. Я при генералиссимусе, считай, десять лет на шашлыках простоял.

– Я при нем – двадцать два! – с гордостью отчеканил Резо, переименованный в Романа Андреевича. Это он вызвал из Гори шустрого Ваню, сына старшего брата, и определил на шашлыки. Месяц Ваню стажировался в доме у Берии, бериевский повар награждал неотесанного провинциала подзатыльниками и трехэтажным матом, но делу научил. Скоро Ваню так разжарился, что перещеголял наставника. Чего только он на мангале не исполнял – что хотите, то и делает, и, главное, исправно информировал Лаврентия Павловича обо всем, что творилось

на «ближней»: и про службу писал, и про охрану, и про подвыпивших великих гостей, и даже – про самого Сталина!

– Прорвемся! – хмуро процедил шашлычник.

– У тебя выпить найдется, Ванечка?

– Есть, Роман Андреевич, выпить есть!

По паспорту Вано писался Иваном Андреевичем. Так на русский манер все грузины друг друга величали. К русским именам товарищ Сталин особое пристрастие имел, собственно, он такой порядок и завел – на русский лад земляков переделать, новые имена проставлял самолучно. Был у него при бане шустрый Гагик, его Сталин сначала именовал Жориком, а потом, приглядевшись к суетливому банщику, стал называть Славиком.

«Я знаю, кому какое имя подходит!» – говаривал вождь. И еще категорически запретил разговаривать меж собой на родном языке.

«Мы русские люди!» – часто повторял генералиссимус.

– Чего сидишь, как истукан? Наливай! – прикрикнул на младшего Резо.

Сталинский шашлычник залез в ящик стола и извлек оттуда бутылку коньяка «Енисели», потом выставил на стол стаканы.

– Помянем Иосифа Виссарионовича! – разливая, с придыханием проговорил Ваня-Вано.

Пожилой духанщик аккуратно приподнял стакан:

– Не чокаемся! – предостерег он.

– Пусть земля ему будет пухом! – проговорил завстоловой.

– Какая земля! – сокрушался Роман Андреевич. – Эх, родной ты наш Иосиф Виссарионович!

15 апреля, среда

Обычно брат видел сестру, когда по наказу матери завозил ей борщи, котлеты и всякие другие кушанья. Возвращаясь из института, он попутно заезжал на Грановского, заносил собранную мамой корзинку и уходил. В этот раз остался попить чая. Ворчливый водитель его достал – всегда всем недоволен, про все выспрашивает, всюду нос сует, и вообще человек был неприятный.

– Рада, скажи маме, чтобы мне водителя заменили. Иван Клементьевич просто замучил меня: нудит, зудит, все ему не так!

– У меня такой был! – припомнила сестра. – А почему сам маме не скажешь?

– Не хочу лишних разговоров, начнет выспрашивать: что да как? Ты скажи между делом, так складней будет.

– Скажу! – пообещала сестра. – Как у тебя в институте?

– Овладеваю. Хочу ракетами заниматься, с отцом переговорил, он не против.

– Первый курс самый тяжкий, – предупредила Рада.

– Я все предметы назубок знаю! Сейчас к профессору Котельникову хожу, в сектор работ по спецтехнике. Он обещает меня на Медвежье озеро отвезти, там вычислительный центр построили.

– Далеко это?

– Километров двадцать по Щелковскому шоссе. Там радиотелескоп будут ставить.

– А группа твоя как? – интересовалась сестра.

– Нормальные ребята.

– Подружился с кем?

– Мне, Рада, на занятия времени не хватает, а ты говоришь – дружить! – отставляя чашку, выговорил Сергей. – Я с преподавателями общаюсь, это для головы важней! – и студент со значением постучал себя по лбу. – Поеду я. Не забудь про моего дурного водителя маме сказать.

– Не забуду! Всех от меня поцелуй, – на прощание попросила сестра.

Сергей ушел, а Рада поспешила делать прическу, прихорашиваться, вечером с Алексеем они собрались на балет.

23 апреля, четверг

На заседании Президиума Центрального Комитета было душно, не спасали ни открытые окна, ни включенные на полную мощность вентиляторы, они лишь однообразно гудели, гоняя по помещению теплый воздух. Во главе стола сидел Маленков.

Ворошилов говорил о непростой ситуации, возникшей в отдельных городах, где прямо-таки шел разгул преступности. Невозможно было горожанину ночью выйти на улицу: грабили, убивали. Милиция не справлялась.

– Расстреливать надо, а не миндальничать! Жуков в Одессе криминал за неделю перестрелял, а мы все рассуждаем! – раздраженно высказался Каганович.

Бывшему министру внутренних дел Круглову был объявлен выговор, однако он продолжал командовать милицией, оставаясь первым заместителем у Берии.

– Оружия после войны осталось много. В какие только руки оно не попало, – оправдывался Круглов.

– Сажайте! – скривился Молотов. – Что вас, учить?!

Нехорошая обстановка складывалась в стране с продовольствием. Чтобы порадовать вождя, в 1948 году, на два года раньше Англии, в СССР отменили карточную систему и растружили об этом на весь мир, однако заполнить товаром полки магазинов, удовлетворить хотя бы минимальные потребности населения не удавалось. Первобытный труд деревни был по существу рабовладельческим, люди работали, чтобы не умереть с голода. Еще не ясно, кому жилось лучше – с утра до вечера гнувшему спину на государство, не имеющему никаких прав, а лишь обязанность давать стране хлеб и мясо батраку-крестьянину или заключенному, вкалывающему на «ударных стройках», за госсчет получавшему баланду и крышу над головой.

При карточной системе, которая за годы невзгод и лишений была отлажена до мелочей, люди хоть как-то ели, не помирали от голода. А после отмены карточек, когда продовольственное обеспечение перевели на фабрики, заводы, в предприятия и учреждения, образовалась группа лиц, новой системой снабжения не охваченная. Где возьмет пропитание инвалидов, который работать не может? Отделы соцобеспечения за указаниями правительства не поспевали. А иждивенцы? А старики, не способные трудиться? Такие лишенцы шли в райкомы партии, там, чем могли, помогали, но, по-честному, кое-как помогать получалось. Полуголодные оставались люди, а некоторые совершенно без средств к существованию. И с командировочными чехарда. Кто командировочного, приехавшего на день-два, на дотацию поставит? Перебивались, конечно же. Даже работников дипломатических миссий задел дефицит с продуктами. Распределитель отпускал американскому послу пятнадцать куриных яиц в месяц, а его жене – десять. Этих яиц не хватало даже для полноценной яичницы. Обратившись в МИД, который передал просьбу дипломата в Министерство сельского хозяйства, для посла наконец закупили кур и петуха. Во дворе посольской резиденции сколотили курятник и куры стали нестись, ведь отовариваться на рынке даже самому послу было слишком накладно. Для дипломатов открыли магазин с твердыми ценами, однако там завели учетные тетради, в которых то и дело возникала путаница, и товары отпускались с перебоями. С огромным трудом работники посольств выхлопотали разрешение на ежемесячную поставку продуктов из-за границы. А что говорить об обычных людях?

Потребление продовольствия закладывалось в бюджет на основании предусмотренного Советом министров сельскохозяйственного плана, но до установленных показателей колхозы и совхозы не дотягивали, близко не было тех цифр, которые спускали сверху, а планы каждый год росли. Однако в отчетах планы всегда выполнялись и даже перевыполнялись. Основываясь на их надуманном выполнении, по бумагам перемещались тонны грузов, тысячи, сотни тысяч тонн. Только многих тонн в помине не существовало, их просто-напросто недодали,

не собрали, не заготовили, но успешно отписали или приписали, то есть отчитались за них, а значит, продукт существовал. С такими мыльными пузырями шли поставки продовольствия. Частный сектор не мог закрыть потребности населения, к тому же цены у частника были внушительны. В результате подобных обстоятельств даже на основные продукты питания возник острый дефицит.

В бесперебойных поставках нуждалась огромная действующая армия. Советские войска все еще стояли в Австрии, охраняли Германию, Польшу, Чехословакию, Румынию, Болгарию, Венгрию. Крупные соединения дислоцировались на европейской границе СССР, и на Дальнем Востоке. Солдат надо было кормить. На армию не жалели, закрывали потребности за счет гражданского населения.

После окончания Великой войны, на карте возникли страны народной демократии, те, что достались Советскому Союзу при разделе Европы. У социалистических режимов не получалось пока обеспечивать себя всем необходимым, их заявки приходилось также удовлетворять. И международная политика в стороне не осталась. В рамках поддержки мирового коммунистического движения государствам, которые подняли голову против эксплуататоров-капиталистов и были ориентированы на СССР, не скупясь, раздавали. А как без реальной помощи, без денег, налаживать отношения? Кто будет тебя слушать? Молотов требовал наращивать обороты, пугал Америкой, которая стремится перехватить инициативу в Африке и в Азии. А есть хотелось всем, и рабочим, и тем же обобраным до нитки крестьянам, и новоявленной социалистической интеллигенции, и молодежи – никто не желал оставаться голодным. Деревню лихорадило. В колхозах не хватало рабочих рук, там по существу некому было работать, за трудодни начисляли мизер.

Берия и Маленков высказывались за вывод войск из Европы, предлагали войска расформировать, а бывших военнослужащих отправить на производство и в деревню. Они были категорически против содержания за счет СССР Австрии и Германии. Маленков предлагал усиленно развивать частный сектор, вспоминал ленинский НЭП. Хрущев не советовал спешить с частнособственническими инициативами, рекомендовал ограничиться уменьшением сельхозналога и подумать о списании крестьянам долгов. Нэповство ни под каким видом было ему не по душе, Хрущев был убежденным сторонником колхозов.

– Даже фашисты при оккупации оставили колхозы, – доказывал он. – Единоличное хозяйство по всем показателям проигрывает коллективному.

– С выводом войск из Европы я бы не спешил, – высказался Молотов. – По-моему, надо крепче работать и строже спрашивать.

– Мы и лагеря кормим, и тюрьмы, – заметил Никита Сергеевич. – А сколько там ртов? Георгий Максимилианович и Лаврентий Павлович предлагают провести массовую амнистию, я в этом деле их поддерживаю, может, экономия от этого выйдет.

– Заключение работают, – подал реплику приглашенный на Президиум ЦК милиционер Круглов. – Многие важные стройки, в том числе и по программе ядерных исследований, ведутся их силами. Если заключенных сменить на гражданских строителей, расходы многократно возрастут.

Главное управление лагерей – ГУЛАГ – было огромным и всемогущим ведомством, сосредоточившим под собой ряд крупнейших отраслей народного хозяйства. К ГУЛАГУ относились: Главное управление строительства Дальнего Севера – Дальстрой; Главное управление по разведке, эксплуатации и строительству предприятий цветных и редких металлов в Красноярском крае – Енисейстрой; Норильский комбинат цветных и редких металлов; Аффинажные заводы: № 169 – в городе Красноярске, № 170 – в Свердловске, № 171 – в Новосибирске; Вяртсильский металлургический завод; Управление строительства Куйбышевской гидроэлектростанции; Управление строительства Сталинградской гидроэлектростанции; Управление проектирования, изысканий и исследований для гидротехнических строок – Гидропроект; Главное

управление по строительству нефтеперерабатывающих заводов и предприятий жидкого топлива; Ухтинский комбинат по добыче и переработке нефти; Главное управление шоссейных дорог; Главное управление железнодорожного строительства; Управление строительства Главного Туркменского канала; Управление Нижне-Донского строительства оросительных и гидротехнических сооружений; Главное управление асбестовой промышленности; Главное управление слюдяной промышленности; Промышленные комбинаты Печерского угольного бассейна – комбинат «Воркутауголь» и комбинат «Итауголь»; Промышленный комбинат по добыче апатитонепелиновых концентратов – «Апатит»; Управление строительством Кировского химического завода; Главное управление строительства Волго-Балтийского водного пути; Главное управление лесной промышленности; промышленный комбинат по добыче и обработке янтаря в Калининградской области. Помимо этого, сотни тысяч заключенных были переданы в распоряжение Первого и Второго Главных Управлений при Совете министров СССР, которые занимались ядерными разработками, созданием ракетной и авиационной техники. А сколько было мелких заводов, фабричек, артелей, приписанных к МВД? Не сосчитать. И все это был ГУЛАГ.

Из-за невыносимых условий содержания в исправительных учреждениях нередко вспыхивали восстания. В отдельных случаях заключенные разоружали охрану, захватывали лагерную администрацию. Восставшие требовали человеческого отношения, минимального, но гарантированного отдыха после изнуряющей работы, элементарной медицинской помощи и соблюдения законности, ведь некоторые просиживали за решеткой много больше, чем устанавливал приговор. Никто не занимался в тюрьмах соблюдением юридических норм. Перед администрацией ГУЛАГа на первое место выдвигался хозяйственный план, его неукоснительное выполнение. Администрация брала на себя повышенные обязательства, что приводило к тяжким последствиям для содержащихся под стражей. Лагерные мятежи перерастали в настоящие войны, подавлять которые приходилось с помощью действующей армии.

– Они там, как князья, начальники лагерей, как царьки! – недовольно заметил Молотов. – Сидят, обогащаются. – Много чего рассказала ему вернувшаяся из зоны жена.

– Безусловно, они воруют, – согласился Маленков. – Всегда так было, да и кто в глухомань работать поедет, если хорошего прибытка нет? А раз начальники воруют, значит, и все за ними! Кто помельче, тот последнее у арестанта заграбастает, не посмотрит, что зек от голода пухнет.

– Без тюрем не обойтись, тюрьмы поддерживают государственный порядок! – определил Ворошилов.

Молотов предложил отстранить от должностей некоторых особо распустившихся сотрудников в руководстве МВД-МГБ. Однако выяснилось, что Лаврентий Павлович уже сделал это. В число неблагонадежных попали целиком люди бывших министров Абакумова и Игнатьева.

– Ни для кого не секрет, что многие громкие дела у нас были надуманные, – проговорил Лаврентий Павлович. – И врачебное дело, и дело в отношении заговора в Еврейском антифашистском комитете – все липа! И дело авиаторов пустое, хватало дутых дел. Вот, к примеру, соберемся мы после заседания, сядем чай пить, и кто-то скажет – а Маленков не туда идет! А еще кто-то с этим согласится: я бы, скажет, так не делал, а делал так-то. По сталинским меркам это чистый заговор – так дела и возникали. Если какой-нибудь дворник на улице кричит, что Сталин дурак – это одно, а если крупный начальник высказывается – совсем другое. Надо подобные дела, по которым люди ни за что пострадали пересмотреть.

– И по Сталину разобраться надо, – проговорил Георгий Максимилианович. – Он допустил много перегибов.

– Сталина не марай! – отрезал Молотов. Что бы ни говорили, а он выступал исключительно за сталинский режим.

– Сталин не стеснялся убивать, – нависая своим кургузым телом над столом заседаний, заговорил Хрущев. – Убей и неубитым будешь! Вот заклятие, под которое маршировали. Правильно Георгий Максимилианович сказал – так дальше жить нельзя!

– У каждого ошибок хватает! – подал голос Каганович.

– Сталин – это Сталин! – не успокаивался Молотов.

В пронзительной тишине слышалось, как между стеклами окна настойчиво жужжит муха.

– Многое, что происходило при Сталине, надо искоренить, – продолжил свою мысль Маленков. – Первое – это культ его личности. Второе – совершеннейшее беззаконие и бесправие, возникшее при его попустительстве. СССР не лагерь, не рабовладельческое общество! Потому мы с Лаврентием и большую амнистию затеваем.

– Добренькие! – фыркнул Молотов.

– Мы сами причастны к фальсификациям и убийствам, – гаркнул Хрущев.

На Хрущеве, как и на остальных присутствующих в этих стенах, лежало несмываемое пятно расправ и смертей.

– Надо дело поправить! – заключил Маленков.

– Чтоб по-людски было! – махнул рукой Хрущев.

Молотов демонстративно отвернулся.

– Я подписал приказ о прекращении мер физического воздействия. Под пыткой человек в чем угодно сознается, – с легким кавказским акцентом произнес Лаврентий Павлович.

– Руки в крови! – глухо подтвердил Булганин. Ему тоже пришлось казнить невинных. Несколько раз он участвовал в допросах, видел, как людей без разбора мукожали. В памяти часто возникал страшный эпизод одного следствия. Замминистра путей сообщения, которого Николай Александрович знал и уважал, обвинялся в государственной измене. Курировать следствие от ЦК назначили Булганина. Когда он появился в пыточной, избитый, сломленный обвиняемый засиял от счастья – наконец-то пришел человек, который поймет, выручит, исправит роковое недоразумение! Несчастный с мольбой бросился на колени: «Николай Александрович! Дорогой! Выручай! Они делают из меня врага! Какой я враг, я не враг, ты же знаешь!» Булганин с силой оттолкнул арестованного: «Молчи, б...дь!» – выкрикнул маршал и ударил наугад, не попал никуда, да он и не хотел попадать, а бил лишь для того, чтобы трое шавокодознавателей не подумали, что он, маршал Советского Союза, связан с преступником. После этот обезображенный замминистра (его так колотили, что голова сделалась бесформенным кровавым месивом с вытекшими остатками глаз) прямо здесь, на месте пытки, был застрелен из нагана, а камеру за какие-нибудь двадцать минут до блеска отдраили от дерьма и крови приближенные к начальству зеки. Теперь можно тащить сюда следующего.

Отчеты о проделанной органами работе, точно как и отчеты по сбору свеклы или поставке мяса, подавались наверх со ссылкой на превышение плана. В каждом следующем месяце расстрелянных и осужденных становилось больше. Изувеченный замминистра долго снисся потом, преследовал. С тех пор маршал Булганин стал крепче пить и тяжелее вздыхать.

– Руки в крови! – еще раз мрачно повторил он.

– Время было такое! – буркнул безулыбчивый Каганович.

– Какое бы время ни было, оно прошло! – заключил Хрущев. – Невинных – на свободу!

– Невинных! Иди разбери, кто невинный, – скривился Каганович.

– Выпустишь, а потом страну не удержишь! – вмешался Молотов. – По-твоему, не было в партии борьбы? Не было раскола? Был раскол, и враги были! И нечего делать вид, что кругом невинные! Контрреволюция с топором над головой стояла. Враги бы нас перебить не постеснялись, но мы их опередили. Любые методы оправдывают победу!

– Начали мы за здоровье, а кончили за упокой! – вступил Берия. – На мой взгляд, переборщили с врагами. И на местах руководители перестарались, требовали от Сталина увеличения квот по первой категории, по сути сами расстреливали! С их подачи и тюремные сроки выросли.

– Хаос в стране был, банды бесчисленные. Хаос надо было переломить железной рукой! – вступил в спор Ворошилов.

– Много разных слагаемых: и за будут, и против, но в большинстве вещи творились недопустимые, я про то говорю, – продолжил мысль Маленков. – Москву и Ленинград сотрясало, но и на местах друг на друга доносы чуть ли не под копирку писались. Когда Сталин понял, что в республиках зреют независимые кадры, решил их тряхнуть.

– Кругом сидели замаскированные троцкисты! – выкрикнул Молотов.

– В этом вопросе можно много спорить, и каждый по-своему окажется прав, – возразил Георгий Максимилианович. – Сегодня мы взяли курс на демократизацию, и это понятно, не годится входить в резонанс со всем человечеством.

– Будем амнистировать! – подвел черту Берия. – У нас в тюрьмах два с половиной миллиона сидит! Освободить!

– Не перегибай палку! – протестовал Молотов.

– Если не будем огульно сажать, зеков автоматически станет меньше. У многих, к тому же, сроки заканчиваются. Все само собой образуется, без тотальной амнистии, – проговорил Ворошилов. – Мы не должны подрывать идеологические основы государства.

– Опираясь на сталинские принципы, многие годы политика выстраивалась, а это значит, что не только мы, но и страны-союзники по таким же правилам живут. Нельзя ломать систему. Система проверена временем. Хотите выпускать? Выпускайте. Но делайте в рамках существующей государственности, не сотрясая основ. Амнистия к празднику революции, ко дню рождения Ленина, Сталина, чем такой подход плох? Он совсем не плох! – доказывал Молотов. – А трезвонить о перегибах, об ошибках и под этим флагом тюрьмы открыть – что за мальчишество?! Сталина месяц как нет, а мы уже решаем все переиначить! Страну расшатывать не позволю!

– Без вины виноватые должны находиться на воле! Требую снять позорные ярлыки! – подал голос Хрущев.

– Не сомневайся, Никита Сергеевич, – прервал перепалку Берия, – Все поставим на места. Я приказал прекратить строительство ГУЛАГом бессмысленных объектов, в первую очередь строительство подземного тоннеля материк – Сахалин, который копают по дну Охотского моря. В таком тоннеле пока нет необходимости.

– В ГУЛАГе рабский труд, где человеческая жизнь ничего не стоит: одни померли, к утру других подвезут! – содрогнулся Булганин.

– Народ сильно побили! – вздохнул Микоян.

– До чего же мы докатились! – укоризненно всплеснул руками Никита Сергеевич. – Человек стал хуже вещи! Одного райкомовского начальника посадили за то, что он ходил в старых сапогах, а новые, ненадежные, хранил в шкафу. А раз он новые сапоги спрятал, а в стоптанных расхаживал, обвинили в дискредитации успехов Советской власти. Приговор – десять лет лагерей. В первый же год он на стройках ГУЛАГа сгинул. А сколько таких – не счесть!

– Вечно ты, Никита, с какой-то придурью! – насупился Каганович.

– То, что товарищ Сталин оторвался от действительности, факт! – подытожил Маленков.

– И всех нас за собой потянул! – добавил Берия. – Арестовывать так просто не будем, пытать не будем, выпускать будем! Инициативы председателя правительства поддерживаем! – за всех заключил он. – Предлагаю расходиться! – И министр демонстративно захлопнул папку.

Члены Президиума зашевелились, стали подниматься с мест. Сначала, подходили к Лаврентию Павловичу и с подобострастием прощались, потом торопились на поклон к председателю правительства Маленкову. Тот с непроницаемым видом сидел погруженный в собственные мысли.

– Не спи, Максимыч, все проспичь! – весело воскликнул Берия. Лаврентий Павлович называл Маленкова по старинке Максимычем, как Сталин. Плохо получалось у него выговаривать длинное – Максимилианович, да и зачем? Маленков засуетился, укладывая в портфель разложенные на столе документы.

Важные люди, великие – Маленков, Молотов, Каганович, Булганин, Хрущев, Ворошилов, Микоян, Бе-ри-я! Каждый из них имел право на первенство, каждый мог ухватить за хвост желанную Жар-птицу.

– И мы с тобой поехали! – Лаврентий Павлович хлопнул Хрущева по плечу. – Опять дотемна засиделись, – миролюбиво продолжал он, блистая расшитым золотом мундиром.

После смерти Сталина министр приказал подчиненным повседневно носить форму с отличиями Министерства внутренних дел и государственной безопасности, начищенную и отглаженную, чтобы вокруг понимали – кто власть.

– Раньше только по ночам и трудились, – заметил Никита Сергеевич.

– Э-э-э, брат, то раньше было!

– Значит, по домам?

– По домам! – ласково кивнул Лаврентий Павлович.

– А я думал, в кино пригласишь!

– Кино! – фыркнул Берия. – Все кино, брат, мы с тобой у товарища Сталина пересмотрели, царствие ему небесное! Ты в Москве остаешься?

– Нет, за город еду.

Взявшись под руки, они вышли из здания.

– Пройдемся?

Хрущев не возражал. Часы на Спасской башне отбили десять вечера.

– Не сомневайся, амнистию проведем! – заговорил Берия, – а шакалы заткнуться, нет больше душегуба! Правильно мы вопрос поставили – хватит крови, напились! И ты верно говорил, хвалю!

– Я как вы, – отозвался Хрущев.

– А время было гадкое и нас зацепило: ты на Украине врагов крошил, я – здесь резал. – Берия пристально посмотрел на спутника.

– Было такое, – хмуро подтвердил Никита Сергеевич.

В бытность первым секретарем Украины он каждый день подписывал расстрельные списки, каждый день по его приказу сажали. Тогда-то и забарахлило сердечко, тогда-то и стал он пропускать лишнюю рюмку – а что было делать, не ты, так тебя!

– Мы-то с тобой каемся, а от умников от наших один ответ – правильно было! Действительно, что ль, так думают? Хер их поймешь!

– Мы знаем, как было, и они знают! – проговорил Никита Сергеевич.

– Сегодня ворчуны точно спать не будут, в постелях поелозят! – злорадствовал Берия. – Видал, как заерзали? Видал хари? Каганович? Молотов? Видал?

– Видал.

– Делают вид, что все вокруг виноваты, да только не они, а почитай их резолюции – чокнешься! Не просто писали: «Согласен» или «За», а «Утопить в блевотине!», «Прикончить, как взбесившуюся собаку!», «Перерезать горло!» Вот как выражались! А один, не буду называть фамилии, тот просто чиркал – «на х...!» А теперь сидят, рассуждают.

– Согласен с вами, Лаврентий Павлович.

– Какой я тебе Лаврентий Павлович! – запротестовал министр. – Мы с тобой сто лет на ты, забыл?

– Одно дело – тогда, а другое дело – сейчас, – невозмутимо ответил Хрущев.

– Не паясничай! С Молотовым так говори. А мы – друзья, понял?

– Понял!

– С хорьками держи ушки на макушке, не со мной!

– Молотов с Кагановичем существа непредсказуемые, – выговорил Никита Сергеевич.

– С виду пушистые, как кролики, а на самом деле – удавы! – определил Берия.

Собеседники обогнули Гранавитую палату и, оставив за спиной ожидающие машины, зашагали вдоль тротуара. Над Кремлем стемнело.

– Знаешь, сколько спорили, кого на партию? Молотов четыре раза к Егору ходил, Поспелова тянул, а я на тебе настоял.

Никита Сергеевич преданно заморгал:

– Спасибо, друг!

– Не за что!

– Честно говоря, я думал, что председателем Совета министров будешь ты.

– Сам знаешь, как непросто этот пост получить!

– С тобой было бы понятней, – округлил глаза Хрущев.

– Пусть пока Егор поработает.

Наткнувшись на бескрайнюю лужу, пешеходы остановились.

– В прошлый раз сюда угодил, – припомнил Лаврентий Павлович. – Глубокая!

Хрущев преодолел препятствие по бордюрному камню, а Лаврентий Павлович совершил длинную обходную петлю.

– Им хоть черт рогатый, только бы ни я! – с раздражением, что его не пропустили в премьеры, высказался маршал. – Но я не гордый, я подожду!

Лубянский маршал остановился и громко высморкался.

– Насморк замучил! – пряча платок, посетовал он. – Лечусь, лечусь, а все болею.

– Потому что не лежишь, тебе отлежаться надо, чай с медом попить, пропотеть. Посидел бы недельку дома, – сочувственно проговорил Никита Сергеевич.

– Недельку! А где взять ее, ту недельку?

– Спасибо, Лаврентий Павлович, что ты про Хрущева не забыл, – взяв маршала за локоть, снова поблагодарил Никита Сергеевич.

– Я ж не дурак! – маршал снова стал вытирать нос. – Потерпи, сделаем тебя Генеральным Секретарем!

С Москвы-реки тянуло прохладой, Берия поднял воротник:

– Сейчас самая коварная погода.

Никита Сергеевич, закутав шею шарфом, послушно стоял рядом.

– Помнишь, как гроб к Мавзолею несли, как плакали? «Ох, Сталин умер! Ох, что же делать?» А глаза, как у волков светятся! – прошипел министр. – Слезы платком утирают, а сами от счастья ликуют, аж гадко!

– И мы радовались, – откровенно сознался Хрущев.

– И мы, и мы! – подтвердил Берия. – Но мы театрально горе не разыгрывали, всякое не изображали.

– Никому старика жалко не было, Сталин всех в вампиров превратил, – проговорил Никита Сергеевич. – А Егор, хоть и наш друг, а нос по ветру держит.

– Я его, обормота, в узде держу.

– Мне б лучше ты! – еще раз повторил Хрущев.

– Говорю, не дали бы! – со злостью ответил маршал. – Но время не за горами! Давай еще кружок, ходить полезно.

– Я каждый вечер гуляю.

– Теперь вместе гулять будем, – решил Берия.

Они начали новый круг. Лужи на дорожках смазливо кривились в неярком свете фонарей – после обеда моросил мелкий дождик. Воздух после дождя был свежий-свежий, чистый-чистый. Пахло весной.

– Дышится как! – умилился Никита Сергеевич.

Берия втянул свежесть апрельского вечера, но ароматов весны не разобрал – насморк мешал. Он переложил пухлую папку из одной руки в другую и, приблизившись к Хрущеву, произнес:

– Знай, Никита, что есть у тебя один верный друг – Лаврентий, – и он стукнул себя в грудь, – а не Молотов и не Маленков. Будем друг друга держаться!

– И ты мне верь! – ответил Никита Сергеевич.

Берия двинулся вперед, Хрущев шагнул рядом.

– Зачем доплаты парработникам срезали? Что в этом умного? Ни с тобой, ни со мной не посоветовались! Коммунистическая партия – основа основ! – возмущался Хрущев.

На прошлой неделе Маленков отдал распоряжение лишить партийных руководителей доплат в конвертах, а это были солидные деньги! Берия осенило:

– Егор так мстит. Сталину мстит, дурак недоделанный! Сталин-то умер!

Хрущев пожал плечами. Месть мертвецу казалась ему абсурдом, а вот то, что Сталин перевел полноту власти в Совет министров – неоспоримо, и в этом смысле Маленков был его верным последователем. Если б власть оставалась в партии, все бы вновь испеченные министры и зампреды правительства сидели бы Секретарями ЦК. А сегодня из крупняка в ЦК остался один Хрущев. Получалось, ему не нашлось места в правительстве.

– Скоро государственные вопросы будут решаться не в Президиуме ЦК, а в Президиуме Совета министров, – уныло констатировал Никита Сергеевич. – Значит, и от меня скоро отделаются!

– Торопится Егор! Будем работать вместе, по-честному! – прищурился Берия. Фуражка, расшитая золотом, и поблескивающее пенсне придвинулись к лицу Никиты Сергеевича. – Дог-во-ри-лись?! – растягивая каждый звук, произнес маршал.

– Договорились, Лаврентий Павлович! – не отводя глаз, подтвердил Хрущев.

– Заладил – «Лаврентий Павлович, Лаврентий Павлович»! – отозвался министр. – Я оби-жусь!

– Извини, Лаврентий! – поправился Никита Сергеевич.

– А ему, – вспомнив Хозяина, продолжал маршал, – ему друзья были не нужны, слуги нужны, рабы. Мы слугами быть не желаем. Ни у кого! Ты, Никита, на меня можешь в любой заварушке рассчитывать. А заварушки будут, попомни мое слово!

– А ты, Лаврентий, на мой счет не сомневайся! – бесхитростно заверил Хрущев.

– Если б сомневался, мы б не говорили!

Берия достал из кармана элегантный портсигар, покрытый изумительной эмалью с золотым вензелем в виде заглавной буквы «Н», нажав на сапфировую кнопку, открыл, ловко подцепил папиросу, и, похлопывая себя по карманам, извлек наружу золотое тело зажигалки, украшенной точно таким же вензелем, что и портсигар.

– Красивая вещь! – оценил Хрущев.

– Николашки, царя, – небрежно бросил министр и прикурил. – А лицемеров приструним. Много у меня на них говна лежит.

– Взглянуть бы?

– От друзей секретов нет. Мои тебе подборку подвезут, самое интересное, избранное, так сказать. Только на ночь не читай, расстроишься, а нам, Никита, надо сон восстанавливать, нервное состояние укреплять, а то после обедов у конопатого мы с тобой, хоть и крепкие ребята, все равно подох...ли! – маршал и со смаком выпустил дым.

Он, точно как Сталин, курил папиросы с душистым трубочным табаком «Герцеговина флор».

– Время все расставит на места, абсолютно все! Мы, Никита, по сравнению с заумными мыслителями ангелы. Я за слова отвечаю!

– Ну, не такие и ангелы, – возразил Хрущев.

– Пусть и не такие, но все же! – затягиваясь, излагал Берия. – Хорошо, что власть у них формальная, показушная: Совет министров, Верховный Совет – липа, а не власть! Одни громкие названия. Была бы настоящая власть, нас бы с тобой, не церемонясь, к стенке поставили! Мы бы в показательном процессе грандиозно смотрелись, не хуже врачей-отравителей, – засмеялся министр госбезопасности. – Молотов лишь подходящего момента ждет, чтобы поквитаться! Только ничего у него, хорька, не выйдет, кишка тонка!

Хрущев умел слушать, не перебивал, не отворачивался, не подавал вида, что устал, что ему не интересно, не выражал никаких отрицательных эмоций, а наоборот, заинтересованно смотрел и поддакивал, всем своим видом выражая полное согласие.

– Одним словом, пока им нас не одолеть, замахнуться и то побоятся. И Булганин, скажу по секрету, парень свой, а он армией командует! А без армии и без нас они что щенки беззубые – твякают, а кусить не умеют! – выпуская через ноздри дым, радовался Лаврентий Павлович.

– Пусть твякают! – буркнул Никита Сергеевич, показывая кулак.

– Не спугни! – остановил Берия и развернулся так, чтобы в свете фонаря разглядеть лицо собеседника. – Это как на охоте: зверя сначала выследить надо, а потом бить! – закончил маршал и после паузы добавил. – Ты на партии останешься, я Совмин заберу.

Небо было черным, неприветливым, беззвездным, и ветер, хотя уже и не холодный, пугал сырыми, липкими прикосновениями, казалось, перепутав весну с осенью.

Хрущев по разумению Берии был прямой, горячий, но не злопамятный, не опасный, ценил доверие и имел нечеловеческую работоспособность.

– Помнишь, как Егор справки Госкомстата зазубривал, чтобы Хозяину приглянуться, учебники до дыр затер? – вспомнил Лаврентий Павлович. – Сталин ликовал: «Маленков, а Маленков, скажи, сколько у нас добывают угля?» – Максимыч без запинки отвечал. «Правильно!» – восхищался Сталин. Про пшеницу спросит – и про пшеницу знал, про сталь вопрос задаст – и про сталь ответ получит, даже сколько кастрюль за год делают, помнил. Как автомат, засранец, цифрами сыпал.

Никита Сергеевич заулыбался. Он-то знал, что Маленков специально заучивал справки отраслевых министерств, чтобы блеснуть эрудицией.

– Ладно, ехать пора, дома ждут, – выкидывая в урну окурков, сказал Берия. – Перекурил сегодня. Вторая пачка кончается!

– Бросать надо.

– Обязательно брошу. Ты, брат, материалы жди.

– Буду ждать. – И вдруг Хрущев спросил: – А про меня папочку подошлешь?

Берия секунду глядел в добродушное лицо собеседника.

– Спи, друг, спокойно, про наши геройства ни одна живая душа не узнает! – Лаврентий Павлович кашлянул и протянул на прощанье руку: – Рад, что мы друг друга поняли. Звони, ежели что, обязательно звони, по любому поводу!

Берия обнял товарища и ушел. В сумеречной высоте величественно светились кремлевские рубиновые звезды, как будто воткнутые волшебником в немое, пасмурное небо. Снова разыгрался ветер, стал накрапывать дождик. Охрана распахнула над Секретарем ЦК зонт.

– Убери! – велел Хрущев. – Пройдусь, подышу. Вы за мной не ходите. У дома Правительства, на Серафимовича, ожидайте, там, где кораблики причаливают. – И, не оборачиваясь, под мелким-премелким дождем зашагал к кремлевским воротам.

Ночь плыла над Москвой, теплая, весенняя. Апрель заканчивался, земля пробуждалась.

14 апреля, пятница

Новый водитель был слишком доброжелателен, ходил, улыбался и совсем не смахивал на сотрудника Главного управления охраны.

– Смешливый какой-то! Где вы его отыскиали? – обращаясь к Букину, интересовалась Нина Петровна. Хотя Сергею новый водитель понравился, ей он представлялся хитрым, двуличным. Жена Хрущева держалась с ним настороже, она редко ошибалась в людях.

– Рекомендации превосходные. Если скажете, заменим! – отрапортовал прикрепленный.

– Да нет, не надо, – решила Нина Петровна, подумав про себя: «Заменят и пришлют еще большее недоразумение, пусть лучше пока этот ангелок улыбается».

Литовченко попал к Хрущевым случайно. Его намечали водителем на вторую машину охраны к Маленкову. Четыре месяца лейтенант провел на полигоне, где вдрызг разбил с десяток автомобилей, но экзамены по экстремальному вождению сдал, потом тренировался с личниками, они каждые полгода проходили переподготовку по стрельбе и рукопашному бою. Здесь-то его и приложили, да так, что неделю пришлось провести в госпитале, а потом, в течение месяца, он показывался врачу. По этой причине в маленковское сопровождение Николай не попал. В гараже на Большом Каретном его посадили на разгонный «ЗИС», под обслуживание правительственных делегаций, где старший лейтенант (теперь Литовченко стал старшим лейтенантом) и закрепился. Покатал он по Москве болгар, отработал с поляками, две недели возил жену руководителя Венгрии Матиаса Ракоши, и тут срочно понадобился водитель молодому Хрущеву. Никто из ребят пересаживаться с «ЗИСа» на «Победу» не хотел, ведь на маленькой машине водитель терял в зарплате. Но Литовченко не стал отказываться, и в результате не прогадал: стоило ему попасть в штат к охраняемому лицу первой величины – получил очередное звание. А раз стал он капитаном, то и заработок вырос, и погоны с лишней звездочкой появились. С Сергеем Никитичем отношения сложились, ему капитан сразу понравился – не заносчивый, доброжелательный, абсолютно нормальный. От одного воспоминания о красномордом Иване Клементьевиче Сергея передергивало.

25 апреля, суббота

– Скажи, Нина, простят меня люди за мои злодеяния? – лежа в кровати с открытыми глазами, прошептал Хрущев и крепко сжал руку жены.

– Простят, Никита, простят!

– Не могу спать, мучаюсь, страшно! Очиститься хочу и боюсь, – вздрагивал он.

– Ты не бойся, Никитушка, люблю тебя!

– И я тебя люблю, моя родненькая!

27 апреля, понедельник

Последние недели Никита Сергеевич все больше пропадал в Центральном Комитете на Старой площади, отняли его от Москвы, завалили общегосударственными вопросами. Но разве Москву-матушку на произвол судьбы бросишь, в чужие руки отдашь? Не отдашь, не получится. Когда Никиты Сергеевича в горькоме нет, товарищ Фурцева за Москву перед ним ответственная и неограниченной властью наделена. Красивая женщина, как с картинки, высокая, ухоженная, в юности район на соревнованиях по гимнастике представляла. А теперь – большое начальство, руками не дотянуться, не то что дотронуться! А как посмотришь – глаз не оторвешь, все на месте – и ножки точеные, и, извиняюсь, попка, и грудь высокая, как у выпускницы, и головка в игривых локонах. С виду вроде актриса, так нет – второй секретарь Московского городского комитета партии! Страшновато становится. Никому Екатерина Алексеевна не подвластна, один Никита Сергеевич над ней царь и Бог. Злые языки поговаривали, что не случайно зеленоглазую красавицу с обворожительными формами Никита Сергеевич приблизил, могучую власть дал, но майор Букин на расспросы с непрозрачными намеками прямолинейно отвечал: «Врут злые языки, ничего между ними нет!» А Букин от Хрущева ни на шаг, он-то наверняка знал, как там на самом деле. А если и слишком молодая она в руководстве московском, так что здесь плохого? Значит, смысленная, и даже хорошо, что такая нашлась: и к молодежи будет ближе, и женщинам в Москве внимания больше получится.

Никита Сергеевич приехал на совещание торговых работников, которое запланировали еще полгода назад. Когда Хрущев появлялся рядом, Фурцева ликовала, просто светилась – может, и вправду была в него влюблена? Они сели рядом. Периодически Никита Сергеевич что-то шептал ей на ухо.

Уже выступило несколько человек, но совещание шло пресно, формально.

– Жуют, жуют! – недовольно поморщился Хрущев, и глядя на докладчика, громко произнес: – Вы садитесь, мы вас поняли! Можно, товарищи, теперь я скажу?! – и стал подниматься с места.

Зал заплодировал.

– Я товарищи, выступать не собирался, но от скуки чуть не заснул. Зачем мы совещания собираем? – он уставился в зал. – Я вам отвечу: собираем для того, чтобы острые вопросы поднять, обсосать их. А тут не то что обсосать, тут вздохнуть боятся! План выполнили, рапортуют, следующий – перевыполним! Обещают объемы поднять, обеспечить всем на свете, и дальше в том же духе – как заезженная пластинка! А торговля не заезженная пластинка!

– Если порассуждать, работник торговли – человек в государстве номер один: от его выдержанности, внимания к людям, вежливости зависит настроение, с которым покупатель уйдет из магазина. А куда он уйдет? Домой, на производство, на свидание. Получается, что торговый работник напрямую причастен к тому, что происходит в стране. Тут многие руководители сидят и друг другу поощрительно кивают! Похвалить – это мы всегда хвалим, а вот о недостатках в лицо сказать часто стесняемся. Значит, придется мне говорить. В старое время существовал рассказ про солдата, который пошел в лавку купить сало, а вместо сала купил мыло. Принес он это мыло домой, а дома ему говорят: «Раз деньги заплатил, ешь мыло!» По этой поговорке: «Раз стоит денег, так ешь!» нам торговать не годится. Хочу заострить вопрос на качестве товара, и в первую очередь я говорю про овощи! Надо добиться, чтобы под видом свежих овощей не попадали на прилавки лежалые, испорченные. Надо продавать качественный товар, а не побитую дрянь! Что это за пренебрежительное отношение к человеку, мол, все съедят?! Конечно, будут брать дрянные помидоры и платить за них деньги, если других нет. Надо покончить с бескультурьем!

Как-то я поинтересовался – где начальник, который занимается продовольственным снабжением Москвы? Мне ответили, я дословно не помню, вы можете поправить, если напутая: или в Кисловодске, купается в кислых водах, или в Сочи, распаривается под лучами нашего замечательного кавказского солнышка. Отдыхает, одним словом. А тут, в Москве, аврал, надо заготавливать на зиму огурцы, помидоры, картошку, другие овощи, а начальник, который отвечает за это дело, видите ли, изволил уехать и там себе прохлаждаться!

Хрущев отыскал глазами начальника Плодоовощторга.

– Про вас говорю! Что я сегодня услышал? Услышал, что капусту в Москву в достаточном количестве завезли. Дорогой товарищ Федоров, если мы вас посадим на такой рацион – утром капуста, днем капуста, вечером капуста, сегодня капуста, завтра капуста, послезавтра капуста, что вы скажете через месяц? Одуреете вы, вот что! – Хрущев зло посмотрел на нерадивого руководителя. – Капусту завезли, говорите? Пойдите посмотрите, какую капусту вы людям даете, посмотрите на качество этой капусты! Стыдно должно вам стать, товарищ Федоров! Сообщи он так же, сколько капусты на зиму в засол пойдет, цифрами хвастался. Я как-то приехал на овощную базу и наткнулся как раз на квашеную капусту. «Это что за капуста?» – спрашиваю. «Квашеная», – отвечают. «Хорошая?» – «Очень хорошая». А капуста уже три года киснет, уже черной стала, заплесневела, и не выкидывают ее только потому, что по учету капусты будет числиться меньше! От этой капусты блохи дохнут! Совести у вас нет, вот что! – Никита Сергеевич махнул в сторону Федорова рукой. – Отдельно вами займемся!

– Теперь остановлюсь на продаже готового платья. Вы помните, в газетах был помещен фельетон о девушке и молодом человеке, которые познакомились на курорте, лежа на берегу моря. Они с первого взгляда полюбили друг друга, но когда девушка надела платье от фабрики «Москвошвей», молодой человек не захотел и смотреть на нее – так обезобразила студентку одежда. Покупатель хочет светлое – ему дают темное, он хочет в полоску, ему подсовывают гладкое. Это странно, мягко говоря! Мне как-то пришлось видеть, как парнишка выбирал пиджак. Он утонул в этом пиджаке, но продавщица уверяла, что пиджак в самый раз. К счастью, паренек его не взял. Товарищи, дорогие, обратите на мои слова внимание!

Фурцева что-то поспешно записывала в блокнот.

– Теперь следующее. Передо мной, а я думаю, и перед вами прямо-таки острее острого стоит вопрос – какую продукцию мы доводим до потребителя? К счастью, тут собрались представители многих московских предприятий. Я выбрал некоторые вещи, которые продаются в торговой сети, и хочу их показать.

– Петя! – Никита Сергеевич поманил пальцем помощника. Демичев, прихватив объемную сумку, поспешил к столу президиума совещания.

– Чтобы вы не гадали, – роясь в сумке, проговорил Никита Сергеевич, – сразу подскажу, начнем мы с суповой ложки.

Никита Сергеевич выставил ее перед собой.

– Издали вроде ложка как ложка. Только такой ложкой суп есть нельзя, потому что она абсолютно плоская. Как такой есть? Не издевательство ли?

Он достал второй образец.

– А это цыпленок, игрушка. Так на этикетке написано. Эта игрушка специально для того сделана, чтобы детишек пугать. Если ночью приснится такой цыпленок, ребенок вздрагивать будет! Не знаю, что нужно сделать тому, кто такое делает, да и тому, кто эту дрянь берет за продавать! Я прихватил с собой зеркальце, прищепку для белья, куклу, тоже для распугивания детишек предназначенную. Весь мой багаж вы собственными глазами узрите, подержите в руках.

Хрущев опять покопался в сумке.

– Вот пуговица. Ее, понятно, плохо видно, но не сказать про нее не могу. Металл затрачен, время затрачено, люди работали, портили вещь! Почему пуговицей ее обозвали, непо-

нятно – дырочка для пришивания у нее одна. Как ее пришить? Нельзя дальше терпеть такие безобразия! Качество товара решает дело, а вы гонитесь за количеством, наряды закрываете. Вопрос не в речах, не в обещаниях, а в добросовестном труде, в том, чтобы действительно организовать работу и изготовить стоящую вещь. Завод имени Дубова выпускает утюги, которыми совершенно невозможно пользоваться, вместо ручки в утюг ввинчено неудобное кольцо. Что за отношение?! И еще цены. Свистопляска с ценами. На одном конце улицы три рубля вещь стоит, на другом та же вещь – уже пять. Разберитесь! – Хрущев посмотрел на городское руководство. – А не то прокуратура разберется.

А мебель? Вы уж извините, мебель сюда я на горбу приволочь не смог! После войны мы хотели всех усадить, чтобы не стоя, а сидя люди могли покушать, стульев не хватало. Усадили, решили проблему. Красотой тогда мебель не отличалась, делалась просто. Сегодня людям хочется комфорта. Настал черед удовлетворить эстетические чувства человека, а мы – пугаем. Что о нас скажут? У виска пальцем покрутят, получив такую пуговицу, или такую ложку, или стул, на который сесть опасно! Слышу, сидят, возмущаются – деды наши лучше делали! Да какой ты внук, черт тебя возьми, если деды хорошие были, а внук безрукий?! – прокричал Хрущев. – Исправляйтесь, хватит плыть по воле волн!

В зале захлопали.

– Подождите хлопать, подождите! – замахал Хрущев. – И конечно, я не могу смолчать об общественном питании. Там работают такие нахалы, которые перешли все границы! Хозяйки знают, что значит варить суп на пять человек, а если вдруг нужно накормить семь, то чуть разбавят суп водой. Если к вам случайный гость заглянет, вы ему в супе не откажете. А жулик в столовой что делает? Одну четвертую он кладет по сговору с другими жуликами в свой котел, и масло туда кладет, и мясо забирает, и овощи себе откладывает, только про воду забыл, но ее и так в избытке. Это еще хорошо, если одну четвертую сопрет, некоторые умудряются ухватить половину! Знаете, в песне поется о диком утесе на Волге, который мохом оброс? Если есть такой утес в торговой организации – руководитель, которой мохом оброс, так надо с него не мох снимать, а вместе с мохом, к чертовой матери, выдирать и выкидывать!

В зале раздался смех и аплодисменты.

– Некоторые могут сказать – вот Хрущев разошелся, смотрит через такие очки, что в торговле одни жулики. Нет, не одни. Но ведь как получается: если человек ходит около угля – одно дело, а если около меда – совсем другое. Один старается закрыть рот, чтобы пыль угольная не попадала, а тот, что у меда, если язык высунет – не обожжется!

1 мая, пятница

Май! Все пронизано его светом, его музыкой: воздух, солнце, улыбки. Звенит май, разливается, как полноводная река, щебечет лаской, ластиться и завораживает. Незъяснимое притяжение рождается между сердцами – между мужчиной и женщиной. Чувства полны нежности, жизнь – величием. Но не всегда май в России был беззаботен, май в России месяц исторический, изменивший судьбу великой страны. В мае в полный голос прозвучали разговоры о свободе, равенстве, величии человеческой души, непримиримости к рабству, насилию, несправедливости, и собирались люди, и ругали прогнивший царский режим, и гордо поднимая голову, шли на баррикады! Было это пятьдесят лет назад, тогда май превратился в месяц кровавых стачек и забастовок.

После Социалистической революции, когда власть отняли большевики, Первое мая сделали праздником государственным, назвав Днем международной солидарности трудящихся. Но не только притягательной весной и стремительным революционным порывом знаменит Первомай, первого мая стали неофициально праздновать Великую Победу. Нацистская Германия подписала капитуляцию в ночь с восьмого на девятое, и Красную площадь, все советские города, раскрасили праздничные огни салюта – победители ликовали! Но Сталин не спешил увековечить всенародное празднование. Кто-то утверждал, что он специально влил военное торжество в весенний праздник революции, не хотел, чтобы народ расхолаживался, получив длинные выходные; кто-то осторожно намекал, что генералиссимус не намерен делить лавры победы с полюбившимися военачальниками: ни с Жуковым, ни с Рокоссовским, хотелось вождю, чтобы поскорей забыли о прославленных полководцах, и скоро оказались легендарные маршалы далеко от Москвы: Жуков – в Берлине, Рокоссовский – в Варшаве; даже лубянского командира Берия удалили из силовых структур. Возжелал правитель, чтобы лишь его слава гремела «от Москвы до самых до окраин!», чтобы один он сиял на небосклоне! Но, как ни старался Иосиф Виссарионович, Первое мая сделалось всенародным Днем Победы.

В этот святой день горячими слезами оплакивали убитых и пропавших без вести. На улицах целовались, смеялись, чокались полными рюмками, вспоминали былое. Война была долгой, мстительной, коварной, страшной, проклинающей. Такие раны долго не заживают, долго кровоточат. Миллионы жизней были искалечены. У кого-то не стало отца, у кого отняли брата, мужа, возлюбленную. Кто-то остался один-одинешенек, выкарабкавшись на истерзанный берег быстройтечной, подаренной Господом жизни. Улицы наполнились калеками, беспризорниками, непосильным трудом, но трудовая усталость была в радость: день изо дня, упрямо, с утра до ночи, люди, как каторжные, разгребали завалы, растаскивали обломки, запускали заводы, открывали школы, чинили дороги, мосты, ремонтировали железнодорожные пути, строили жилые дома. Страна была до неузнаваемости изломана войной, многие города существовали лишь на бумаге. Но прошло каких-нибудь восемь лет, и до всего дошли руки, разгладили увечья, согрели, преобразили. Победители стали сплоченнее, напористей, крепче, точно заново начали жить. С утра до ночи трудились и взрослые, и дети, и инвалиды, все, кто мог держаться на ногах, да и те, кто не мог держаться, даже безногие, безрукие старались помогать. И так – неделя за неделей, месяц за месяцем, без передышки, с упорством, с огоньком. И сегодня, с бесконечной радостью, народ встречал самый дорогой, самый желанный праздник, праздник Великой Победы. Славим этот священный день! Наконец на земле мир! Не будет больше войны, не будет насилия, голода, слез, кончился ад, повсюду ликует весна!

В день этот во всем находишь радость – в улыбчивых лицах, в словах, во взглядах, в бесконечной синеве неба, в восторженном майском солнышке, в пронзительном чириканье птиц, в ласковом ветерке, в беспредельной молодости прохожих, в каждой мелочи! А тепло сегодня – точно лето настало. Люди разделись, встрепенулись, очнувшись от суровых холодов, распусти-

лись, словно долгожданные подснежники на весеннем припеке. Как хороша жизнь! Рыжий кот лениво жмурится на крылечке. Жарко. Давненько такого дивного мая не выдавалось. Кустарники, как по команде, выбросили вверх остроконечные зеленые листочки, деревья распушили изогнутые ветви, подставляя растопыренные побеги под лучезарное майское тепло. Первая зелень раскинула над миром изумрудный шатер и опьянила. Ноги не стоят, пританцовывают, несут вперед! Май царствует в каждом доме, в каждом дворе, в каждом сердце!

Здравствуй, Май!

В десять часов начнется парад на Красной площади. Вчера состоялся серьезный разговор с Фурцевой – пришлось своего второго секретаря, исполнительную и смышленную Екатерину Алексеевну, поругать – плохо Москву к празднику подготовила.

– Улицы в городе украсили, точно курица лапой! Впопыхах, что ль?! – сердился Хрущев. Не любил Никита Сергеевич ничего наспех, не привык халтурить. – Надо богаче, ярче надо! Чтобы духовые оркестры на площадях зычной музыкой ухали. Надо, чтобы Москва нарядной была, чтобы людям радостней становилось! Чтобы буфеты работали, и не только тарань да пиво раздавали, но и конфеты для детишек находились, пусть сосалочки, но обязательно должны конфеты быть! И чтоб с ценой торгаши не баловали! – выговаривал московский секретарь. – У тебя, Катя, день впереди, так что действуй!

И еще Никита Сергеевич велел на Красную площадь сына Сталина не пускать. Накануне об этом они с Лаврентием Павловичем условились.

– Праздник пройдет, тогда пусть едет куда заблагорассудится. Пропуск у него на автомобиль отбери, чтобы в Москву хулиган не прорвался.

А без пропуска никакая машина в Москву въехать не сможет, ни «ЗИМ», ни «Победа». Не положено в праздник без пропуска.

Что ни день, Василий в нетрезвом состоянии за рулем раскатывал, общался с разнообразными людьми и без зазрения совести крамолу лепил – будто бы отца его, товарища Сталина, соратники отравили. Когда Никита Сергеевич о поведении Василия Булганину рассказал, тот со злостью отмахнулся:

– Мудак Васька, допрыгается! Но я звонить ему не стану, не хочу с пьяницей разговаривать!

Хрущев тоже не имел желания звонить. Василий, если был пьяный, мог сходу послать, а если сидел трезвый, то, напившись, все равно бы понес по матери и наверняка сделал наоборот, никаких советов, никаких доводов не послушал, переиначил любой разговор. Никита Сергеевич позвонил его сестре Светлане, попросил приехать на парад. Накануне он отослал ей официальное приглашение, а от себя лично отправил поздравительную открытку. Светлана разговаривала выдержанно, не враждебно, можно сказать, любезно. На последнем Президиуме Хрущева обязали поддерживать контакты с семьей Иосифа Виссарионовича. Никто из старой гвардии не горел желанием общаться с родственниками Сталина – за долгие годы они у каждого в печенках сидели, особенно Василий со своими пьяными выходками. Через силу сняв трубку, Хрущев все-таки набрал Василия. Он хотел уговорить, урезонить враждебный пыл разнузданного сталинского отпрыска, призвать к порядку. На звонок никто не ответил. Через пятнадцать минут Хрущев набрал снова.

– Нету! – покачал головой Секретарь ЦК.

Никита Сергеевич распорядился выставить у его дачи милицейский пост и до двадцати часов Василия в город не выпускать.

Надев ордена, медали, фронтовики собирались группами: Первый Белорусский фронт, Второй Белорусский, Брянский, Центральный, Южный, Западный, Северо-Западный, Сталинградский, Четвертый Украинский, Третий, Второй, Воронежский, Закавказский, Первый Прибалтийский, Калининский, Ленинградский... Одни герои толпились у стадиона «Динамо», кто-то шел к Большому театру, кому-то назначили встречу на площади Маяковского. Повсюду

ордена, погоны. Сколько радости, сколько слез! Хрущев тоже хотел надеть форму, награды, но передумал – как-то несолидно будет смотреться низкорослый генерал-лейтенант на трибуне Мавзолея по соседству с героическими маршалами.

С раннего утра Никита Сергеевич сидел в горькоме. Почти восемь лет провел он за этим столом. Хрущев успел полюбить Москву, ему нравилась столица, ее неутомимый бег, чопорность, многолюдность, напыщенность, нахальство и сердечность. Он начал жить Москвой – каждая улица, каждый проспект, бульвар, сквер, площадь сделались ему дороги.

На парад он решил выдвигаться без двадцати десять, чтобы появиться к самому началу – зачем слоняться в Кремле попусту? Лучше за пять минут, обменявшись рукопожатиями с членами Президиума, занять место в цепочке руководителей и шагнуть на Мавзолей. Раньше Никита Сергеевич приезжал в Кремль загодя. Несколько раз маршрут обойдет, проверит каждую мелочь, с кем положено переговорит, убедится, что к мероприятию готовы, и с легким волнением ожидает появления самого. Сейчас Хрущев мог позволить себе приехать тютелька в тютельку.

Практически у всех членов Президиума, с которыми Хрущев поднимался на трибуну, имелись собственные кабинеты или квартиры в Кремле. Кремлевским обитателям не надо с бешеной скоростью мчать по улицам, беспокоиться, что по какой-то неведомой причине возможна задержка, и это весомое обстоятельство, в глубине души терзало хрущевское самолюбие. Чем он хуже?! Почему должен, как сирота, ожидать товарищей при входе в подземный туннель, ведущий на Красную площадь, или неизменно хлестать чай, навестив кого-нибудь из кремлевских оракулов, дожидаясь вальяжного приглашения: «Пошли!» А он кто, шавка?!

Без двадцати десять Секретарь ЦК поднялся из-за стола. Когда часы показали без пятнадцати, водитель зарулил в Кремль. Никита Сергеевич вылез из машины, одернул пиджак, собираясь проходить в Ореховый зал, из которого специальным подземным переходом члены Президиума и военачальники попадали в Мавзолей, как сзади раздался оклик:

– Хрущев!

Никита Сергеевич обернулся. На тротуаре в сопровождении помощников и провожатых стоял первый заместитель председателя Совета министров, министр иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов.

– Привет, Никита! – поздоровался он и добавил, – Сергеевич.

– Здравствуйте, товарищ Молотов!

– Мы с тобой без опоздания?

– Без опоздания.

– Я смотрю, охрана у тебя увеличилась? – оглядывая хрущевский «ЗИС» и два «ЗИМа», которые ходили в сопровождении, отметил Вячеслав Михайлович. – Растем, Никита Сергеевич!

– Я не просил.

– Ну, идем, идем! – миролюбиво пригласил Молотов и еще раз оглядел хрущевские машины и коренастых сотрудников Главного управления охраны, которые слонялись по тротуару.

В овальном зале, отделанном ореховыми панелями, было тесно. Маленков, Булганин, Каганович, Ворошилов, Микоян, Суслов, кандидаты в члены Президиума, Секретари ЦК, маршалы и адмиралы, кучкуясь, переговаривались, поглядывая на входные двери.

– Вот и мы! – громко возвестил Молотов. – Все в сборе?

– Лаврентия Павловича нет, – понизив голос, предупредил Маленков. – Ждем, едет.

Молотов подошел к Ворошилову. Маленков продолжал разговор с Булганиным, Каганович что-то объяснял Микояну. Никита Сергеевич остался стоять посреди зала, оставленный всеми, и даже Верховный судья Волин, появившейся завизировать у Маленкова документы, отодвинулся от Московского секретаря, пытаясь найти собеседника поважнее.

– Приехал! – выкрикнул стоявший в дверях Главный маршал авиации Голованов.

В зале произошло движение. Кто-то сделал шаг назад, кто-то вперед, кто-то в сторону. В одно мгновение присутствующие выстроились во фронт и застыли.

Берия был одет в штатское, как и положено заместителю председателя правительства.

– Здравствуйте, товарищи! – с порога бросил он.

– Здравствуйте, Лаврентий Павлович!

– Здравствуйте, товарищ Берия!

– Здравия желаю! – громко, чтобы как следует показаться начальству, отвечали бодрые голоса.

Собравшиеся заискивающе улыбались, пытаясь подольше удержаться под прозорливым взглядом.

– Время? – поинтересовался Берия.

– Без пяти десять! – отпартовал Каганович.

– Веди, товарищ Маленков! – распорядился Лаврентий Павлович, хлопая по спине премьера.

Председатель правительства двинулся первым. За ним шел Берия, дальше – Булганин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян, остальные члены и кандидаты в Президиум ЦК. Хрущев с маршалом Жуковым пристроились перед группой военачальников. Внезапно Берия остановился и спросил:

– Где Хрущев, почему не вижу?!

Народ остолбенел.

– Здесь я, Лаврентий Павлович! – откуда-то сзади отозвался голос.

– Идите к нам! – велел Берия. – Пропустите Никиту Сергеевича!

Присутствующие, как по команде, расступились.

– Пожалуйста, Никита Сергеевич, проходите! – приглашал один.

– Вот он идет, Лаврентий Павлович! – докладывал другой.

– Сюда, Никита Сергеевич! – услужливо прогундосил кто-то из военных.

– Теперь пошли! – скомандовал Берия, когда Хрущев оказался рядом.

Красная площадь сверкала, как юная заря, казалось, что флаги и знамена реют повсюду! Здание ГУМа было затянато кумачом, с которого внимательно взирали величественные, в высоту здания, лица вождей революции – великого Ленина и великого Сталина. Огромные декоративные гвоздики, нарядные красные ленты, банты, многочисленные транспаранты, броские лозунги – все это великолепие, окрыленное мелодиями победоносных маршей, сверкало праздником, радостью, утопая в улыбчивой восторженности лиц. При появлении на трибуне Мавзолея высокого руководства по всей площади прокатилось оглушительное «ура!». Тысячекратно усиливаясь в репродукторах, в исполнении сводного военного оркестра Министерства Вооруженных Сил грянул государственный гимн, все замолкли, вытянулись, слушая до слез знакомую мелодию.

– Союз нерушимый республик свободных... – чуть слышно пел Лаврентий Павлович.

Ему вполголоса подтягивали Маленков и Каганович:

– Сплотила навеки Великая Русь...

Парад начинался. На Мавзолее Ленина – Сталина, по самому центру, с благожелательной улыбкой застыл лоснящийся довольством и высокомерием Берия. Давно он не ощущал себя таким могучим и окрыленным, как в этот весенний день. Справа от него стоял надутый председатель советского правительства Маленков, слева бесхитростно улыбался лопухий Никита Сергеевич. Остальные руководители, чинно распределившись по сторонам, выглядели тоже очень солидными и счастливыми. Москвичи и гости столицы заполнили пространство со всех сторон. Внезапно появившиеся на трибуне Мавзолея школьники-пионеры с красными галсту-

ками на ше, вручили высшему руководству Родины букетики цветов, а взамен получили по коробочке шоколадных конфет и ласковые поцелуи.

– Раста счастливо, дочка! – обнимал белокурую пионерку седовласый Климент Ефремович Ворошилов.

Хрущев потрепал по кучерявой головке румяного пацаненка и протянул ему перевязанную ленточкой коробочку:

– Спасибо, дядя! – ответил мальчик. Он не совсем знал, кто дарит ему конфеты.

Маленков расцеловал паренька-крепыша, который, получив подарок, отдал председателю правительства задорный пионерский салют.

Манежная площадь и улица Горького были заполнены военной техникой. Раздались последние команды, и боевые колонны двинулись вперед.

Военный парад и нескончаемая демонстрация трудящихся, в которой принимали участие работники каждого московского завода, каждого городского предприятия, жители московских районов и пригородов, продлились три с половиной часа. Услужливый комендант Кремля, тенью появляясь на Мавзолее, предлагал первой пятерке раскладные стульчики, на которых можно было сидеть практически стоя. Со стороны казалось, что человек стоит, а на самом деле он сидел. Главное, чтобы стульчик соответствовал росту и комплекции седока, а то можно было не взобраться на сиденье, а хуже – свалиться. Раньше таким удобным стульчиком пользовался исключительно Сталин, остальные покорно топтались на месте, а потом упрямо массируют заиндевшие икры и голени, ноющие от перенапряжения. Берия и Маленков сразу устроились на стульчиках. Председатель Верховного Совета Ворошилов и министр Вооруженных Сил Булганин тоже свои оседлали. Молотов, сопя, подобравшись на носочках, все-таки втиснулся на неудобное сиденье. Но комендант Кремля почувствовал промах – по правую руку от Лаврентия Павловича оказался Никита Сергеевич, а стул Хрущеву не изготовили, распоряжения такого от товарища Маленкова не поступило. Сориентировавшись, комендант вынес для Никиты Сергеевича уже проверенный, конечно не новый, но надежный сталинский стул.

– Специально для вас, Никита Сергеевич! Этим сам Иосиф Виссарионович пользовались.

– Спасибо, я пешком! – отказался Хрущев.

– Давай сюда! – выхватывая стул, зло приказал Каганович.

Одним махом он занял раскладное сталинское место и с неприязнью посмотрел на неуклюжего Хрущева.

Сердце Никиты Сергеевича неистово колотилось. Последнее время оно все чаще давало о себе знать, барабанило, кипятком обжигало грудь, предупреждая – скоро не выдержу, скоро сорвусь. Глоток терпкого глинтвейна успокоил бегущий ритм и помог дстоять демонстрацию. По ее окончании Маленков, опустившись сапогами на гранитную землю, не мог ступить шага и чуть не упал. Вся задница и ноги у него онемели от неудобного долгого сидения.

– Ничего не чувствую! – ухватившись одной рукой за гранитный парапет, а другой – за расторопного коменданта Кремля, проворчал он.

Бережно поддерживая председателя правительства, комендант Кремля осторожно прошел с Георгием Максимилиановичем самые трудные четыре шага, потом, слава Богу, ходьба пошла веселей.

– Весь зад отсидел. Ну стулья! – прихрамывая, жаловался Маленков.

– Расходитесь, – сюсюкал предупредительный Брусницын. – Иосиф Виссарионович на стульчик никогда не ругался.

Сразу после парада Берия уехал, пообещав к восемнадцати быть в Георгиевском зале, где давали государственный прием.

– Василий с дачи сбежал, – сообщил Хрущеву Букин.

– Как сбежал? – остоленел Никита Сергеевич.

- Уехал.
- А пост?!
- На чужой машине удрал. К нему динамовский вратарь Алексей Хомич заезжал. Василий на заднем сиденье его «Победы» пристроился и плащом накрылся.
- Вот ротозеи, неужели такой простой хитрости предвидеть не могли?! Куда он поехал?
- Неизвестно, – потупился Букин.
- Сейчас напьется и наделает делов! Когда разыщут, чтоб глаз с него не спускали! Спасибо на Красную площадь пьяный не приперся, вертеп перед иностранцами не учинил! Все-таки надо мне с ним поговорить! – мрачно заметил Никита Сергеевич. – А Светлана что?
- Светлана Иосифовна в порядке, все тихо, культурно. На парад приходила, ни с кем особо не разговаривала. С министром путей сообщения поздоровалась, и с товарищем Фурцевой пару слов...
- Светланка обстановку понимает, а этот вертопляс! – с сожалением махнул Хрущев. – Ладно, ищите дурня!
- Бериевские уже ищут, – отрапортовал Букин.
- Эти найдут! – вздохнул Никита Сергеевич. – Нам, Андрюша, к шести надо в Кремль вернуться.

- Зачем я с тобой поеду? Не хочу, сам поезжай! – спорила с мужем Нина Петровна.
- Нужно, Ниночка, нужно! Этот прием для нас важен, первый прием без Сталина, понимаешь? Хочу, чтоб обязательно ты со мной пошла.
- Нина Петровна хмурилась.
- И надеть что, не знаю.
- Тебе все хорошо!
- Нет, Никита! Там женщины будут красивые, в дорогих нарядах, в украшениях, а я?
- Ты у меня самая любимая и самая красивая! – беря жену за руку, приговаривал Никита Сергеевич.
- Скажи, что надеть? Вот это темное платье подойдет?
- Подойдет.
- У меня, Никита, ни серег нет, ни колец! – вздыхала Нина Петровна.
- Да кому они нужны, кольца! Мы же на праздник солидарности трудящихся идем, а не на смотрины! – развел руками Никита Сергеевич.
- Есть у меня брошка с жемчугами, ты на тридцатилетие подарил, помнишь? Может, ее надеть?
- Надень! – согласился супруг. – Иди, я тебя поцелую, моя родненькая!
- Он обнял жену и бережно, как любимую дочку, поцеловал.
- Значит, едем? – Глаза его светились.
- Нина Петровна больше не сопротивлялась.
- Как на параде было? – спросила она.
- Как обычно, только порядка нет. Я имею в виду не сам парад, а нас на правительственной трибуне. Неясно, кто теперь главный. Всем понятно, что главный Берия, но каждый подразумевает, что вроде и он главный.
- И ты так думаешь?
- Ничего я не думаю! Я работаю, ты ж меня знаешь. Может, мне темный костюм одеть?
- Надевай. Давай-ка Люба его прогладит, и ботинки возьми новые, лаковые.
- Будем с тобой как принц с принцессой! – глядя в зеркало и приложив к груди пиджак, заулыбался Никита Сергеевич.

Кузнецкий мост был оживленной улицей. Пьянящего Василия Сталина под руки вывели из ресторана «Берлин», с огромным трудом посадили в легковую машину МГБ, окна которой были наглухо зашторены, и повезли за город.

– Куда везете, б...ди? – промычал генерал. – Арестовали?!

– Успокойтесь, Василий Иосифович, домой везем.

– Убить меня захотели, как отца?! Не выйдет! – попытался вырваться Сталин. – Сейчас вас отпи...жу!

Офицеры железной хваткой зажали хулигана с двух сторон.

– Сидите тихо, товарищ генерал!

Василий Сталин слюняво всхлипывал.

– Пустите, пустите, гады! Ну, пустите, пожалуйста!

– А вы драться не будете?

– Не буду.

– Обещаете?

– Обещаю.

Сопровождающие ослабили хватку, в этот момент генерал изо всех сил рванулся, пытаясь вывернуться. Одна рука его высвободилась, и он с размаха въехал кулаком по затылку водителя. Водитель потерял сознание. Оставшись без управления, машина стала уходить вправо, на полном ходу ударилась о тротуарный бордюр, отскочила, в нее с визгом врезался шедший в крайней полосе грузовик. «ЗИМ», теряя скорость, перескочил гранитный парапет, наскочил на вековую липу, мотор забухтел и затих. Василий Сталин сумел освободиться и, метнувшись в распахнувшуюся при ударе дверь, побежал вдоль дороги.

– А-а-а-а!!! – орал он, убегая в расстегнутой шинели. – А-а-а-а!

Когда его снова схватили, заволокли в машину и крепко стянули руки ремнем, он уже не ругался. Под глазом у генерала наливался лиловый синяк, сукровица кровавыми соплиями сочилась из распухшего носа.

– Пришлось е...нуть, а то бы ушел, – извиняющимся голосом пробормотал капитан госбезопасности, обращаясь к начальнику.

– Правильно сделал. У нас приказ – задержать!

– Доберусь до вас, до волков, тогда попляшете! – угрюмо грозил пьяный Василий Иосифович. Голова у него кружилась.

– Сиди, молчи! – зло сказал майор.

– Скажу отцу... – выдавил Василий.

– Отцу! – ухмыльнулся майор и тихонько dokonчил: – На том свете скажешь!

Генерал неудачно плюнул, коричневая от крови слюна раскисала на лацкане парадного кителя.

– Волки бериевские...

Машины Хрущева пронеслись по Арбату, выскочили к дому Пашкова и с нарушением правил дорожного движения, оставляя по правую руку Большой Каменный мост, въехали в Спасские ворота Московского Кремля. Регулировщики в белоснежных парадных рубашках взяли под козырек.

– Вот мы и в Кремле! – обнимая жену, проговорил Никита Сергеевич.

Десятилетиями в Кремле не делался ремонт, но Георгиевский зал выглядел торжественно и величаво. Парадность зала поражала – высоченные вызолоченные стены терялись в стремительной легкости сводчатого потолка. Гармоничность пространства подчеркивали невесомо парящие над головой, искрящиеся хрусталем золотые купола люстр. Небывалая свежесть воздуха при таком плотном скоплении людей была приятной неожиданностью. Умели же цари строить! На праздничный прием многие пришли с женами. Члены Президиума держались особня-

ком, собравшись за специально сервированным, чуть в отдалении, столом. Центральное место занял сверхсерьезный Маленков с худосочной чопорной супругой; сразу за ним сидел высокомерный Берия; с другого края от Маленкова красовался безукоризненный, точно с картинки, министр Вооруженных Сил Булганин, по случаю праздника одетый в парадную маршальскую форму; напротив председателя правительства устроился Вячеслав Михайлович Молотов – олицетворение прозорливости и мужества; наклонившись к миловидной пухленькой дочке, почти заслонив невысокого Анастаса Ивановича Микояна, который, как всегда, был прост и улыбочив, сидел Каганович, седовласый Климент Ефремович Ворошилов устроился с самого края. Неприветливый, колючий Каганович сел на самом краю. Именно к этому столу, на который были устремлены сотни любопытствующих взоров, и проводили Никиту Сергеевича с супругой. Хрущевым досталось место по соседству с Лаврентием Павловичем.

– Рад тебя видеть, Никита Сергеич! Нам с тобой надо чаще бывать на людях, – заметил Берия. – Шампанского? – обратился он к Нине Петровне.

– Спасибо, я не пью!

– Вы не пейте, пригубите, и все. На приемах главное – вовремя чокаться, – разъяснил Лаврентий Павлович и протянул Нине Петровне фужер.

Где-то в стороне ненавязчиво звучала музыка.

– Слышал, что Васька вытворил?

– Слышал, – отозвался Хрущев.

– Гаденыш! Не знаю, что с ним, засранцем, делать. Весь в папу, дерзкий, вздорный, только один минус – не папа! – сощурился министр. – Да и папа под конец жизни, мягко говоря, поднадоел.

Рядом с центральным расположились еще два привилегированных стола – справа и слева. Один заняли поражающие необъятными золотыми звездами и широченными красными лампасами отважные адмиралы и brave маршалы, усыпанные искрящимися боевыми наградами. Другой занимало осанистое руководство Министерства внутренних дел и госбезопасности, на этот раз, по примеру начальника, одевшее штатское, но выглядевшее гораздо солиднее, чем маршалы и адмиралы.

– Козырные! – скосившись на энкавэдэшников, определил академик Лысенко.

– Слово имеет председатель Совета министров товарищ Маленков!

В зале раздались аплодисменты. Берия хлопал вальняжно, поощрительно, словно позволяя Маленкову выступать. Присутствующие подстраивались под него – захлопал Лаврентий Павлович, и они захлопали, перестал хлопать – и они перестали. Маленков развернул бумажку и начал читать.

– Та, та, та, та! – передразнивал Берия. – Он пока наизусть текст ни вызубрит, толком прочесть не может.

– С бумажкой не запутается! – в унисон ему заметил Хрущев.

Маленков говорил невыразительно, кисло, иногда поднимая глаза.

– С праздником, товарищи! За наши успехи! За наш народ, за всех нас! – закончил Георгий Максимилианович.

– В восемь минут уложился, – подсчитал Хрущев.

– Мог бы вообще не говорить, просто бы выпил! – сощурился Лаврентий Павлович.

Заиграла музыка, люди стали разбредаться по залу, между многими завязались беседы.

– Убери ты это вино! – отталкивая руку официанта, разливающего «Хванчкару», грубо произнес Берия. – Поперек горла оно стоит! Эй, Коля! – позвал он коменданта Кремля. – У тебя другое вино есть? Молдавское есть?

– Найдем, Лаврентий Павлович!

– Неси скорей!

Молотов осторожно отставил бокал на край стола и потянулся за чистым. Брусницын со старанием разлил бутылку молдавского «Рислинга».

– Совсем другое дело! – отпив, похвалил Берия. – Предлагаю выпить узким кругом!

Ворошилов, Маленков, Молотов, Каганович, с одной стороны, Хрущев с Булганиным, Микоян, Первухин и Сулов – с другой, обступили Лаврентия Павловича.

– За свободу, за счастливое будущее, новое будущее! – со значением произнес министр госбезопасности.

Руки с фужерами задвигались, пытаясь дотянуться до надменного грузина. Преданные взгляды стремились проникнуть в глубину его невозмутимых глаз, защищенных от постороннего мира сверкающими стеклами пенсне.

– За нас!

– За тебя, Лаврентий Павлович!

– За тебя! – с придыханием чокался Маленков.

Булганин весело ударил по бокалу всеильного министра своим и озорно засмеялся:

– Будь здоров!

– И вы все будь-те здо-ро-вы! – одними губами прошептал Берия.

5 мая, вторник

Никита Сергеевич вернулся домой поздно. Сильно хлопнув дверью, он прямо с порога бросил на подоконник шляпу, как-то неаккуратно опустил на стул плащ и, присев на скамеечку, стал, охая, переобуваться.

– Что случилось? – встревоженно спросила Нина Петровна. Она всегда дожидалась, пока муж возвратится с работы.

– Васю Сталина в тюрьму закрыли!

– Когда?

– Сегодня.

– За что?

– Так на совещании решили.

– На каком совещании?

– На Президиуме.

– За что?

– Берия с Молотовым потребовали. Аморальный Васька тип, это ладно, так ведь против руководства страны выступил, вот до чего докатился!

– Обычный пьяница! – возразила Нина Петровна.

– Не обычный. Он пьяница-Сталин, с длинным грязным языком! – оборвал жену Никита Сергеевич. – Ты думаешь, я этому аресту рад? Я не рад, я считаю, что надо кончать с арестами! Лаврентий волю почувствует и разойдется!

– Он же его убьет! – охнула жена.

– Руки по Сталиным чешутся. До судороги! – хмуро подтвердил Никита Сергеевич. – И Лаврик, и Вячеслав поквитаться с Иосифом хотят – и поквитаются!

Хрущев обул тапки и, облокотившись на стену, кряхтя, поднялся.

– На магнитофон беседу с корреспондентом «Би-би-си» записали, где Васька всех положит. У англичанина удалось пленку отнять, как ее прослушали, так ахнули – что он там наплел! Вот и заткнули в тюрьму.

– А что Маленков? – спросила Нина Петровна.

– Маленков? – развернувшись к жене, угрюмо ответил супруг. – Маленков отмалчивается. Я Булганину позвонил, он на Президиуме не был, спрашиваю: «Что делать будем, Николай?» Коля трубку бросил, через полчаса ко мне прикатил: «Ты в своем уме, по телефону такое спрашивать?!» Ему Васю не жалко, он о себе печется. Да все мы такие, лилипуты! – махнул рукою Никита Сергеевич и присел возле жены. – Эх, Вася, Вася! Сам себя подвел! Сидел бы тихо, глядишь, и пожил бы.

Нина Петровна взяла мужа за руку.

– Никого твой Берия не боится, – проговорила она. – А ты с ним говорил, пробовал смягчить его?

– Как смягчишь? Ни его, ни Молотова с места не сдвинешь, они упертые, злопамятные, – уставился на супругу Хрущев. – Василия предупреждали – молчи, не открывай рот в общественных местах! Разве слушал? Как танк пер, как таран! На каждом углу кричит: отца отравили, от медицинской помощи изолировали, дождались, пока умрет. Заговор! – процитировал Никита Сергеевич.

– За-го-вор! – ахнула Нина Петровна.

– И знаешь, кого в числе заговорщиков Васька называл?

– Кого?

– Берия, тот, понятно, главный, – перечислял Никита Сергеевич. – Маленкова к убийству приписал, он же председателем Совета министров стал, а третий – я. Вот злобная троица!

– Вы действительно Сталина отравили?! – ужаснулась Нина Петровна.

Хрущев с изумлением взглянул на жену и, скорчив дурацкую гримасу, ответил:

– А ты не помнишь, как я яд в ступке толоч?!

Нина Петровна не поняла сарказма.

– Ты к нему подберись, попробуй, к Сталину! – распалялся муж. – Мы отравили! Это ж надо додуматься! Когда издох, чего лицемерить, обрадовались. Все обрадовались, и я, и Молотов, и лучший друг Каганович, а Берия, тот на седьмое небо от счастья взлетел. Точно сдурели от радости, потому что Сталин каждого истерзал! А тут – на тебе, отравили, растрезвонили! Сталина не знают. Эх, люди, люди! – проворчал муж, и устало побрел в спальню.

Дождь ходил кругами: просыплется на землю, придавит траву, расшерудит листья, уйдет, а через час-другой снова стучит в окна грозными каплями – не дождь, а прямо наводнение! После жары, которая приближала столбик термометра к тридцати, Подмосковье, охваченное внезапными ливнями, остывало. Ночью наглухо закрывали окна и форточки, и снова стали укрываться одеялами, отложив в сторонку тонкую простынку, под которой несколько дней назад было вполне уютно. Со всех сторон дул резкий ветер, небо гремело.

– Валентина, ты на стол не собирай, – проговорил комендант дачи Василия Иосифовича. – Ужинать никто не придет.

– В Москве остались? – прилежно поправляя скатерть, проговорила женщина.

Комендант кашлянул: «Что ей отвечать?»

– Василий Иосифович арестован! – без предисловий отчеканил он.

– Кто арестован? – онемела Валя.

– Василий Иосифович арестован!

– Кем?

– Да кем, глупая ты голова! МГБ арестовал! – выпалил майор и, хлопнув дверью, вышел из комнаты.

Валя стояла ошарашенная этим страшным известием: «Васенька арестован? За что? За какие прегрешенья? Это какая-то путаница, какой-то вздор! Что он говорит? Напутал, уж верно, напутал! Нет, нет!»

Она крепче и крепче сжимала руки и вдруг со всех ног кинулась вдогонку майору: распахнула дверь, пробежала в прихожую, выскочила на крыльцо, у которого послушно ожидала служебная «Победа» и куда на заднее сиденье и забрался комендант дачи.

– Постойте! – закричала Валентина. – Стойте!

Комендант уже устроился на сиденье, ему пришлось снова высунуться наружу.

– Чего тебе?

– Вы сказали, что Васю, Василия Иосифовича арестовали?

Майор кивнул:

– Сказал.

– Это неправда! – заламывала руки старушка.

– Правда! – отозвался майор, продвинулся в глубину салона и резко захлопнул дверь машины. «Победа» тронулась.

– Неправда! – стояла и повторяла Валентина, глядя вслед удаляющемуся автомобилю. – Неправда, неправда! Такого не может быть!

Она развернулась и уже совсем неторопливо пошла в дом и принялась снова собирать на стол. Не поверила безмозглому солдафону, решила во что бы то ни стало дожидаться Василия Иосифовича, пусть и под утро, пусть и не совсем трезвого, в сопровождении сумасбродной компании, но дожидаться, развеять грязные наговоры, поглядеть в его добрые дорогие глазки, обнять – ведь Васенька теперь был для нее самым родным, самым хорошим!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.